

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена»

На правах рукописи

Антипина Светлана Степановна

Социально-психологические детерминанты киберагрессии у подростков

Специальность: 5.3.5. – Социальная психология, политическая и экономическая
психология (психологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук, доцент
Микляева Анастасия Владимировна

Санкт-Петербург

2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТОВ КИБЕРАГРЕССИИ	14
1.1. Киберагрессия как форма интернет-взаимодействия	14
1.1.1. Термин «киберагрессия» в сравнении с другими понятиями	18
1.1.2. Киберагрессия: отличие от офлайн	23
1.2. Киберагрессия: определение понятия и основные характеристики	31
1.2.1. Виды киберагрессии	35
1.2.2. Мотивы киберагрессии	38
1.3. Социально-психологические характеристики киберагрессии в подростковом возрасте	43
1.3.1. Социально-психологические факторы киберагрессии в зарубежных и отечественных исследованиях.....	45
1.3.2. Социально-психологические факторы киберагрессии в подростковом возрасте	50
Выводы по итогам главы 1	60
ГЛАВА II. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	62
2.1. Характеристика выборки	62
2.2. Организация исследования	62
2.3. Описание методов и методик исследования	65
2.4. Методы статистической обработки эмпирических данных	73
Выводы по итогам главы 2	76
ГЛАВА III. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТОВ КИБЕРАГРЕССИИ	77
3.1. Выраженность киберагрессии и ее различных типов у подростков	77
3.2. «Цифровой опыт» подростков и его связь с киберагрессией	83
3.3. Социально-психологические предикторы киберагрессии	89

3.3.1. Агрессивность как один из предикторов киберагрессивного поведения подростков	89
3.3.2. Эмпатия как один из предикторов киберагрессивного поведения подростков	97
3.3.3. Стили поведения в конфликтной ситуации как один из предикторов киберагрессивного поведения подростков	100
3.3.4. Социальный интеллект как один из предикторов киберагрессивного поведения у подростков	107
3.3.5. Коммуникативные характеристики как один из предикторов киберагрессивного поведения у подростков	113
3.4. Социально-психологические детерминанты киберагрессии: эмпирическое обоснование теоретической модели	123
Выводы по итогам главы 3	133
Итоговые выводы	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	141
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	147
Приложение 1	184
Приложение 2	186
Приложение 3	188
Приложение 4	189

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Современное общество характеризуется стремительным развитием информационно-коммуникативных технологий. Интернет стал неотъемлемой частью жизни людей, особенно подростков. Согласно совместному исследованию Google и Ipsos, 98% молодежи в возрасте от 13 до 24 лет ежедневно выходят в Интернет. Более трети подростков (36%) проводят в Сети от 3 до 5 часов в сутки, а 29% молодых людей находятся онлайн свыше 7 часов каждый день. Из всего проведенного времени в Интернете 76% подростки тратят на общение [50]. Именно взаимодействие с людьми у подростков выходит на первый план, для них онлайн-общение становится значимой сферой. В интернет-среде, как и в любом другом коммуникативном пространстве, подростки сталкиваются с проявлениями деструктивного поведения. 33% подростков сталкивались с разными видами насилия при онлайн-общении, 9% становились жертвами кибербуллинга [50]. Проблема деструктивного поведения подростков при общении в Сети вызывает беспокойство, так как подростки определяют Интернет как источник болезненного и враждебного опыта [68]. В процессе общения подростки и сами проявляют агрессию в адрес других пользователей, и сталкиваются с агрессивным поведением в отношении себя. Такие действия в Интернете определяются как киберагрессия.

Термин «киберагрессия» имеет англоязычное происхождение и был введен в употребление в 2007 г. профессором J. Chibbaro [131]. Киберагрессия представляет собой форму агрессивного поведения, реализуемого посредством Интернета или, в более широком понимании, с использованием информационно-коммуникационных технологий [190, 233, 269]. К данному феномену можно отнести агрессивные нападки, издевательства, унижения, оскорбления, разоблачения, манипулирование, преследования посредством коммуникативных технологий [75]. В работе под киберагрессией будем понимать деструктивные

действия, направленные на причинение вреда другим пользователям сети Интернет, осуществляемые с помощью электронно-коммуникативных устройств.

Исследования показывают, что киберагрессия не тождественна агрессии [68, 190, 223, 241]. Это позволяет рассматривать ее как самостоятельный социально-психологический феномен. Изучение киберагрессии как социально-психологического феномена – достаточно новая область исследований. В последние несколько десятков лет данная проблема интенсивно изучается зарубежными учеными (особенно канадскими и американскими), а в России интерес к исследованию киберагрессии появился значительно позже. Наиболее многочисленны исследования, изучающие особенности киберагрессии, ее природу, а также сходство и отличия от офлайн-агрессии (Runion R.C., Spitzberg B., Hoobler G., Beran T., Li Q., Hinduja S., Patchin J.W., Hvdston D.J., Hvdston B.A.). Ряд работ посвящен возрастным особенностям проявления агрессии в Интернете (Kowalski R.M., Limber S.P., Mahdavi J., Carvalho M., Fisher S., Vandebosch H., Van Cleemput K., Черкасенко О.С.). Также изучаются гендерные различия киберагрессии (Li Q., Connell N.M., Schell-Busey N.M., Pearce A.N., Negro P., Солдатова Г.У., Шляпников В.Н., Журина М.А.), анализируются причины деструктивного поведения подростков в виртуальном пространстве и исследуются психологические аспекты проблемы киберагрессии (Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Левина Л.В., Баранов А.А., Рожина С.В.). В некоторых работах рассматривается взаимосвязь киберагрессии и суицидального поведения у подростков (Hinduja S., Patchin J.W., Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Левина Л.В.). Часть исследователей уделяют внимание влиянию киберагрессии на различные стороны жизни подростков (Edeberg G., Thorvaldsen S., Ronning J.A., Бочавер А.А., Холмов К.Д., Солдатова Г.У., Ярмина А.Н., Fichman P., Sanfillippo M.R., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.).

Современные исследователи начали изучать причины агрессивного поведения подростков в Интернете (Sontag L.M., Clemans K.H., Graber J.A., Lyndon S.T., Bayraktar F., Machackova H., Dedkova L., Cerna A., Ševčíková A. и другие). К сегодняшнему дню имеются данные о характере взаимосвязей между киберагрессией и различными социально-психологическими особенностями

личности: агрессивностью (Погорелова Е.И., Арькова И.В., Голубовская А.С., Шаров А.А., Ang R.P., Li X., Seah S.L.), враждебностью (Ang R.P., Tan K., Mansor T.A., Fanti K.A., Demetriou A.G., Hawa V.V.), эмпатией (Ang R.P., Li X., Seah S.L.), эмоциональным интеллектом (Yudes C., Rey L., Extremera N.), самоконтролем (Vazsonyi A.T., Machackova H., Sevcikova A., Smahel D., Cerna A.), социальными компетенциями (Romera E.M., Cano J.J., García-Fernández C.M., Ortega-Ruiz R.). Кроме того, имеются данные о том, что киберагрессия подростков связана с характеристиками их цифрового опыта (Fest R., Scharnow M., Quandt T., Lee C., Shin N., Walrave M., Heirman W.) и различается в зависимости от возраста и пола (Kowalski R.M., Limber S.E., Agatston P.W., Williams K.R., Guerra N.G., Hinduja S., Patchin J.W., Rivers I., Noret N., Runions K.C., Bak M., Shaw T.).

К сегодняшнему дню имеется большое количество доказательств того, что киберагрессия представляет собой особую форму агрессии, социально-психологические детерминанты которой отличаются от агрессии, осуществляемой в «нецифровом» взаимодействии [69, 232]. Эта разница определяется особенностями интернет-пространства как пространства коммуникации. В то же время в исследовательских и практикоориентированных работах, посвященных проблеме киберагрессии, зачастую наблюдается использование методологии, типичной для исследований агрессии и практической работы по ее профилактике и преодолению, что размывает границы киберагрессии как особого социально-психологического феномена. Таким образом, **проблема исследования** заключается в противоречии между представлениями о феномене киберагрессии как особой форме агрессии и распространенностью применения методологии изучения агрессии в «нецифровой» среде при изучении киберагрессивного поведения, разработке социально-психологических программ профилактики и коррекции киберагрессивного поведения.

В качестве **объекта исследования** в работе рассматривается киберагрессия.

Предметом исследования являются социально-психологические детерминанты киберагрессии в подростковом возрасте.

Цель исследования заключается в выявлении социально-психологических детерминантов киберагрессии в подростковом возрасте.

В основу исследования положена **гипотеза** о том, что киберагрессия подростков детерминирована рядом социально-психологических факторов, таких как агрессивность, эмпатия, стили поведения в конфликтной ситуации, коммуникативные характеристики, социальный интеллект, и эти факторы могут варьироваться в зависимости от пола, возраста и цифрового опыта подростков.

Для проверки гипотезы необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать основные подходы к изучению феномена киберагрессии в социальной психологии.

2. На основе анализа научных источников разработать теоретическую модель социально-психологических детерминантов киберагрессии.

3. Разработать программу эмпирического исследования типов киберагрессии и социально-психологических детерминантов киберагрессии у подростков.

4. Адаптировать для русскоязычной выборки подростков опросник “The cyber-aggression typology questionnaire” (CATQ), разработанный К.С. Runions [241].

5. Изучить выраженность различных типов киберагрессии у подростков с учетом пола, возраста и цифрового опыта.

6. Описать взаимосвязь киберагрессии с потенциальными социально-психологическими детерминантами у подростков с учетом пола, возраста и цифрового опыта.

7. Определить вклад социально-психологических детерминантов в киберагрессию подростков с учетом их пола, возраста и цифрового опыта.

Теоретико-методологическую основу исследования составили:

- мотивационные и когнитивные теории агрессии (Лоренц К., Доллард Д., Бандура А., Берковиц Л., Barriga A.Q., Landau J.R., Stinson B.L. и другие);
- четырехсторонняя модель киберагрессии (Runions К.С.), основанная на четырехсторонней типологии агрессии (QVT) R.R.C. Howard;
- теории социально-психологической детерминации онлайн взаимодействия: теория социального присутствия (Short J.A., Wiliams E., Christie B.); теория

обработки социальной информации (Уолтер Дж.), теория «сигналов социального контекста» (Sproull L., Kiesler S.).

Методы и методики исследования

Эмпирическое исследование было организовано методом поперечных срезов. Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью следующих психодиагностических методик: опросник «Типология киберагрессии», адаптированный в рамках диссертационного исследования; «Тест описания поведения» К. Томаса в адаптации Н.В. Гришиной; «Личностный опросник агрессивности Басса – Перри» в адаптации С.Н. Ениколопова; «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна в модификации Н. Эпштейна; «Диагностика коммуникативного контроля» М. Шнайдера; опросник В.А. Лосенкова для оценки потенциала коммуникативной импульсивности; «Направленность личности в общении» С.Л. Братченко; «Шкала социального интеллекта Тромсо», адаптированная А.Д. Наследовым и В.Ю. Семеновым.

С помощью анкетирования были получены социально-демографические характеристики, а также сведения о цифровом опыте подростков.

Статистическая обработка, включающая описательную статистику с вычислением критериев достоверности различий (критерий Манна – Уитни и критерий Краскела – Уоллиса), корреляционный анализ, дисперсионный анализ и регрессионный анализ, производилась с применением программного обеспечения IBM SPSS версия 23.0, а также методом моделирования структурными уравнениями с помощью IBM SPSS AMOS версия 23.0.

Эмпирическую базу исследования составили подростки в количестве 325 человек в возрасте от 11 до 16 лет, из них 156 девочек и 169 мальчиков учащиеся средних и старших классов коллективов школ г. Санкт-Петербурга.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на российской выборке получены данные о распространении различных типов киберагрессии в подростковой среде: импульсивно-инициативной киберагрессии, импульсивно-ответной киберагрессии, произвольно-инициативной киберагрессии и произвольно-ответной киберагрессии. Впервые выделены социально-

психологические детерминанты киберагрессии у подростков: агрессивность, эмпатия, социальный интеллект, стили поведения в конфликтной ситуации, коммуникативные характеристики. Определен вклад агрессивности, эмпатии, социального интеллекта, стилей поведения в конфликтной ситуации, коммуникативных характеристик в киберагрессию у подростков с учетом возраста, пола и цифрового опыта.

Теоретическая значимость заключается в том, что систематизированы теоретико-методологические предпосылки исследования социально-психологических детерминантов киберагрессии у подростков. В исследовании выявлены социально-психологические детерминанты киберагрессии у подростков. На основе теоретико-методологического анализа уточнено содержание понятия «киберагрессия». Киберагрессия понимается как все деструктивные действия, направленные на причинение вреда, осуществляемые в сети Интернет с помощью электронно-коммуникативных устройств.

Практическая значимость состоит в том, что полученные в ходе диссертационного исследования результаты и выводы расширяют возможности психологической работы с подростками, позволяют разработать программы социально-психологического сопровождения киберсоциализации подростков с учетом возрастных и гендерных особенностей проявлений агрессии в интернет-пространстве. Помимо этого, в ходе исследования проведена адаптация англоязычного опросника “Cyber-aggression typology questionnaire” (CATQ) для русскоязычной выборки подростков. Данную методику можно использовать в качестве надежного инструмента для определения киберагрессии у подростков.

Исследование соответствует паспорту научной специальности 5.3.5. «Социальная психология, политическая и экономическая психология» по п. 2 «Изучение закономерностей общения и деятельности людей, обусловленных социальным, политическим и экономическим контекстами их взаимодействия в реальной и цифровой среде. Психология межкультурных коммуникаций; онлайн-коммуникаций»; п. 6 «Исследование типов взаимодействия: исследования конфликтов в реальной и виртуальной среде»; п. 29 «Исследования агрессивного

поведения, фрустрации; изучение агрессии в социальных системах и социальных сетях».

Достоверность и надёжность результатов исследования обеспечиваются надежным теоретико-методологическим обоснованием эмпирического исследования, применением комплекса валидных, надежных и апробированных методов и методик, адекватных предмету, цели, задачам исследования, достаточным объемом выборки, использованием современных методов статистического анализа данных, сопоставлением полученных эмпирических данных с исследованиями других авторов.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Киберагрессия как социально-психологический феномен понимается как деструктивные действия, направленные на причинение вреда другим пользователям сети Интернет, осуществляемые с помощью электронно-коммуникативных устройств. Киберагрессия имеет ряд отличительных особенностей, которые позволяют рассматривать ее как особую форму агрессии: коммуникативная асинхронность, анонимность и дистанцированность, независимость от времени и места, возможность повторного использования источника угрозы, большая аудитория наблюдателей.

2. Адаптированный опросник «Типология киберагрессии», позволяющий дифференцированно оценивать различные типы киберагрессии, такие как импульсивно-ответная киберагрессия («ярость»), произвольно-ответная киберагрессия («мечь»), произвольно-инициативная киберагрессия («вознаграждение») и импульсивно-инициативная киберагрессия («развлечение»), в достаточной степени надежен для того, чтобы использовать его для изучения киберагрессии у российских подростков.

3. Подростки склонны проявлять киберагрессию на протяжении всего подросткового возраста. Наиболее активны в проявлении киберагрессии подростки 12 и 16 лет. Ведущим мотивом проявления киберагрессии на протяжении подросткового возраста является «мечь», по мере взросления наблюдается увеличение показателей импульсивно-инициативной киберагрессии,

ориентированной на мгновенное достижение положительного эмоционального эффекта («развлечение»). Мальчики совершают агрессивные действия в Интернете чаще, чем девочки.

4. Положительными предикторами киберагрессии (независимо от ее типа) в подростковом возрасте являются агрессивность, социальный интеллект, коммуникативная импульсивность, коммуникативный контроль и авторитарная направленность в общении, отрицательными предикторами – стили поведения в конфликтной ситуации «приспособление» и «компромисс». Специфическими предикторами для разных типов киберагрессии являются: для импульсивно-ответной киберагрессии положительными предикторами – физическая агрессия, соперничество, отрицательным – эмпатия; для произвольно-ответной киберагрессии положительный предиктор – враждебность; для произвольно-инициативной киберагрессии положительные предикторы – вербальная агрессия и диалогическая направленность в общении; для импульсивно-инициативной киберагрессии положительные предикторы – гнев и манипулятивная направленность в общении.

5. Взаимосвязи между киберагрессией и ее предикторами опосредованы полом и возрастом подростков, а также показателем времени, проводимого подростком в Интернете. Вклад в киберагрессию у подростков гнева, вербальной агрессии и эмпатии опосредован полом и в большей степени характерен для мальчиков, а вклад физической агрессии, авторитарной и конформной направленности в общении в большей степени значим для девочек. Возраст опосредует вклад в киберагрессию эмпатии (более значим у старших подростков), социального осознания, альтероцентристской и конформной направленности в общении (в большей степени значим у младших подростков). Помимо этого, вклад эмпатии и социальных навыков в киберагрессию опосредован временем, проводимым подростками в Интернете (с увеличением этого показателя усиливается вклад эмпатии и снижается вклад социальных навыков).

Апробация результатов исследования. Основные выводы и результаты исследования были обсуждены на следующих научных конференциях:

1. IV Международная научная конференция “Digital Transformation & Global Society” (DTGS 2019) (ITMO Congress Center, г. Санкт-Петербург, 2019);
2. II Международная научно-практическая конференция «Герценовские чтения: психологические исследования в образовании» (РГПУ им. Герцена, Санкт-Петербург, 2019);
3. V Международная научная конференция “Digital Transformations & Global Society” (DTGS-2020) в рамках XXII Объединенной научной конференции «Интернет и современное общество» (“Internet and Modern Society” IMS-2020) (ITMO Congress Center, г. Санкт-Петербург, 2020);
4. II Международная научно-практическая конференция «Тенденции развития психолого-педагогического образования в условиях транзитивного общества» (ICTDPP-2020) (заочно, Донской государственный технический университет, 2020);
5. XXIV Объединенная научная конференция «Интернет и современное общество» (“Internet and Modern Society” IMS-2021) (ITMO Congress Center, г. Санкт-Петербург, 2021);
6. Международная научная конференция «Ананьевские чтения – 2022» (СПбГУ, г. Санкт-Петербург, 2022);
7. V Международная научно-практическая конференция «Герценовские чтения: психологические исследования в образовании» (РГПУ им. Герцена, г. Санкт-Петербург, 2022);
8. Международный психологический форум «Ребенок в цифровом мире», 2023;
9. XIX Международная ежегодная научно-практическая конференция «Новые образовательные стратегии в открытом цифровом пространстве», 2024.

По теме диссертационного исследования опубликовано 11 работ, из них три – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, две работы опубликованы в изданиях, индексируемых в Scopus.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, выводов, списка литературы (305 источников, в том числе 216 на иностранных языках) и приложений. Текст диссертации изложен на 189 страницах и проиллюстрирован 40 таблицами и 9 рисунками.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТОВ КИБЕРАГРЕССИИ

1.1. Киберагрессия как форма интернет-взаимодействия

Интернет стал неотъемлемой частью нашей жизни за последние десятилетия. Многие устройства мобильной связи позволяют нам повсеместно использовать Интернет, находить свежие новости и почти мгновенно выражать свое отношение к ним, показывая наше настроение. «Интернет превратился в место для встреч, полное людей и идей, стал киберпространством, миром коммуникаций, информации и развлечений, в котором не существует понятия «расстояние»» [2, с. 4]. Сегодня Интернет представляет собой среду, а коммуникация становится её главной частью. Интернет-коммуникация – достаточно новое явление современного общества. Всемирная паутина всё активнее превращается в ключевой инструмент общения, подстегивая «новые социокультурные процессы» [32, с. 53]. Она становится пространством для взаимодействия, которое оказывает всё более заметное влияние на самые разные аспекты жизни современного общества.

Интернет-общение в более широком смысле понимают, как коммуникативный процесс, опосредованный Всемирной сетью – Интернет [19]. По-другому можно сказать, это особое пространство со своими социокультурными и психологическими законами, сформированное существующей реальностью, но не идентичное ему [30]. Интернет-взаимодействие очень популярно именно среди подростков, оно стало удобным способом общения, а также элементом своеобразной образовательной среды, где можно получить новую информацию по интересующим темам.

К ключевым характеристикам новой виртуальной коммуникации относят: глобальность, интерактивность и виртуальность. Глобальность означает, что в цифровом пространстве исчезают границы, которые могли бы помешать общению. При этом можно установить контакт с любым пользователем Интернета, где бы он ни находился. Однако здесь есть свои особенности: дистантность – взаимодействие

происходит на расстоянии и опосредованность, то есть через посредника в виде технического средства без прямого контакта. Интерактивность в свою очередь даёт возможность общаться напрямую с аудиторией и получать от неё отклик немедленно [82]. Виртуальность обладает рядом особенностей, среди которых ограниченный сенсорный опыт, анонимность [29] и отсутствие физического присутствия [82]. Благодаря этим характеристикам пользователи в определенной степени уравниваются в правах независимо от их социального статуса, возраста, уровня образования, материального положения, внешности и других факторов. Анонимность основана на отсутствии физической представленности участников интернет-взаимодействия [33, 279]. При этом подростки, которые сталкиваются с проблемами в общении лицом к лицу, находят утешение и поддержку в социальных сетях. Они приходят туда за уверенностью, которой им не хватает в реальности и восполняют дефицит общения и внимания со стороны других людей. Анонимность позволяет им показать себя такими, какими им хочется быть, не раскрывая своей настоящей личности [16]. В таких виртуальных отношениях сложно проверить правдивость информации о партнере по общению – статистика 2005 года свидетельствует о том, что примерно каждый четвертый подросток в Интернете выдаёт себя за кого-то другого, представляется совсем иным, чем он есть на самом деле (другого пола, возраста, этноса, сексуальной ориентации и прочее) [196]. Также эта особенность вызывает трудности в использовании невербальных средств и способствует ненормативному поведению личности. Цифровое общение размывает допустимые границы этических норм взаимодействия, приводя к тому, что для определенных индивидов оскорбления и агрессия становятся обыденностью. Еще одной важной характеристикой интернет-взаимодействия является добровольность контактов.

Вопрос о преобладании отрицательного или положительного влияния интернет-взаимодействия на личность подростка остается дискуссионным и однозначного ответа не имеет. Важно помнить, что каждый подросток индивидуален, и влияние Интернета на него может быть, как положительным, так и отрицательным.

Ряд исследователей выделяют положительные особенности Интернета как культурного явления. В частности, виртуальная сеть предоставляет уникальную возможность для развития коммуникативных навыков, обмена идеями и информацией [155], а также расширения социокультурных горизонтов, позволяет проявлять независимость в суждениях, способствует личностному росту подростка; помогает преодолевать границы, позволяет исполнять различные социальные роли одновременно [49]. Важной особенностью интернет-среды является и то, что эта среда не дает возможности для проявления физической агрессии, основные проявления агрессии выражены в вербальной форме.

Таким образом, на протяжении всего периода изучения Интернета и онлайн-взаимодействия исследователи разрабатывают новые теории, позволяющие понять и объяснить природу онлайн-взаимодействия. На начальном этапе самые ранние теории были сосредоточены на негативных аспектах онлайн-общения, в свою очередь, более поздние теории стали формировать более оптимистичный взгляд на онлайн-общение. Такими теориями стали – теория социальной обработки информации, теория социального присутствия, теория «сигналов социального контекста» и другие.

Теория социального присутствия, разработана Дж. Шортом, Э. Уильямсом и Б. Кристи [247]. Данная теория классифицирует средства коммуникаций по степени социального присутствия и определяется степенью осведомленности о коммуникационном взаимодействии. По мере развития компьютерных технологий социальное присутствие стало рассматриваться как способ представления индивидами самих себя в интернет-среде, то есть готовность и желание индивида быть вовлеченным или установить контакт с другими пользователями в онлайн-сообществе. Социальное присутствие может быть представлено онлайн-публикациями, различными сообщениями.

Теория «сигналов социального контекста» (“social context cues”) [259]. Сигналы социального контекста включают в себя окружение индивида и невербальное поведение взаимодействующих, что позволяет определить особенности социальной ситуации и статус оппонентов по коммуникации.

Недостаточное количество сигналов при онлайн-общении приводит к усложнению процесса понимания коммуникации, выравниванию статусов общающихся, большей ориентации на себе.

Таким образом, одной из важных проблем современного мира является проблема влияния интернет-среды на человека и социум в целом. Стремительно быстро эта среда «виртуального взаимодействия» стала важной частью нашей жизни. В интернет-пространстве спонтанно сложилась собственная культура, на формирование которой сказались такие особенности сетевой коммуникации, как анонимность, доступность, широкие возможности размещать в Сети как вербальный, так и аудиовизуальный образный контент.

В виртуальной среде общение существенно отличается от личных встреч. Есть свои плюсы и минусы, как и у любого другого способа взаимодействия [79]. Однако, даже в этом случае могут возникать проявления деструктивного поведения. Особенно беспокоит деструктивное поведение при онлайн-общении среди подростков. Во-первых, данный вид общения становится важным и одним из ключевых аспектов социализации в подростковом возрасте. Во-вторых, по данным исследований Г.У. Солдатовой, С.В. Чигарьковой, А.А. Дренёвой и С.Н. Илюхиной, подростки определяют риски при коммуникациях в онлайн-среде как наиболее «значимые, опасные и травматичные» [69]. В-третьих, столкновение подростков с деструктивными проявлениями в ситуациях общения в виртуальном пространстве становится сложной жизненной задачей, требующей умения справляться с ней. В-четвертых, в сфере онлайн-коммуникаций только начинают разрабатываться меры профилактики и совладания с деструктивными онлайн-рисками. В-пятых, современные тенденции, такие как ускоренный ритм жизни, различия в материальном благосостоянии, общее снижение культурного уровня, способствуют увеличению агрессивности, особенно среди подростков. Интернет становится площадкой для демонстрации соответствия моде на агрессию, что подталкивает к ее усилению. Теперь подростки могут использовать устройства электронной связи для преднамеренного причинения вреда отдельным лицам или группам. Такие действия в Интернете определяются как киберагрессия.

Рассмотрим подробнее данную форму деструктивного онлайн-взаимодействия, являющуюся одной из наиболее распространённых форм негативного общения в Интернете.

1.1.1. Термин «киберагрессия» в сравнении с другими понятиями

Феномен «киберагрессия» является предметом многих общественных и научных дебатов. Киберагрессия означает агрессивное поведение, осуществляемое через Интернет или, в более общем смысле, при помощи информационно-коммуникационных технологий [190, 233, 269]. Агрессия в Интернете, происходящая через доступные электронные устройства, обозначается различными терминами: киберзапугивание [296], интернет-агрессия [285], онлайн-агрессия [193] и киберагрессия [245]. Как правило, термин, используемый в исследовании, зависит от конкретных аспектов измерения (например, постоянная и связанная с властью агрессия, проявляющаяся с течением времени, или единичные эпизоды агрессивного поведения). Отсутствие согласованности в терминологии может вводить в заблуждение исследователей. Так, на начальной стадии исследований проблема киберагрессии у подростков часто рассматривалась как кибербуллинг, а альтернативные термины, такие как онлайн-агрессия, не приобрели широкого распространения. В ранних работах, проведенных за рубежом, понятия «киберагрессия» (“cyber-aggression”) и «кибербуллинг» (“cyber-bullying”) были равнозначны. Неопределенность и расплывчатость понятия «кибербуллинг», позволяла трактовать его в более широком контексте [110, 215].

Рассмотрим несколько определений «кибербуллинга». Кибербуллинг известен как интернет-издевательство – это всё, что кто-то делает с нами в киберпространстве с намерением оскорбить или унижить [184]. По мнению S. Hinduja и J.W. Patchin, это умышленный и повторяющийся вред, причиняемый СМИ или электронным текстом [172]. В ходе процесса виновные лица говорят жертве неприятные и обидные вещи, насмеваются над жертвой, ругают жертву или игнорируют её, исключают её из своей группы (например, группы друзей), распространяют ложь о жертве, клеветуют на неё или совершают другие вредные

действия [200]. R. Slonje и P.K. Smith считают, что это запугивание с помощью текстовых сообщений, электронных писем, мобильных телефонов, фотографий и видео [250]. Запугивание происходит, когда эти материалы отправляются жертве, а также когда они отправляются другим [253]. В представленных определениях мы видим совпадения в трактовке понятий «киберагрессия» и «кибербуллинг». Этот терминологический спор отражает историю первой волны исследований.

Зарубежными учеными признаётся, что оба киберагрессивных опыта могут быть связаны между собой, и показатели многих исследований часто пересекаются [203, 281, 282]. Позднее в своих работах В. Belsey выдвинул идею о том, что кибербуллинг представляет собой использование информационных и коммуникационных технологий для намеренного и систематического причинения ущерба репутации другого человека путем агрессивного поведения отдельного индивида или группы лиц [113]. В более поздних исследованиях определение было сформулировано более конкретно в отношении способов и используемых средств. Например, кибербуллинг – это словесное запугивание, проводимое с помощью электронных средств массовой информации или оборудования для беспроводных технологий [109]. Это агрессия, возникающая через современные технологические устройства, особенно мобильные телефоны и Интернет [201, 250].

Как видно из вышеприведенных определений, понятие «кибербуллинг» очень широкое, и его достаточно сложно отделить от киберагрессии. Тем не менее, к настоящему времени исследователи пришли к заключению, что кибербуллинг должен соответствовать критериям повторяемости, должен быть длительным и восприниматься как причинение вреда. При этом жертва не может эффективно защищаться, так как имеет место дисбаланс сил [188]. Часть исследователей рассматривают кибербуллинг как форму преследования, основанную на систематическом злоупотреблении властью [256].

D. Olweus определил два фактора, имеющих решающее значение для разграничения киберагрессии и кибербуллинга: агрессия – это единичное действие, тогда как буллинг включает повторяющиеся действия; отношения агрессора и жертвы характеризуются дисбалансом власти, в то время как агрессия может быть

между двумя людьми с одинаковой властью. И, наконец, кибербуллинг всегда носит характер преднамеренных действий, который не является обязательным для киберагрессии [222].

Основываясь на данных различиях, были сделаны выводы о том, что киберагрессия – это не просто кибербуллинг, а более масштабное явление, охватывающее различные формы деструктивной активности в сети Интернет [135, 188, 245, 284, 297]. Отечественные ученые разделяют эту точку зрения, также данный подход поддерживается многими зарубежными учеными [81, 83].

В качестве альтернативы понятию «киберагрессия» J. Wolak, K. Mitchell и D. Finkelhor предложили, повторяющиеся акты онлайн-агрессии рассматривать как онлайн-домогательства [288]. Хотя многие ученые придерживаются мнения о том, что киберагрессию следует отличать от кибердомогательств [135, 253], но в существующей литературе эти термины часто используются как синонимы.

Однако киберагрессия – это общий термин для многих типов (и форм) агрессивного поведения с использованием информационно-коммуникационных технологий. В нашем исследовании мы рассмотрим ещё одно понятие, которое необходимо разграничивать с киберагрессией, – это киберненависть (“cyberhate”). Киберненависть также является одним из видов киберагрессии. Онлайн-ненависть включает онлайн-атаки на коллективную идентичность [169]. Под данным понятием подразумевают «онлайн-контент, нацеленный на отдельных лиц или сообщества по характеристикам, основанным на религии, происхождении, цвете кожи или культуре. Дискриминация заключается в том, что люди чувствуют, что с ними обращаются несправедливо из-за их физических или личных характеристик» [206, с. 4]. Феномен «киберненависть» относительно малоизученный, но важный. Ученые признают, что оба киберагрессивных опыта могут быть связаны между собой и, как показали исследования, часто пересекаются. Это создает проблему для изучения киберагрессии, методологических подходов и интерпретации результатов исследований.

Киберагрессию сложно выявить, и, в связи с этим, сложнее защитить жертву, чем при традиционных формах этого явления, поскольку данная форма

виктимизации осуществляется с помощью информационных технологий. «Виктимизация – это не просто процесс превращения личности или социальной общности в жертву, а скорее – в жертву потенциальную» [18, с. 226]. Термины «киберагрессия» и «кибервиктимизация» используются для обозначения ситуаций, в которых человек оказывается тогда, когда подвергается нападению с помощью электронных средств связи [85, 87, 163]. Данная проблема имеет непосредственное отношение к проблеме психологического здоровья общества и, в том числе, изучению переживаемых социумом в целом коллективных эмоций и чувств [21, 27, 86].

Чтобы объяснить связь между кибервиктимизацией и киберагрессией, ряд исследователей обращаются к общей теории напряжения (“general strain theory”), согласно которой такие негативные эмоции, как гнев и фрустрация, усиливаются в результате психологического давления или различных стрессовых факторов [90]. В связи с этим опыт переживания кибервиктимизации и желание справиться с негативными эмоциями может стать причиной выбора подростками неудачных стратегий нивелирования стресса, в том числе таких, как киберагрессия [290].

Таким образом, новые исследования за последнее десятилетие (с использованием различных терминов для обозначения агрессии в Интернете) показали, что киберагрессия является серьезной проблемой для развития подростков. Подростки, ставшие жертвами киберагрессии, подвергаются повышенному риску различных психосоциальных проблем, включая низкую самооценку, суицидальные мысли [226], снижение успеваемости в школе [244], депрессии [186].

Для изучения киберагрессии большое значение приобретает понятие «киберсоциализация». Киберсоциализация – это результат обширной и повсеместной информатизации всех сфер деятельности социума, что дает возможность рассматривать данное общество как информационное и сетевое [41]. Термин «киберсоциализация» (изначально – «виртуальная компьютерная социализация») введен в научный обиход в 2005 году В.А. Плешаковым. Он также стал автором теории киберсоциализации. В.А. Плешаков понимает данное явление

«как локальный процесс качественных изменений структуры личности, происходящий в результате социализации человека в киберпространстве виртуальной социализирующей интернет-среды, то есть в процессе использования его ресурсов и коммуникации с виртуальными агентами социализации, встречающимися человеку в глобальной сети Интернет» [51, с. 34]. В то же время, Г.У. Солдатова применяет термин «цифровая социализация» для описания процесса «овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах ... и формирование цифровой личности как части реальной личности» [66, с. 76]. У зарубежных авторов термин «киберсоциализация» рассматривается достаточно широко и понимается как приобщение человека к культуре электронного общения, а также как совокупность явлений, связанных с ценностями, нормами и правилами, существующими в виртуальном пространстве [132, 140].

Как уже отмечалось, современные подростки активно используют Интернет как пространство для взаимодействия. Интернет вносит в процесс социализации черты спонтанности и неконтролируемости [1]. При общении в виртуальном пространстве подростки начинают воспринимать ценности и нормы, принятые в онлайн-сообществе с его размытыми правилами и границами без прочных социокультурных основ и традиций, за общекультурные ценности. Таким образом, киберсоциализация может как положительно, так и отрицательно повлиять на личностное развитие и социальное функционирование подростков в интернет-пространстве. Отрицательное влияние может проявляться киберагрессией.

Элементы воспринимаемой анонимности в Сети, а также безопасность пребывания за экраном компьютера, помогают освободить людей от традиционно ограничивающего влияния общества, представленного системой регуляторов социального поведения. Использование псевдонимов или псевдонимных адресов электронной почты или учетных записей пользователей затрудняет для жертв возможность легко установить личность правонарушителей, а также, по-видимому, способствует свободе правонарушителя в Интернете. В какой-то момент поведение может перейти черту закона. Таким образом, один из важнейших вопросов,

возникающих при изучении феномена «киберагрессия», заключается в том, представляет ли киберагрессия уникальное явление, отличное от других форм или агрессии сверстников, или это версия того же самого.

1.1.2. Киберагрессия: отличие от офлайн

Формирование культуры и цивилизации на протяжении развития общества ограничивало агрессивность человека. По мнению ученых, в подростковом возрасте в связи с определенными особенностями психического развития ребенок может выказывать такую агрессию, которая по степени проявления насилия может превзойти агрессию взрослых [8, 58]. В исследованиях разных стран можно увидеть, что уровень агрессии подростков отмечается от 4% до 27% [114, 254]. По мере взросления в ходе процесса социализации человек начинает понимать, что существуют определенные культурные нормы, которые ограничивают деструктивные проявления поведения [22]. Пример взрослого, в первую очередь, родителя, очень важен на данном этапе, так как позволяет подросткам освоить новые культурные практики, в том числе, справляться с агрессией. В современных реалиях мы можем констатировать, что наблюдается заметное расхождение в плане освоения цифрового пространства между взрослыми (родителями) и подростками (детьми), что напрямую влияет на становление культуры поведения в онлайн-среде. Таким образом, подростковое восприятие киберпространства выходит за рамки привычных механизмов передачи социальных практик от старшего поколения младшему, что может обуславливать специфику агрессивного поведения в Сети.

Для более полного понимания термина «киберагрессия» необходимо сначала разобраться в определении агрессии в реальной жизни. Агрессия в психологии рассматривается как «мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам совместного существования людей в социуме, приносящее вред, физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт» [13, с. 27]. Агрессия со стороны сверстников может принимать различные формы: она может быть физической (удары, пинки), поведенческой (кража обеда),

вербальной (угрозы, оскорбления) и реляционной (исключение из группы) [114]. Также агрессия может быть прямой или косвенной [270], различаться по интенсивности, продолжительности и мотивам [267].

Обширный теоретический анализ и различие точек зрения на природу агрессии породили большое количество теорий, раскрывающих психологическую сущность агрессии. Многие отечественные и зарубежные психологи изучают агрессию с разных сторон, анализируют причины её проявлений, проводя многофакторный анализ, к примеру, исследования Р.К. Smith [255]. В данных исследованиях агрессию рассматривают как комплексное и многомерное явление с большим количеством предпосылок и условий формирования. Такими предпосылками могут быть ситуативные и личностные детерминанты.

Существует множество теоретических обоснований, которые объясняют природу агрессии и факторы, влияющие на её проявление. Рассмотрим наиболее известные теоретические положения.

Психоаналитический подход

В психоаналитическом подходе агрессия рассматривается как порождение инстинкта борьбы. Основоположником этой теории является З. Фрейд. Он считал, что агрессивное поведение по своей природе инстинктивно и неизбежно. Внешние проявления эмоций, связанных с агрессией, могут снизить вероятность агрессивного поведения [76]. По мнению К.Г. Юнга, агрессивное поведение человека связано с воздействием бессознательного на сознание человека [89]. В своих работах К. Хорни обнаружила, что агрессивное поведение будет зависеть от уровня базовой тревоги личности, чем выше данная величина, тем больше вероятности агрессивных проявлений у человека. Также стремясь к комфорту и безопасности, человек может использовать агрессивное поведение в качестве защитного механизма [78].

Таким образом, в соответствии с психоаналитической теорией можно сделать вывод, что агрессия является врожденной неотъемлемой частью природы человека, которую практически невозможно устранить.

Необихевиористское направление

Фрустрационная теория, основоположником которой является Д. Доллард, рассматривает агрессию не как эволюционный процесс, а как ситуативное явление. Д. Доллард утверждал, что «агрессия – это следствие фрустрации» [179, с. 295]. В соответствии с данной концепцией агрессия – это целенаправленное поведение, целью которого является причинение вреда другому человеку. При этом агрессивные действия – это способ для преодоления препятствий.

Л. Берковец модифицировал данную теорию и ввел такой параметр, как социальное окружение. На агрессию, по его мнению, влияют личные взаимоотношения с окружающими людьми и социально-психологические факторы [10].

В соответствии с теорией Д. Уотсона человек научается агрессии через наблюдение за данными действиями в процессе социализации. Данная теория получила название – теория социального научения. Автор теории предполагал, что агрессия может быть результатом воздействия окружающей среды и прошлого опыта индивида. При этом методы подкрепления и наказания влияют на интенсивность и формы проявления агрессии [57].

Первые образцы поведения дети получают от своих родителей, поэтому данная теория уделяет большое внимание поведению родителей, так как именно данное поведение влияет на формирование агрессии у ребенка. Было доказано, что у агрессивных родителей дети чаще демонстрируют агрессивное поведение.

В рамках данного подхода А. Бандура выделил три компонента, используемых при анализе агрессивного поведения: «способ усвоения действий; факторы, провоцирующие поведение; условия, при которых закрепляется агрессивное поведение» [8, с. 110]. На основании данной теории выявлена взаимосвязь между частотой, успешностью и закреплением агрессивных действий, то есть чем чаще и успешнее человек использует агрессивные действия в повседневной жизни, тем выше вероятность закрепления данных действий в поведенческом репертуаре человека.

Существует мнение А. Бандуры о научении агрессии посредством наблюдения или моделирования. Согласно его исследованиям, благодаря развитию

технических средств массовой информации и коммуникации появилась неограниченная возможность обучаться агрессивному поведению, даже не выходя из дома.

Итак, основная идея теории социального научения состоит в том, что не только постоянное активное подкрепление способствует формированию привычки и закреплению агрессивного поведения, но и наблюдение за данными действиями позволяет сформировать такую личностную черту как агрессивность.

Гуманистическое направление

К. Роджерс, А. Маслоу, В. Франкл и другие исследователи являются представителями гуманистического направления, в свою очередь, они рассматривают проявление и формирование агрессии, исходя из положений своих теорий. По мнению К. Роджерса в ответ на ограничение свободы и возможности выбора у человека возникают агрессивные действия, и они являются вынужденными. Таким образом, «агрессия – это фактор психологической защиты человека, который выступает ответом организма на опыт, воспринятый как угроза» [59, с. 87].

Когнитивистское направление

В свою очередь, когнитивные теории агрессивного поведения описывают механизмы, с помощью которых агрессивное поведение рационализируется и оправдывается.

Теория нейтрализации [266] описывает пять таких механизмов. Благодаря отрицанию ответственности, отрицанию причинения вреда и отрицанию потерпевшего люди перекладывают ответственность на внешние факторы, отрицают причиненный вред или считают, что жертвы заслуживают плохого обращения. Благодаря осуждению люди оправдывают себя, упоминая несправедливость, существующую в обществе, и апеллируют к более высокой лояльности, они представляют свои действия как следование «высшим соображениям» в ущерб общественным нормам.

Теория обработки социальной информации [136] утверждает, что агрессивные подростки имеют дефицит в обработке социальной информации. В

частности, на этапе интерпретации сигналов и в неоднозначных социальных ситуациях они склонны приписывать другим враждебные намерения. На этапе выбора ответа на оскорбление, если подростки верят в правомерность агрессии и ожидают положительных результатов для себя, они чаще выбирают агрессивный ответ [148, 249].

Теория когнитивных искажений [107, 162] подчеркивает взаимосвязь между когнитивными искажениями и внешними поведенческими проблемами, такими как агрессия, делинквентность и антиобщественное поведение [107]. К числу когнитивных искажений относят: причинные атрибуции, которые относятся к возложению вины на людей и факторы вне себя; минимизация, неправильная маркировка тяжести и последствий поведения или обращение к другим с использованием уничижительных или бесчеловечных ярлыков; предположение худшего, то есть приписывание враждебных намерений другим, учитывая наихудший сценарий социальной ситуации, и др.

В своих исследованиях C.D. Pornari и J. Wood подтвердили связь между когнитивными механизмами, применяемыми людьми для рационализации и оправдания агрессивных действий, и киберагрессией у подростков [232].

Необходимо отметить, что при всем обилии появившихся исследований в современной западной и отечественной психологии ощущается недостаточная разработанность многих аспектов проблемы агрессии. Ни одна из теорий не может дать полный и всеобъемлющий ответ о взаимосвязи между агрессией в офлайн и киберагрессией и причинах её возникновения, что затрудняет, в том числе, изучение проявлений агрессии в онлайн-среде.

Агрессию и киберагрессию сложно дифференцировать, так как у них много общего. Существуют несколько ключевых факторов, которые лежат в основе проявления агрессии и киберагрессии и имеют схожие характеристики. Среди них можно выделить: психофизиологические (пол, возрастные особенности, наследственность, свойства нервной системы), индивидуально-психологические (личностные свойства – враждебность, агрессивность, импульсивность и др.), социокультурные, социально-педагогические (такие как реализуемая система

воспитания, отношения в образовательном коллективе) и др. О значимом вкладе данных факторов в агрессивное поведение говорят исследователи, которые изучают данное поведение офлайн (Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Копейко Я.Ю., Можгинский Ю.Б., Varchia K., Bussey K., Howard R.R.C. и др.) и онлайн (Солдатова Г.У., Леньков С.Л., Малова Е.О., Шаров А.А., Álvarez-García D., Barreiro-Collazo A., Núñez J.C. и др.). При этом киберагрессия обладает собственными специфическими «факторными» особенностями. Это может быть несколько иной подход к описанию этих факторов, их классификация, а также другие эффекты взаимодействия между ними. Следующей общей особенностью является то, что агрессия и киберагрессия имеют широкий «ареал обитания». Даже традиционная агрессия распространяется далеко за пределами «социальной среды проживания» и «жизнедеятельности». Эти понятия уже утратили своё значение для киберагрессии, пространственная локализация которой выходит за пределы виртуальных границ киберпространства. При этом последствия проявления киберагрессии могут быть крайне серьезными. Это может привести к самоубийству жертвы, стать причиной реальных, физических преступлений в будущем, вызвать тяжелые психологические травмы у пострадавших и глубокие личностные кризисы у «агрессоров» и «свидетелей» [42]. Итак, агрессия и киберагрессия имеют схожие черты, которые указывают на их определенную общность. Однако, помимо общих характеристик, киберагрессия обладает уникальными особенностями, которые позволяют рассматривать её как новую, специфическую форму агрессивного поведения.

Отметим, что киберагрессия имеет ряд особенностей, отличающих ее от агрессии онлайн:

– *Анонимность и дистанцированность агрессора*

Мнимая анонимность позволяет агрессору чувствовать себя увереннее, а жертве – более незащищенной, переживая о том, кто же является преследователем. Анонимность позволяет людям вести себя более раскрепощенно, порой даже агрессивнее чем в обычной жизни [263]. Удаленность оппонента по общению не позволяет преследователю чувствовать эмоциональное состояние жертвы,

агрессору сложнее остановить себя, что способствует повышению жестокости поведения. Подростки, по-видимому, приравнивают законное поведение к этичному поведению в Сети и, следовательно, чувствуют себя неукротимыми в рамках «культуры обмана», чтобы участвовать в киберагрессии [116].

– *«Виртуальная бездушность»*

Эта характерная черта имеет несколько наименований: «растормаживание» (“disinhibition”) [45, с. 108; 68], «моральная отстраненность» [77, с. 278]. Смысл заключается в том, что в виртуальной среде страдания жертвы не видны, их можно только предположить, агрессивные действия часто получают поддержку от свидетелей агрессии. В результате, ослабляется чувство сострадания и готовности оказать помощь пострадавшему.

– *Независимость от места и времени, возможность проявления агрессии в течение 24 часов в сутки*

В виртуальном пространстве киберагрессия может быть круглосуточной, и от неё сложно избавиться или прекратить, покинув Сеть или сменив аккаунт [135, 190, 214, 215, 223, 250].

– *Источник угрозы возможно использовать неограниченное количество раз*

Агрессивные публикации можно просматривать неограниченное количество раз, данные публикации могут появляться повторно, что способствует «ретравматизации» того, кто оказался в роли жертвы [130, 190, 261].

– *Аудитория наблюдателей не ограничена*

Публикации в Интернете могут просматривать неограниченное количество людей, оставляя при этом комментарии и «лайки». Но жертва не всегда знает тех, кто просматривал данные публикации, есть ли среди них друзья и знакомые, что способствует увеличению напряжения и чувства стыда у жертвы [175].

– *Незаметность для окружающих, отсутствие физических следов у жертвы*

Киберагрессии не оставляет видимых физических следов у жертвы, есть только «цифровые повреждения», которые незаметны для окружающих, но негативно влияют на психологическое состояние жертвы [99, 190, 213, 293].

Подростки не придают большого значения негативным последствиям от общения в Интернете, тщательно скрывают от взрослых проявление негатива в их адрес, так как боятся, что родители лишат их возможности пребывать в виртуальном пространстве. Для подростков общение в Сети является важной частью жизни и ограничение доступа «равносильно социальной изоляции» [77]. Проявление киберагрессивных действий часто остается незамеченным для взрослых, включая родителей и педагогов. Это происходит из-за глобального «цифрового разрыва» между поколениями. Старшее поколение менее уверенно пользуется информационными технологиями по сравнению с младшим, а также взрослые проявляют недостаточное внимание к онлайн-взаимодействию подростков. Подтверждением данного факта служат результаты общероссийских исследований, более 20% родителей детей и подростков 9–17 лет «пребывают в неведении о том, что их ребенок столкнулся в Интернете с чем-то, что обеспокоило его» [67, с. 81], очевидно, что это может быть и киберагрессия.

– *Безнаказанность*

В правовом пространстве есть существенные недоработки, связанные с проявлением киберагрессии, не предусмотрены наказания за такие действия, что способствует снижению уровня ответственности за данные поступки, они чаще остаются безнаказанными [39]. Но имеются «островки надежды» – это «горячие линии» поддержки, сайты психологической помощи, действующие проекты противодействия насилию и др., но в масштабах страны они могут рассматриваться лишь как необходимые «точки роста», для развития и распространения которых предстоит приложить еще множество усилий.

Таким образом, установлено, что киберагрессия обладает сходством с агрессивным поведением в реальной жизни, обусловленным глубинными корнями в человеческой агрессии в целом. При этом киберагрессия обладает рядом новых и уникальных характеристик. Киберагрессия – это не просто отражение агрессии в офлайн, перенесенной в цифровую среду. Киберпространство предоставляет ей совершенно новые инструменты и возможности, изменяющие её масштабы и последствия. Во-первых, киберпространство лишает агрессию географических и

временных ограничений. Киберагрессия может происходить круглосуточно, достигая жертвы в любой точке мира. Анонимность усиливает этот эффект, снижая чувство ответственности у агрессора и увеличивая его безнаказанность. Во-вторых, создается уникальный механизм распространения агрессии. Информация, выложенная в Сеть, распространяется с невероятной скоростью, подобно вирусу, привлекая новых участников, усугубляя страдания жертвы. В-третьих, киберагрессия часто остается незамеченной и недооцененной взрослыми. Кроме того, виртуальная среда делает агрессию более изощренной и сложной. Наконец, киберагрессия имеет многогранные последствия.

В целом, обзор литературы позволяет утверждать, что киберагрессия является самостоятельным социально-психологическим феноменом. В следующем параграфе мы рассмотрим проблему киберагрессии как феномена со своими особенностями, формами и причинами проявлений.

1.2. Киберагрессия: определение понятия и основные характеристики

В современном мире человеку необходимо справляться с быстрым темпом жизни и высокими требованиями, обусловленными научно-техническим прогрессом. Он вынужден постоянно адаптироваться к изменяющимся условиям и быть гибким. В этом контексте новые технологии играют важную роль, облегчая и усовершенствуя человеческую жизнь, а также помогая достигать поставленных целей за счет доступа к знаниям и информации. Особую роль в этом процессе играет Интернет, который становится основным инструментом для достижения успеха. Отметим, что, в соответствии с данными, полученными в рамках исследования, проведенного при поддержке Росмолодежи (2019), было выявлено, что для молодых людей Интернет связан главным образом с позитивными эмоциями и в первую очередь наполнен полезной и позитивной информацией и дружественными социальными контактами [69].

Вместе с тем процесс взаимодействия в Интернете усугубляется серьезной проблемой – киберагрессией, представляющей собой наиболее распространённый и эмоционально значимый коммуникативный риск. Данные как отечественных, так

и зарубежных исследований подтверждают это тревожное наблюдение. Термин «киберагрессия» имеет англоязычное происхождение. Он был введен в употребление в 2007 г. доктором философии J. Chibbaro и описывает разнообразные формы девиантного поведения в онлайн-среде. Формы девиантного поведения различны и включают в себя: оскорбления и унижения, клевету, использование нецензурной лексики, издевательства, разоблачения (доксинг), манипулирование, агрессивные нападки (флейминг), преследования (сталкинг) посредством коммуникативных технологий [131]. Понятие «киберагрессия» состоит из двух частей: кибер + агрессия (cyber + aggression). Первая часть «кибер» относится к чему-то, что связано с компьютерами или Интернетом. В Оксфордском словаре “cyber” означает характеристику компьютерной культуры, информационных технологий и виртуальной реальности. Согласно Кембриджскому словарю, “cyber” является предшественником включения, вовлечения или использования компьютеров, особенно Интернета. Вторая часть термина “aggression” – достаточно распространенное понятие. В Большом психологическом словаре «агрессия – это мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения, приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт» [13, с. 16]. Таким образом, киберагрессия – это действия, направленные на причинение вреда лицу или группе, выполняемые с помощью персонального компьютера, мобильного телефона и других электронно-коммуникативных устройств, посредством электронной почты, социальной сети, мгновенных сообщений, блогов, игр в режиме онлайн [245].

Как социально-психологический феномен киберагрессия изучается многими авторами (Chibbaro J.S., Kowalski R.M., Limber S.P., Hinduja S., Patchin J.W., Slonje R., Smith P.R., Внебрачных В.А., Ксенофоновой И.В., Солдатовой Г.И. и др.). Всё чаще агрессия в Интернете упоминается наряду с «традиционными» издевательствами, преследованиями как взрывоопасное явление, с которым должны бороться ученые и практики. По данным исследований ряда авторов, за последние пять лет наблюдается значительный рост киберагрессивных действий в

Сети [130, 192, 235]. В тоже время другая группа исследователей, таких как D. Olweus, P.R. Smith, S. Hinduja, J.W. Patchin утверждают, что уровень киберагрессии не увеличился с тех пор, как это впервые стало проблемой в середине прошлого десятилетия. Безусловно, «новым и растущим» в этом явлении оказывается внимание средств массовой информации к киберагрессии и всеобщее осознание проблемы. При этом исследователи сходятся во мнении, что увеличивающийся интерес к данному феномену в основном связан с быстрым ростом и повсеместным распространением информационных и коммуникационных технологий, которые пронизывают жизнь детей и подростков. Сегодняшние подростки проживают в окружении цифровой техники. М. Пренски называет детей «цифровыми аборигенами», представителей более старших поколений – «цифровыми иммигрантами» [54].

Представим некоторые мнения зарубежных авторов в контексте понимания рассматриваемого термина. Наиболее распространенное определение киберагрессии сформулировано D.W. Grigg: «киберагрессия – это нанесение посредством использования цифровых устройств намеренного вреда одному человеку или группе людей, который воспринимается как оскорбительный, уничижительный, наносящий ущерб или нежеланный» [167, с. 152]. С. David-Ferdon и M.F. Hertz, описывая данный феномен, используют термин «электронная агрессия» (“electronic aggression”), которая рассматривается авторами как «проблема общественного здравоохранения», в связи с тем, что растет уровень распространенности и негативного влияния электронной агрессии [139]. J.W. Patchin и S. Hinduja кратко сформулировали определение киберагрессии как «преднамеренного и повторяющегося вреда, причиняемого с помощью электронного текста» [225, с. 152]. Основные средства, с помощью которых, по их мнению, это может произойти, – это персональный компьютер с доступом в Интернет и мобильный телефон. Агрессор может отправлять оскорбительные, порочащие сообщения и контент жертве, третьим лицам, на публичный форум или в иную среду, которую посещают многие другие онлайн-пользователи. При этом зарубежными авторами было замечено, что социальные изменения всегда создают

возможности для агрессивного поведения, характерного для небольшого числа людей. С новыми технологиями, которые поддерживают Интернет, те, кто не может быстро адаптироваться, а это все мы, подвергаются риску со стороны тех, кто может и будет использовать технологии в качестве недопустимого оружия [125].

Отечественные исследователи также фокусируют внимание на изучении данного феномена. Г.У. Солдатова использует дефиницию «онлайн-агрессия», которая является синонимом термина «киберагрессия» [70, с. 105]. По мнению С.Л. Ленькова, киберагрессия представляет собой одну из форм агрессии, проявляющуюся при интернет-взаимодействии. Это понятие тесно связано с пониманием киберсоциализации. По мнению данного автора, киберагрессия не означает какое-то уникальное явление, не является чем-то обособленным от агрессивного поведения в реальном мире, а скорее дополняет последнее, имея при этом ряд особенных характеристик [42]. А.Г. Горбачева, обращаясь к киберагрессии, выделяет несколько деструктивных практик в виртуальной среде, таких как троллинг, зависание в социальных сетях, болтовня. Троллинг – «выполнение определенных действий для создания провокации и (или) скандала в киберпространстве с целью вызвать негативную реакцию жертвы». Зависание в социальных сетях – «длительное время нахождения в виртуальной среде, оказывающее влияние на ненадлежащее выполнение практически значимых дел в реальной среде (отдых, учебная деятельность и т. д.)». Болтовня – «общение в киберпространстве, не имеющее четко очерченных конструктивных целей и носящее эмоциональный характер» [25, с. 20–21].

Таким образом, мы видим, что данный феномен определяется многими исследователями по-разному и с разной степенью глубины. На сегодняшний день, согласно отчету Европарламента, не существует единого определения, которое было бы согласовано на международном или европейском уровне. Однако усилия, направленные на улучшение понимания киберагрессии, продолжаются за рубежом [152] и в России.

В целом, разработка концептуальных определений является сложной задачей для всех областей исследований, особенно в контексте изучения новой научной проблемы, такой как киберагрессия. Во всем мире был проведен ряд исследований для разработки и уточнения определения, а также для изучения характеристик киберагрессии. В нашей работе термин «киберагрессия» используется в качестве общего термина для широкого спектра агрессивных действий, осуществляемых с помощью цифровых технологий.

1.2.1. Виды киберагрессии

В научной литературе можно встретить упоминание различных видов киберагрессии. В данном исследовании рассмотрим наиболее распространённые виды, признанные большинством исследователей.

Флейминг (“flaming” – воспламенение) – повторяющиеся враждебные сообщения. Это одна из наиболее эмоционально насыщенных форм киберагрессии. Конфликт начинается с резких унижительных высказываний, которые задевают собеседника. Затем конфликт стремительно развивается, и участники обмениваются эмоциональными репликами. Подобные ситуации разворачиваются на публике, хотя могут возникнуть и в личной переписке. Данная форма киберагрессии возникает между участниками, находящимися на равных позициях.

Харассмент (“harassment” – притеснение) – представляет собой одну из форм агрессивного поведения в цифровом пространстве, определяется как преследование. Подростки часто сталкиваются с постоянными и повторяющимися унижительными сообщениями, вызывающими раздражение, тревогу, иногда даже стресс, но при этом такие действия не имеют логической цели [192]. Как правило, это одностороннее явление, которое проявляется в онлайн-среде. Особый вид харассмента отмечается в многопользовательских онлайн-играх, где так называемые гриферы (“griefers”) намерено досаждают, унижают и создают препятствия для других игроков. Их действия направлены на то, чтобы лишить остальных удовольствия от игры, они используют оскорбления, блокируют доступ к определенным игровым зонам и прибегают к мошенничеству. «95% любителей

виртуального мира “Second life” сообщили о том, что им встречались гриферы» [14, с. 182].

Троллинг – это одна из форм харассмента, представляет собой разновидность психологического давления, при котором провокационные сообщения публикуются с целью вызвать эмоциональную реакцию у людей, зачастую между незнакомыми участниками [182]. Кибертролли (“cyber trolls”) распространяют негативный и тревожный контент на различных платформах, веб-сайтах, страницах социальных сетей, включая даже страницы памяти, посвященные умершим [153], чтобы спровоцировать сильные чувства. Таких людей, которые являются настоящими троллями, обычно называют провокаторами, поскольку они умело используют слабые места других людей. Агрессор стремится управлять окружающими для того, чтобы причинить вред и получить удовольствие от реакции жертвы. Таким образом, он ощущает себя могущественным и контролирующим её эмоциональное состояние.

Киберсталкинг (“cyberstalking”; от англ. “to stalk” – преследовать, выслеживать) – это один из видов преследования в виртуальном пространстве при помощи цифровых каналов связи. Жертве систематически отправляют угрожающие послания, провоцирующие страх и дискомфорт. Подобные действия могут затрагивать как непосредственно адресата, так и его близких. Это форма агрессии достаточно прямая, но менее манипулятивная.

Кибербуллинг (“cyberbullying”), электронная травля (“electronic bullying”), социальная жестокость онлайн (“online social cruelty”) – это отдельное направление киберагрессии, это «преднамеренные агрессивные действия, систематически на протяжении определенного времени осуществляемые группой или индивидом с использованием электронных форм взаимодействия и направленные против жертвы, которая не может себя легко защитить» [253, с. 376; 130].

Секстинг (“sexting”, от англ. “sex” – секс и “text” – текст) представляет собой отправку или публикацию интимных материалов с обнаженными или полуобнаженными людьми, часто с явным сексуальным подтекстом. Это явление, распространившееся благодаря повсеместному доступу к мобильным устройствам

и Интернету, становится все более популярным среди подростков. Статистика, собранная различными исследовательскими группами, подтверждает растущую тенденцию. Например, по данным исследования R.M. Kowalski, S.P. Limber, P.W. Agatston, 10% молодых людей в возрасте от 14 до 24 лет отправляли или публиковали собственные изображения сексуального характера, а 15% получали подобные сообщения [192]. Однако эти данные не отражают всей сложности проблемы. Важно понимать, что секстинг охватывает широкий спектр действий, начиная от отправки собственных фотографий партнеру по согласию и заканчивая принуждением к отправке интимных материалов без согласия. Исследование американской Национальной кампании по предупреждению подростковой и нежелательной беременности, публикует следующие данные: 71% девушек и 67% юношей признались, что отправляли «сексты» своим романтическим партнерам; 21% девушек и 39% юношей отправляли подобные материалы людям, с которыми они хотели бы состоять в романтических отношениях и самое тревожное – 15% юношей и девушек отправляли интимные фото и видео незнакомцам, которых знали только из онлайн-общения [195].

Также одним из видов агрессивного поведения в Интернете является распространение клеветы (“denigration”), которая выражается в публикации и распространении неправдивых и унижительных сведений о человеке, а также искаженных фотографий [192]. Особой формой клеветы являются так называемые «онлайн слэмбуки» (“online slambooks”). Это интернет-ресурсы, созданные для развлечения, где учащиеся составляют рейтинги и оставляют комментарии, зачастую содержащие грубые и обидные высказывания, например, «Худшая пара в классе». Чаще всего такие публикации возникают на специализированных развлекательных сайтах, ориентированных на студентов и школьников [202].

Остракизм (“exclusion/ostracism”) или исключение из онлайн-сообщества, к которому подросток чувствует себя принадлежащим, тоже является одним из способов киберагрессии. Может происходить в конфиденциальных группах или путем удаления из «списка друзей» (“buddy list”). Эксперимент, проведенный К. Williams, С.К.Т. Cheung и W. Choi, показал, что исключение из интернет-

сообщества приводит к снижению самооценки подростка и способствует его более конформному поведению в следующем сообществе [286]. В дальнейшем, присоединяясь к другим группам (в частности, занимающимся мекстью предыдущему сообществу), подросток учится контролировать свои эмоции и справляться со своими переживаниями. В новом окружении участник получает поддержку и вдохновение от других «сообщников», что укрепляет его уверенность в возможности отомстить за исключение из группы, будь то самостоятельно или с помощью новых товарищей [14].

Рассмотренные выше виды киберагрессии отличаются друг от друга рядом факторов. Кибербуллинг в основном происходит в устоявшихся группах сверстников, часто нацеленных на аутсайдеров или меньшинства [176]. Агрессоры, по-видимому, учитывают особенности группы, такие как снисходительное отношение к агрессии и способность справляться с издевательствами, когда решают, стоит ли проявлять агрессию [105]. Напротив, некоторые онлайн-сообщества имеют нормы враждебного общения, которые связывают членов. Эта агрессия часто направлена на посторонних, которые критикуют или оскорбляют групповые ценности. Троллинг и флейм – это скоординированные действия, которые позволяют участникам объединиться для совместной агрессии [182]. Эта агрессия часто направлена против меньшинств и может иметь явный предвзятый характер [181, 209, 265]. Такое поведение часто называют юмором, что может отражать приемлемость этих действий в соответствии с альтернативными социальными нормами сообществ. Связь между нормами и проявлениями агрессии может быть двунаправленной; зрители могут оценивать сообщества, отмеченные агрессией, как менее безопасные или воспринимать агрессию как нормативную или приемлемую [123, 189, 264].

1.2.2. Мотивы киберагрессии

Несмотря на растущее распространение киберагрессии, количество исследований, посвященных изучению мотивов киберагрессивного поведения, остается относительно небольшим. Это создает существенные проблемы в

понимании феномена. Существующие исследования указывают на то, что мотивы киберагрессии чрезвычайно разнообразны и влияют на проявление агрессивных действий. J. Raskauskas и A.D. Stolz в 2007 году исследовали открытые ответы подростков, изучая, о чем думают опрошенные дети, занимающиеся киберагрессией. Наиболее распространенными ответами были развлекательные цели и месть [234]. В 2009 году J.J. Dooley, J. Puzalski и D. Cross предложили рассматривать киберагрессию с позиции реактивной и проактивной агрессии [144]. Реактивная агрессия представляет собой импульсивную, непредсказуемую реакцию на воспринимаемое оскорбление или нападение. Это своего рода эмоциональный всплеск, часто не имеющий заранее спланированного характера. Важно отметить, что ощущение оскорбления может быть, как реальным, так и мнимым, интерпретированным агрессором субъективно. Проактивная агрессия, напротив, представляет собой заранее спланированные и целенаправленные действия, часто мотивированные желанием контроля, доминирования или причинения вреда. Алистратова Е. Ю. обогатила это понимание, указав на манипулятивный характер проактивной агрессии. По мнению Е.Ю. Алистратовой, проактивная агрессия направлена на побуждение оппонента к ответной агрессии, гневу, возмущению при помощи провокационных сообщений, оскорбительных действий и фраз. Это своего рода манипуляция чувствами оппонентов с целью побуждения к диалогу для усиления произведенного эффекта и достижения конкретного результата. Таким образом, инициатору интернет-агрессии важен элемент предсказуемого поведения оппонента, его реактивного поведения в интернет-пространстве. Изучение предсказуемого поведения оппонента в интернет-пространстве включает в себя анализ его реактивных действий. Реактивная интернет-агрессия проявляется в форме внезапных всплесков гнева, недовольства и раздражения в ответ на провокационное поведение других пользователей [3].

Изучение мотивов онлайн-агрессии может быть полезным для предотвращения актов агрессии. Однако исследования реактивных и проактивных функций агрессии оставили неоднозначную картину. Исследователи пришли к

выводу, что для достижения дальнейшего прогресса в этой области требуется переосмысление мотивов или функций агрессии в целом.

По мнению R.R.C. Howard, различие реактивного и проактивного ограничено тем, что оно смешивает регуляторные процессы и мотивационные цели. В своих работах он утверждал, что большинство агрессивных ответных реакций разыгрываются импульсивно, и многие неспровоцированные агрессивные действия могут быть совершены после обдумывания. При этом импульсивные акты агрессии, мотивированные инициативными мотивационными целями, такими как немедленное получение положительного аффекта (или «развлечения»), плохо охвачены традиционным реактивным и проактивным различием [177].

Позднее R.R.C. Howard предложил четырехстороннюю модель агрессии, основанную на двух противоположных измерениях – мотивационных целях (инициативные и ответные) и регулирующем контроле (импульсивном и произвольном) [177]. На основании своей модели автор рассматривал импульсивное поведение. По мнению R.R.C. Howard, при возникновении импульсивного поведения импульс действует без учета последствий, особенно в долгосрочной перспективе. Такое поведение используется для немедленной эмоциональной отдачи. Напротив, преднамеренные акты агрессии совершаются под воздействием самоконтроля [111].

Второе измерение четырехсторонней модели отражает природу этой эмоциональной отдачи. Инициативные мотивы направлены на достижение агрессором положительного эмоционального состояния. Ответные мотивы направлены на снятие негативных эмоциональных состояний, в том числе смущения, стыда или вины. В этом смысле ответные мотивы часто могут возникать в контексте провокации.

Данная модель мотивов и самоконтроля, имеющая в основе два противоположных измерения (инициативное и ответное, импульсивное и произвольное), предполагает четыре вида агрессии. Импульсивно-ответная агрессия отражает действия, являющиеся реакцией на предполагаемую провокацию, при этом проявляется чувство стыда и другие ответные

эмоциональные состояния, которые возникают спонтанно (ярость). Этот вид агрессии наиболее четко соответствует измерению реактивной агрессии. Произвольно-ответная агрессия, напротив, возникает как способ избавления от неприятных эмоций (стыда, смущения), возникающих в результате предполагаемой провокации. Но при произвольно-ответной агрессии проявляется способность к самоконтролю, и агрессия, скорее всего, примет форму расчетливой расплаты или мести. Это отличает ее от произвольно-инициативной агрессии, при которой также проявляется самоконтроль, но в интересах получения положительного эффекта посредством целенаправленных усилий. Этот вид агрессии наиболее точно соответствует традиционным концепциям «упреждающей» агрессии, с ее акцентом на усиленном контроле в погоне за некоторым вознаграждением, например, достижением социального статуса посредством агрессии [271]. Импульсивно-инициативное направление отражает спонтанное поведение, осуществляемое без учета долгосрочных последствий, возникающее в результате непосредственного положительного аффекта (развлечение), вызванного агрессивным актом [177].

Позже в своих работах G. Vjørnebekk и R. Howard эмпирически подтвердили четырехфакторную типологию агрессии [117].

Вслед за R. Howard К.С. Runions изучил актуальность четырехсторонней модели агрессии и на основании этой модели представил новые гипотезы о совместном действии личных характеристик и аспектов онлайн-контекста как движущих сил различных типов киберагрессии [239]. Согласно полученным им данным, четырехсторонняя модель может быть уместна при изучении агрессивного поведения, проявляющегося при интернет-взаимодействии [241].

L. Compton, M.A. Campbell и A. Mergler в своих исследованиях также изучали причины киберагрессии у подростков. Для этого они опросили учащихся, родителей и учителей об их восприятии мотивов киберагрессии. Среди основных мотивов были стремление к власти и статусу, поиск развлечений или избавление от скуки, а также использование киберагрессии в качестве безопасного средства возмездия [133].

Таким образом, на современном этапе общественного развития наблюдается увеличение случаев киберагрессивного поведения среди подростков. Поэтому не удивительно, что исследования этого явления и его причин становятся все более актуальными. Некоторые ученые считают, что изучение мотивов и намерений киберобидчиков может помочь в борьбе с распространением киберагрессии.

На основании анализа большого числа литературных источников мы выделили следующие мотивы возникновения киберагрессии среди подростков.

Власть. Агрессор самоутверждается за счет жертвы, демонстрируя свою силу и превосходство [69]. Киберагрессия может использоваться для изменения (повышения) социального статуса, высмеивая менее популярных оппонентов [276]. В своем стремлении подняться на вершину «социальной лестницы» подростки также могут использовать киберагрессию как способ привлечения внимания или унижения статуса других. При этом в один ряд с данной причиной встает и низкая самооценка у агрессивных подростков – таким образом они проявляют свою злобу и зависть, пытаясь заглушить чувство собственной неполноценности или отвержение обществом [52].

Развлечение, скука. Проявление киберагрессии может рассматриваться как забава, развлечение, спасение от скуки, возможность добавить острых ощущений в свою жизнь [276]. По результатам исследований, проведенных Е.К. Погодиной и Т.В. Шинкевич, у 71,2% всех опрошенных подростков юмор и желание высмеять человека становятся причиной киберагрессивного поведения [52]. Четверть подростков указывают на желание поэкспериментировать и посмотреть на реакции других людей [69]. Недостаточный контроль со стороны взрослых, отсутствие необходимого общения также приводит к такому поведению. Для подростков виртуальное пространство становится источником радости, новых впечатлений и способом привлечь внимание.

Мсть. Подростки, сталкивающиеся с киберагрессией, зачастую реагируют на агрессора аналогичным образом, так как им не хватает эффективных стратегий совладания. Их действия мотивированы желанием возмездия за оскорбления и нанесенный моральный ущерб. Они используют полученное «повреждение» как

оправдание для своего ответного поведения, тем самым поддерживая развитие агрессии в онлайн-среде.

Влияние сверстников. Подростки считают, что проявлять агрессию в Интернете вполне приемлемо, «так делают все». Треть из них отмечают, что готовы проявить киберагрессию «за компанию с друзьями» [69]. Иногда причиной киберагрессии является желание быть принятым в значимую группу. В такой ситуации они могут поддаваться давлению сверстников и принимать решения, не соответствующие их собственным убеждениям, для того чтобы быть признанными в их кругу. Чем больше подростков убеждены, что киберагрессия распространена среди сверстников, тем выше вероятность, что и они будут подражать такому поведению. Они могут не осознавать серьезности проблемы, пока данное поведение считается приемлемым среди их сверстников.

Освобождение от накопившегося негатива. Для каждого второго подростка характерен данный мотив [69]. Интернет-пространство становится местом «слива» для негативных переживаний и эмоций. В данном случае это происходит за счет переадресации этих эмоций более слабым и уязвимым.

Итак, в данном параграфе мы рассмотрели теоретические аспекты изучения феномена «киберагрессия». На основании существующих теорий выделили основные подходы к трактовке киберагрессии как социально-психологического феномена, описали его основные характеристики. В работе под киберагрессией будем понимать все деструктивные действия, направленные на причинение вреда другим пользователям сети Интернет, осуществляемые с помощью электронно-коммуникативных устройств. Выявили основные мотивы формирования агрессивных действий в виртуальной среде: власть, развлечение, месть, влияние сверстников, освобождение от накопившегося негатива.

1.3. Социально-психологические характеристики киберагрессии в подростковом возрасте

Подростковый возраст является значимым периодом развития и становления личности [12, 23, 88]. Для современных подростков характерны повышенное

эмоциональное возбуждение, депрессивность, нестабильность и активные поиски своего места в подростковых сообществах, в том числе в субкультурных [56]. Подросток активно осваивает отношения дружбы, любви, сопричастности и взаимопомощи, отстаивает свою индивидуальность, самостоятельность и независимость от опеки и контроля взрослого [8, 40, 46, 61]. В этот период возрастает значимость общения со сверстниками, при этом влияние традиционных институтов социализации уменьшается. В прошлые десятилетия для подростков особое значение имели различные молодежные неформальные группы с их собственными культурными особенностями [55, 64, 73], однако сегодня ключевым фактором социализации выступает Интернет. Именно здесь теперь происходят процессы, отражающие сущность подросткового возраста [65].

Виртуальное пространство подростки воспринимают как возможность отделиться от взрослых, проявить свободу при выборе собеседника и форм взаимодействия с ним. Интернет прочно вошел в жизнь современных подростков, изменив её ритм и структуру. Еще в 2013 году данные Фонда Развития Интернета свидетельствовали о поразительной цифре: 89% подростков ежедневно или почти ежедневно использовали Интернет. Более того, каждый седьмой проводил онлайн в среднем 8 часов в сутки [180]. Эти данные, безусловно, указывают на глубокие трансформационные процессы в жизни подростков, затрагивающие все сферы, от межличностного общения до образования и самоидентификации. Изменения, прежде всего, коснулись коммуникативной сферы. Интернет предоставляет подросткам возможности для общения, расширяя социальный круг их общения [118, 262]. Они легко поддерживают связь с друзьями и семьей, находящимися в разных городах, используя мессенджеры, социальные сети и видеозвонки. Это способствует развитию чувства личной автономии и независимости. Подростки активно используют Интернет для увеличения своего социального капитала. Онлайн-платформы предоставляют возможности для социализации в различных группах. В виртуальном пространстве подростки находят единомышленников, получают поддержку и обратную связь, что особенно важно в период самоопределения. Помимо социального аспекта, Интернет играет значительную

роль в решении проблем, связанных с психологическим благополучием. Онлайн-форумы и чаты позволяют подросткам обмениваться опытом, находить поддержку в сложных жизненных ситуациях, чувствуя себя понятыми и принятыми.

По мнению А.Г. Асмолова и Г.А. Асмолова, изменения происходят в процессе социализации подростков. Идентичность подростков становится противоречивой из-за недостатка адекватной обратной связи. Их социальные навыки развиты недостаточно, так как изменить способ общения сложнее, чем поменять собеседника. Обращение к собственным чувствам и телесности становится затруднительным и слабодифференцируемым из-за ограничения самовыражения в этих областях [7]. Кроме того, у подростков нарушается способность к привязанности, что, вероятно, влияет на эмпатию. Интернет-общение изменяет эмоциональную жизнь подростков, снижая способность ярко переживать позитивные эмоции. Проведение времени в Интернете не позволяет подростку в полной мере пройти процесс сепарации от родителей, что создает у него ощущение невосприимчивости к опасностям и ведет к нарушению ответственного поведения. Затрудняется предсказуемость и повышается уровень жестокости проявлений в поведении подростков [36].

При этом активное использование Интернета подростками может повлечь за собой серьезные опасности, включая столкновение с агрессией в виртуальном мире. По словам самих подростков, агрессивное поведение в Сети представляет собой наиболее значимую угрозу среди всех возможных рисков онлайн [70]. Для эффективного предотвращения агрессивного поведения в подростковой окружении, необходимо понимать задачи и функции данного поведения в специфическом подростковом контексте.

1.3.1. Социально-психологические факторы киберагрессии в зарубежных и отечественных исследованиях

В нашей стране проблема киберагрессии изучается сравнительно недавно. Большинство исследований, связанных с агрессивным поведением в Интернете, проведено американскими и канадскими учеными. В разных странах создаются

организации, которые изучают данную проблему. В России с 2007 года существует Фонд развития Интернета, занимающийся вопросами использования информационно-коммуникационных технологий детьми и подростками. В сферу интересов данного Фонда входит кибербезопасность, цифровая грамотность, защита персональных данных и прочее. Совместно с рядом государственных организаций, таких как факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и Федеральным институтом развития образования, Фонд принимает участие в международных исследовательских проектах.

Большая часть исследований киберагрессивного поведения подростков посвящена оценке распространённости данного феномена и его последствий. К сожалению, причины склонности к киберагрессии и факторы защиты, препятствующие данному поведению, по-прежнему мало изучены. В последние десятилетия ученые изучают у подростков взаимосвязь склонности к киберагрессии с личностными особенностями. Большой пласт исследований посвящен отдельным возрастным [83, 191, 252, 253, 274] и гендерным [71, 291] категориям участников процесса киберагрессии.

Значительно меньшее число исследователей концентрируют внимание на психологическом аспекте проблемы и анализе причин деструктивного поведения подростков в Интернете [9, 38]. В некоторых работах изучается влияние киберагрессии на суицидальное поведение: установлено, что жертвы интернет-агрессии и ее инициаторы по сравнению с другими подростками чаще совершали попытки самоубийств – в 1,9 и 1,5 раза соответственно [173]. Наиболее неизученным аспектом является взаимосвязь между участием в киберагрессии и атмосферой в семье, отношениями с родителями [297].

Исследования агрессивного поведения в Интернете в первые годы были в основном сосредоточены на виктимизации. Одно из возможных объяснений состоит в том, что кибервиктимизация может привести к последующей киберагрессии [292]. Было показано, что кибервиктимизация оказывает негативное влияние на участников киберагрессии, однако стратегии преодоления могут помочь не только прекратить киберагрессию, но и эмоционально справиться с

ситуацией. В связи с этим широко обсуждалось так называемое техническое преодоление, то есть стратегии, которые можно применять с помощью технологий (например, блокирование атак, удаление сообщений или отчетность администратору), а также совладание с киберагрессией в зависимости от различных факторов, как индивидуальных, так и социальных [231].

Еще один аспект первой волны исследования киберагрессии – стремление ученых охарактеризовать лиц, причастных к киберагрессии [253, 298]. Например, Н. Vandebosch и К. Van Cleemput [273] обнаружили, что подростки, воспринимаемые как более сильные и опасные в реальной жизни, с большей вероятностью становятся объектами киберагрессии. Ряд исследователей показывают, что киберагрессоры страдают депрессией и тревогой [128, 299], испытывают стресс [129, 227], чувство эмоционального одиночества [171, 180], психосоматические проблемы и психопатологические симптомы [98]. В целом ряде исследований повествуется о том, что у киберагрессоров более низкая эмпатия [159, 272]. С. Katzer, D. Fetchenhauer и F. Belschak считают, что во многих случаях агрессор известен жертве, а технологическая среда – лишь одна из многих сред, которые они могут использовать для запугивания своей жертвы [185]. Кроме того, это исследование также подтвердило, что подростки часто не классифицируются исключительно как «агрессоры» или «жертвы», а скорее в разное время они могут подвергаться киберагрессии, быть агрессорами или выступать в роли свидетелей [150, 170].

Некоторые исследователи уделяют внимание не только киберагрессии как таковой, но и её влиянию на повседневную жизнь подростков, в частности на успеваемость. Так, группа ученых из Норвегии выяснила, что проявление агрессии в онлайн-среде негативно влияет на успеваемость школьников [146], что отчасти можно объяснить тем, что действия, направленные на причинение вреда другой личности в Интернете, отнимают определенное количество времени и не позволяют качественно готовиться к занятиям.

При этом важно отметить, что подростки не склонны делиться с кем-либо пережитым негативным онлайн-опытом. Например, американские подростки,

среди которых почти половина кибержертв, никому не рассказывали о том, что подвергались нападкам в Интернете [253]. Как отмечают некоторые исследователи [199], если подростки все же принимают решение обратиться за помощью к родителям или учителям, то чаще рассказывают о своих проблемах девушки.

Современные исследователи сравнительно недавно начали изучать причины агрессивного поведения подростков в Интернете. По мнению L.M. Sontag, K.H. Clemans, J.A. Graber и S.T. Lyndon, к таким причинам относятся поведенческая мотивация и личностные характеристики (темперамент, проблемы с настроением, манипулятивность, безжалостность) [257]. В последнее время увеличилось количество исследований, основанных на связи между киберагрессией и самооценкой у подростков [112, 115, 161]. В других исследованиях внимание уделяется индивидуальным характеристикам, таким как эмпатия, самоэффективность и моральное отстранение [106, 108, 207, 272].

Ряд исследователей изучали взаимосвязь киберагрессии и многочисленных источников напряжения у подростков. Подростки регулярно сталкиваются с повседневными проблемами, которые считаются раздражающими и разочаровывающими [137]. Это могут быть ссоры с родителями, школьные требования и конфликты с друзьями [120, 134, 145, 246, 268]. Незначительные ежедневные стрессы могут вызывать значительное напряжение в жизни подростков, приводя к отрицательным эмоциям, а впоследствии к агрессивному поведению. Электронные технологии могут использоваться подростками для выражения гнева и разочарования. Результаты исследований показали, что более высокие уровни данных стрессов связаны с киберагрессией [290].

Многие исследователи связывают использование электронных технологий подростками с достижением высокого статуса. Этой предпосылке уделяется мало внимания в современных исследованиях, несмотря на повышенное стремление подростков к более высокому статусу среди сверстников [219, 294]. M.F. Wright [289] обнаружила, что высокая предполагаемая популярность положительно связана с совершением киберагрессии. Аналогичные результаты были получены L. Schoffstall и R. Cohen [245]. Они обнаружили, что участие в киберагрессии связано

с популярностью. Хотя предыдущие исследования показали связь между типами популярности и киберагрессией, при этом мало внимания уделялось тому, как подростки используют электронные технологии для конкретного продвижения своей популярности в группе сверстников.

На ранней стадии изучения находятся исследования взаимосвязи склонности к киберагрессивному поведению у подростков и компетенциями (социальными и эмоциональными). Ученые изучают данные компетенции у участников киберагрессии, определяя, являются ли киберагрессоры социально компетентными, и на сколько они умеют манипулировать другими людьми в процессе взаимодействия. В своих работах E.M. Romera, J.J. Cano, C.M. García-Fernández и R. Ortega-Ruiz [238] обнаружили, что самооценка социальной компетентности была ниже у участников киберагрессии. Позже O. Gómez-Ortiz, E.M. Romera, R. Ortega-Ruiz [165] показали более низкую социальную адаптацию и социальную эффективность участников агрессивных действий в Интернете. Не было выявлено никакой существенной связи между эмоциональным интеллектом и киберагрессией. В свою очередь, S. Eden, T. Heiman, D. Olenik-Shemesh [147] обнаружили, что контроль и управление эмоциями предсказывают совершение киберагрессии. Многие из этих исследований предполагают, что участие в киберагрессии может быть связано с более низким уровнем социальных и эмоциональных компетенций, но большинство из них сосредоточено только на некоторых аспектах этого конструкта.

Таким образом, исследования киберагрессии, проведенные в странах Европы и Северной Америки, способствовали накоплению знаний о изучаемом явлении в этих странах. В последнее время наблюдается увеличение количества исследований, проводимых среди подростков из стран Латинской Америки, а также транснациональных исследований между европейскими странами и странами Латинской Америки; однако большинство из них не опубликованы в научных журналах [211]. Существуют страны, где проведено очень мало исследований с научной строгостью и большими выборками, примером чего может служить Эквадор. В России также увеличивается интерес к теме киберагрессии в

среде подростков, в соответствие с этим, увеличивается и количество исследований, проводимых по данной теме. Ввиду скудности научной литературы о киберагрессии во многих странах большой интерес могло бы представлять сравнительное изучение этого явления.

В целом, изучение отдельных факторов, связанных с киберагрессией, предоставило материалы для понимания этого явления [194]. Особенно актуальным представляется дальнейшее углубление изучения причин киберагрессии и отдельных факторов, связанных с психосоциальной жизнью подростков. Непосредственная психосоциальная динамика может быть отягчающим фактором и давать ключ к пониманию киберагрессии [204, 303].

1.3.2. Социально-психологические факторы киберагрессии в подростковом возрасте

По мере увеличения распространённости киберагрессивного поведения у подростков исследователи всё больше внимания уделяют изучению предикторов такого поведения [166, 187, 191]. Все факторы, способствующие агрессивному поведению подростков в Сети, разделяют на внутренние и внешние. К внутренним предикторам, в первую очередь, можно отнести индивидуально-психологические особенности подростков, а также ценности, моральные установки и прочее, к внешним – влияние родителей (поддержка и контроль), стиль воспитания, взаимоотношения со сверстниками, школьная этика и другое. Эмпирические исследования, позволяют сделать вывод: склонность подростков к киберагрессии тесно связана с целым набором личностных качеств. Среди них – высокий уровень враждебности и агрессивности [53, 84], мстительность и импульсивность [60], а также цинизм и нарциссизм [97, 154]. Такие подростки чаще испытывают стресс и находятся в подавленном состоянии [290]. Они могут испытывать трудности с контролем эмоций [277] и их выражением [151, 302], часто не способны сопереживать другим людям [300]. Подростки, которые проявляют агрессию в Интернете, как правило, не очень хорошо умеют находить общий язык с окружающими. Им сложно общаться как со сверстниками, так и с родителями [44].

Они болезненно воспринимают критику и часто ориентируются на мнение группы, даже если оно отличается от их собственного. Это может приводить к социальной тревожности и проблемам в межличностных отношениях. Подростки, склонные к киберагрессии, также могут быть более склонны к вербальной агрессии и деструктивному поведению [17, 168].

Рассмотрим факторы, которые, по мнению исследователей, оказывают наибольшее влияние на проявление киберагрессивного поведения подростками.

Одним из самых сильных предикторов агрессии в Интернете является то, что подросток уже был жертвой киберагрессии [187, 190, 205]. На сегодняшний день в нескольких исследованиях изучались механизмы, лежащие в основе того, почему подростки проявляли агрессию в адрес других, а затем становились сами жертвами киберагрессии. В первую очередь, это зависит от способности подростков преодолевать негативные эмоции, вызванные кибервиктимизацией, желанием жертвы киберагрессии отомстить и последующего вовлечения в реактивную киберагрессию. Кроме того, агрессия, мотивированная гневом, также может быть импульсивной формой самозащиты. Поэтому, когда жертвы чувствуют угрозу нападения, особенно если они считают нападение неоправданным, они могут реагировать гневом и агрессией. Наконец, негативные эмоции, вызванные онлайн-виктимизацией (включая гнев), могут ослабить способность эффективно справляться с социальным стрессом, что может привести к враждебной обработке социальной информации, что, в свою очередь, может привести к киберагрессии [210]. Выявление механизмов, с помощью которых кибервиктимизация связана с агрессией в Интернете, имеет важное значение для разработки адаптированных и эффективных программ, направленных на снижение негативных последствий киберагрессии.

Киберагрессия и внешние факторы

Внешние факторы – это такие переменные, как стиль воспитания, поддержка родителей, родительский контроль, школьная этика и влияние (давление) группы сверстников [174, 190, 212, 248]. В метаанализе R. Kowalski и других [190] самые сильные связи киберагрессии были выявлены со школой и семьей, и было

отмечено, что школьные переменные, которые были обратно связаны с участием в киберагрессии, включали положительный школьный климат и школьную безопасность.

Что касается переменных, связанных с семьей, в частности, в отношениях между киберагрессией, семьей и сверстниками, K. Fanti, A. Demetriou и V. Hawa [154] утверждали, что кипрские подростки в возрасте от 11 до 14 лет влияли на участие в киберагрессии своих сверстников, но поддержка родителей значительно снижала вероятность участия в таких действиях. Авторы пришли к выводу о значимости роли родителей в защите от киберагрессии, поскольку подростки, которые сообщили о большей поддержке со стороны семьи, спустя год отмечали меньше случаев проявления киберагрессии.

S. Hinduja и J. Patchin [174] показали, что сверстники американских подростков тоже влияли на проявление киберагрессии, но ожидание наказания за такое поведение со стороны взрослых снижало вероятность их участия в киберагрессивных действиях. По мнению авторов, агрессивные действия в Интернете связаны с восприятием подростками аналогичного поведения своих сверстников, а также с вероятностью неодобрения данных действий со стороны взрослых. Более того, респонденты, которые с меньшей вероятностью участвовали в киберагрессии, считали, что значимые взрослые в их жизни накажут их.

H. Sasson и G. Mesch [242, 243] в своих исследованиях, изучали взаимосвязь между участием израильских подростков в киберагрессии и влиянием сверстников и родителей на это участие (поддержка, контроль и невмешательство со стороны родителей). Результаты показали, что ограничительный родительский контроль и активная поддержка могут быть эффективными для минимизации нескольких онлайн-рисков, однако запретительные нормы сверстников в отношении онлайн-активностей, по-видимому, оказали бы более сильное влияние по сравнению с посредничеством родителей. Таким образом, группа сверстников оказывает большее влияние на поведение подростка, чем родители. Результаты также показали, что вероятность агрессии в Интернете связана как с рискованным

поведением в Сети, так и с нормами, преобладающими в группе сверстников-подростков [156, 221].

Ряд исследователей считают, что характер детско-родительских отношений влияет на возникновение киберагрессии [102, 164, 198]. По мнению ученых, родители в меньшей степени могут быть включены в ситуации киберагрессии своих детей, так как подростки скрывают факт переживания онлайн-агрессии (как было сказано выше). Они предполагают, что вероятность проявления киберагрессивного поведения у подростка связана с методами и с типом родительского стиля воспитания. Так, в семьях киберагрессоров наблюдался авторитарный или пренебрегающий стиль воспитания. Ученые также отметили, что подростки, воспитывающиеся в семьях с более демократичным стилем воспитания, чаще рассказывают родителям о случаях киберагрессии. В качестве факторов, способствующих появлению киберагрессии, исследователи выделяют проблемы в семейных отношениях, трудности в общении между родителями и подростками, недостаток внимания и заботы со стороны родителей, отсутствие эмоциональной привязанности и эффективного управления семейной динамикой, а также установление жестких правил и жесткого контроля над детьми [103, 208].

По мнению ряда исследователей, стиль воспитания опосредованно через моральное отчуждение может влиять на проявление киберагрессии у подростков [104, 178, 229, 295]. Таким образом, позитивное воспитание, которое использует четкие ограничения и соответствующее обсуждение предсказуемых последствий насильственного поведения, снижает моральное отчуждение и уменьшает киберагрессию. Напротив, негативное воспитание, характеризующееся невосприимчивостью или неэффективностью дисциплинарных подходов к разрешению конфликтов или споров между родителями и детьми, а также оправданием вредных действий родителей, усиливает моральное отстранение и усиливает киберагрессию. Таким образом, моральное отчуждение является важным предиктором киберагрессии [124, 224, 232, 280].

В ходе анализа литературных источников было выявлено, что время, проведенное подростком в интернет-пространстве, также влияет на возможность

проявления киберагрессии. Более 90% подростков сообщили о том, что используют мобильные телефоны и мессенджеры для мгновенного обмена сообщениями [189, 297]. При этом использование подростками социальных сетей и Интернета в большинстве случаев не связано со школой и выполнением учебных задач. Было установлено, что подростки, которые проводят много времени в Интернете, более склонны к киберагрессии [157]. Оказалось, что частота использования социальных сетей и онлайн-общения повышает риск проявления агрессивного поведения в Сети [194]. Это подтверждают исследования М. Walrave и W. Heirman, которые выявили связь между активностью подростков в Интернете и их склонностью к киберагрессии, чем более активными пользователями Интернета являются подростки, тем чаще они проявляют киберагрессивное поведение. То же самое относится и к респондентам, общающимся в чате со сверстниками и другими людьми, которых они знают только в Сети [283].

Киберагрессия и личность

К числу наиболее часто изучаемых коррелятов склонности к киберагрессии относят агрессивность и эмпатию, зарекомендовавшие себя в качестве надежных предикторов [96]. Наиболее очевидные выводы о характере взаимосвязей склонности к киберагрессии, эмпатии и агрессивности заключаются в том, что агрессивность как устойчивая черта личности подростка выступает в качестве предиктора склонности к киберагрессии, тогда как эмпатия, напротив, работает в качестве фактора защиты.

Агрессивность. В современных публикациях представлены эмпирические данные, которые показывают, что киберагрессия связана с высоким уровнем агрессивности [83], описываются смещения киберагрессии в офлайн-агрессию и обратно [42]. В то же время отмечается, что подростки воспринимают киберагрессию по-другому, рассматривая её как менее опасное явление, что усиливает связь между агрессивностью и киберагрессией.

Эмпатия. Очевидный фактор, который может быть связан с проявлением киберагрессии – это эмпатия. R.P. Ang и D.H. Goh [95] разграничивают когнитивную эмпатию (умение понимать эмоции других людей) и аффективную

эмпатию (способность сопереживать и разделять чувства других). Подростки, которые отличаются низким уровнем аффективной и когнитивной эмпатии как мальчики, так и девочки чаще сообщали о проявлениях киберагрессии, по сравнению с теми, у кого был выявлен высокий уровень когнитивной эмпатии. Это позволяет сделать вывод о том, что эмпатия играет важную роль в прогнозировании склонности к киберагрессии. Некоторые исследования указывают на наиболее тесную связь между киберагрессией и аффективной эмпатией [96]. По результатам исследований ряда других ученых эмпатия отрицательно связана с киберагрессией [121, 142]. Эта гипотеза подтверждается как у испанских, так и у эквадорских подростков [236] и согласуется с выводами метаанализа I. Zuch и других [115, 161, 301]. Следовательно, с одной стороны, было замечено, что эмпатия помогает предсказывать киберагрессию независимо от пола, возраста и национальности. С другой стороны, у младших подростков было замечено, что ни аффективная, ни когнитивная эмпатия не являются предикторами киберагрессивного поведения.

По результатам исследований можно также отметить, что большинство подростков, проявляющих киберагрессию, не проявляют никаких чувств по отношению к жертвам. При этом они считают себя остроумными, популярными и могущественными [9]. Подростки не могут оценить тот вред, который они наносят другим при онлайн-общении, поэтому не придают значения своим словам и поступкам [260]. В таком случае агрессор может не воспринимать тот урон, который наносится жертве.

Социальные навыки. Исследователи предполагали, что социальные навыки также продемонстрируют связь с киберагрессией. Эта гипотеза подтвердилась на выборках испанских и эквадорских подростках. Отдельные социальные навыки показали способность предсказывать склонность к киберагрессии в определенных этнокультурных группах: низкая напористость была предиктором киберагрессии у тех, кто родился в Испании; коммуникативные навыки выступали в качестве положительного предиктора киберагрессии для выходцев из Колумбии и Испании. M. Garaigordobil указал, что в Испании подростки, вовлеченные в киберагрессию, использовали агрессивное поведение как метод разрешения конфликтов [161].

Исследования также выявили тесную взаимосвязь между склонностью к киберагрессии у подростков и их поведением в конфликтной ситуации. В частности, проявления агрессии в Интернете часто коррелируют с определенными стилями поведения в спорных ситуациях [161, 236]. Так работы М. Garaigordobil показали, что агрессивное поведение в Сети тесно взаимосвязано с применением агрессивных стратегий разрешения конфликтов, при этом оно обратно пропорционально использованию стратегий сотрудничества. Эмпатия также влияет на выбор стиля поведения в конфликтной онлайн-ситуации: происходит смещение к конструктивным формам поведения, ориентированным на разрешение проблем, в частности, использование стратегий сотрудничества [216]. Таким образом, обзор проведенных в последние годы исследований, в которых анализировались связи, существующие между киберагрессивным поведением и способностью разрешать межличностные конфликты, позволяет предположить, что подростки, использующие агрессивные стратегии в качестве техники решения проблем, склонны к киберагрессивному поведению в Сети.

J.V. Peluchette, K. Karl, C. Wood, J. Williams [230] в исследовании с участием американских и австралийских подростков пришли к выводу, что экстраверсия, открытость и самораскрытие в социальных сетях тоже могут быть предикторами киберагрессии.

Самооценка. В своих исследованиях многие ученые пришли к выводу, что самооценка у подростка связана с киберагрессией. Но эти связи в различных исследованиях отличаются. Так, например, F. Bayraktar и другие [112] и М. Garaigordobil [161] выявили отрицательную корреляцию между киберагрессией и самооценкой у подростков. С другой стороны, исследование М.С. Bergmann и D. Baier [115] связали высокую самооценку с повышенным риском киберагрессии. Кроме того, некоторые исследования показали, что низкий уровень самооценки предсказывает киберагрессию [121, 217]. Подводя итог, значительная часть исследований совпадает с указанием на то, что самооценка отрицательно коррелирует с киберагрессией у подростков.

Таким образом, изучение взаимосвязей склонности к киберагрессии с личностными особенностями подростков довольно активно ведется на протяжении последних полутора десятилетий. Полученные выводы порой не согласуются между собой. Для дальнейшего изучения данного вопроса, вероятнее всего, необходимо учитывать кросскультурную специфичность киберагрессии, следовательно, важно проанализировать взаимосвязи на российской выборке.

Среди социально-психологических детерминантов киберагрессии наиболее изучены такие социально-демографические переменные, как возраст и пол.

Киберагрессия и возраст. Исследования, посвященные возрастной динамике склонности к киберагрессивному поведению у подростков, отличаются своими выводами. По мере того, как мир становится более технологически продвинутым, возраст доступа к технологиям сокращается [197]. При этом мы мало знаем о том, когда дети начинают проявлять агрессивные реакции в интернет-пространстве. Большая часть существующих исследований киберагрессии изучала детей в средних и старших классах, но меньше известно о распространенности агрессии в Сети и связанного с ней поведения среди детей младшего возраста [190]. По мнению исследователей, киберагрессия особенно распространена среди детей среднего школьного возраста [192]; однако даже среди детей среднего школьного возраста существуют различия в ее проявлении. Например, K.R. Williams и N.G. Guerra [287] обнаружили, что проявления киберагрессивного поведения увеличиваются после пятого класса и достигают пика в восьмом классе [172]. Наиболее высокие показатели киберагрессии оказались свойственны младшим подросткам (независимо от пола), тогда как среди старших подростков киберагрессия выражена менее ярко. Это подтверждают Скандинавское исследование [250] 17,6% учащихся младших классов средней школы являются онлайн-жертвами. Эта доля снизилась до 3,3% у подростков в высшем среднем образовании (при этом доля агрессоров снизилась с 11,9% до 8,0%) и Бельгийское исследование [275]. С другой стороны, M.L. Ybarra и K.J. Mitchell [297] обнаружили, что учащиеся старшего возраста (15+ лет) чаще становятся киберагрессорами, чем учащиеся младшего возраста (10–14 лет). Другие

исследования, проведенные в Великобритании и США, не выявили существенных возрастных различий.

Мотивы киберагрессии также оказались связаны с возрастом: младшие подростки сообщали о более реактивных мотивах, таких как принадлежность и зависть, в то время как старшие подростки сообщали о более активных мотивах, таких как развлечение и удовольствие [126].

Таким образом, на рубеже 7 класса отмечается увеличение агрессивности в виртуальной среде, то есть подростковый кризис находит своё отражение и в пространстве сетевого взаимодействия. В последнее время ученые утверждают, что проявления киберагрессии характерны «параболе», увеличиваются в раннем подростковом возрасте, достигая пика в среднем возрасте и угасают в старшем подростковом возрасте [183].

Киберагрессия и гендер. Стоит обратить внимание на гендерный аспект киберагрессии среди подростков. В агрессивном поведении подростков отчетливо прослеживаются различия, связанные с их социальными ролями, мальчики и девочки сталкиваются с разными ожиданиями и требованиями к поведению в определенных ситуациях [37]. Можно найти примеры данных о более активном участии в киберагрессии мальчиков [127], или, наоборот, девочек [235]. У мальчиков виртуальное общение характеризуется большей агрессивностью: они чаще, по сравнению с девочками, отмечают, что выступали и в роли агрессора (соответственно 7,5% и 4,5%), и становились жертвой (соответственно 34,0% и 28,2%). Таким образом, присущие мальчикам в реальной жизни более жесткие формы взаимодействия переносятся и в ситуацию сетевого общения. Девочки-подростки склонны посредством киберагрессии реализовывать свои притязания на внимание со стороны партнеров по взаимодействию и использовать агрессивные проявления в интернет-коммуникации как один из инструментов общения. Мальчики, напротив, более склонны использовать киберагрессию в целях защиты собственных границ в интернет-общении [278]. При этом многие исследователи заявляют о том, что не обнаружили существенных гендерных различий в своих исследованиях [253]. Опираясь на данные факты, мы можем обоснованно

предполагать, что возраст и пол подростков влияют на проявление киберагрессивного поведения.

Итак, проанализировав различные исследования киберагрессивного поведения подростков, мы можем выделить ряд социально-психологических факторов, тесно взаимосвязанных с киберагрессией: эмпатия, агрессивность, стили поведения в конфликтной ситуации, коммуникативные навыки и социальный интеллект, а также пол, возраст и цифровой опыт подростков. Однако, как указывалось выше, учитывая кросскультурную специфику киберагрессии, необходимо исследовать влияние данных факторов на киберагрессию у российских подростков.

Выводы по итогам главы 1

В первой главе мы рассмотрели данные отечественных и зарубежных авторов об особенностях изучения киберагрессии как социально-психологического феномена, сформулировали основные характеристики. В нашей работе предложено рассматривать «киберагрессию» как любые деструктивные действия, направленные на причинение вреда, осуществляемые в сети Интернет с помощью электронно-коммуникативных устройств.

На основании материалов, изложенных в первой главе, мы можем сделать ряд выводов: подростки интенсивно сталкиваются с агрессивной коммуникацией в Сети, при этом родители недооценивают наличие такого опыта у своих детей; безнаказанность, незаметность для окружающих, иллюзорность и анонимность онлайн-пространства делает его более привлекательным для выражения своего мнения и агрессии по сравнению с офлайн; в качестве основных мотивов киберагрессии выступают месть, развлечение и власть; младшие подростки чаще остальных возрастных групп сталкиваются с различными видами агрессии в интернет-пространстве; подростки реже видят в родителях ресурс для поддержки в ситуации онлайн-агрессии, пытаются справиться с переживаниями в одиночестве или с помощью друзей.

Опираясь на имеющиеся данные, по нашему мнению, важным является выявление факторов, опосредующих киберагрессивное поведение у подростков в интернет-среде. Выявление и систематизация этих факторов позволят сформулировать целостный теоретический конструкт, который обеспечит объяснение противоречий в эмпирических оценках киберагрессивного поведения у подростков, задаст вектор изучения психологических механизмов и основных детерминантов агрессивного поведения подростков в виртуальной среде.

В психологии «детерминанты – это факторы, влияющие на формирование личности. Они несут определенную информацию о поведенческих характеристиках человека, то есть «определяют» их для исследователя» [43, с. 62].

Опираясь на анализ литературных источников, в качестве социально-психологических детерминантов киберагрессивного поведения подростков были

выделены агрессивность, эмпатия, стили поведения в конфликтной ситуации, коммуникативные навыки и социальный интеллект. Также было сформулировано предположение о том, что пол, возраст и цифровой опыт являются модераторами взаимосвязей между данными факторами и подростковой киберагрессией.

На рисунке 1 приведена теоретическая модель социально-психологических детерминантов киберагрессии подростков, сформулированная на основе анализа литературы.

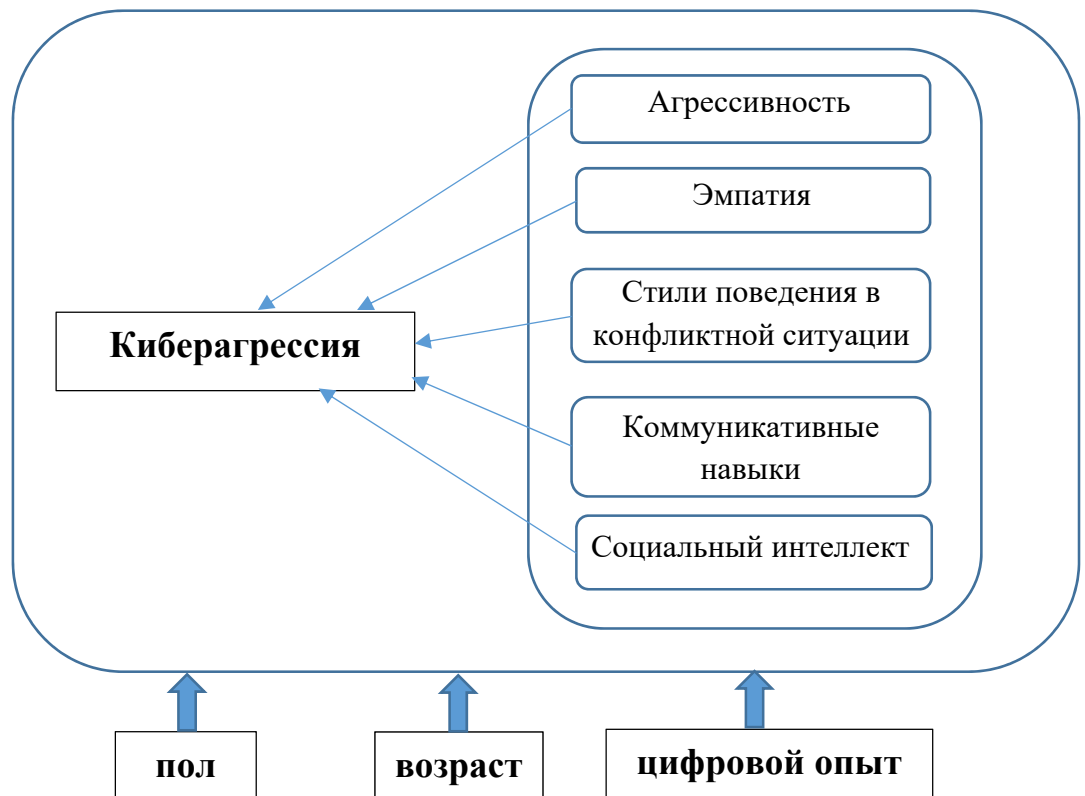

Рисунок 1. Теоретическая модель детерминантов киберагрессии у подростков

Проверка и уточнение этой модели осуществлялись в ходе эмпирического исследования, программа и результаты которого представлены в следующих главах.

ГЛАВА II. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во второй главе описаны характеристика выборки и процедура исследования, а также методы и методики, используемые в исследовании.

2.1. Характеристика выборки

К участию в эмпирическом исследовании были привлечены 325 человек – учащиеся средних и старших классов коллективов (с 5-го по 10 класс) школ г. Санкт-Петербурга, из них 156 девочек и 169 мальчиков, средний возраст $13,27 \pm 1,64$. Подробная характеристика выборки представлена в таблице 1.

Таблица 1. Характеристика выборки (чел.)

Возраст	Мальчики	Девочки	В целом по выборке
11 лет	24	30	54
12 лет	46	22	68
13 лет	33	36	69
14 лет	25	22	47
15 лет	19	25	44
16 лет	22	21	43
Итого	169	156	325

2.2. Организация исследования

Исследование проводилось в школах во внеурочное время. Участие в исследовании было добровольным, каждый имел информированное согласие родителя.

Эмпирическое исследование включало в себя несколько этапов.

На первом этапе проводилась адаптация англоязычного опросника “Cyber-aggression typology questionnaire” (CATQ) [241] для русскоязычной выборки подростков. Предварительно было получено письменное согласие автора оригинальной методики на её применение и модификацию в России.

Русская версия разрабатывалась посредством перевода англоязычной версии методики CATQ на русский язык.

На втором этапе было проведено фронтальное психолого-диагностическое обследование, в котором:

1. предлагалось оценить своё поведение в соответствии с представленными утверждениями методики «Типология киберагрессии»;
2. предлагалось ответить на вопросы следующих диагностических методик: «Тест описания поведения» К. Томаса в адаптации Н.В. Гришиной; «Личностный опросник агрессивности Басса – Перри» в адаптации С.Н. Ениколопова; «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна в модификации Н. Эпштейна; «Диагностика коммуникативного контроля» М. Шнайдера; опросник В.А. Лосенкова для оценки потенциала коммуникативной импульсивности; «Направленность личности в общении» С.Л. Братченко; «Шкала социального интеллекта Тромсо», адаптированная А.Д. Наследовым и В.Ю. Семеновым.

В таблице 2 приведена характеристика методов и методик, используемых в исследовании, в контексте их значения для реализации исследовательских задач.

Таблица 2. Характеристика методов и методик исследования

Исследуемый феномен	Методика	Эмпирические референты
Киберагрессия	«Типология киберагрессии»	Импульсивно-ответная киберагрессия
		Произвольно-ответная киберагрессия
		Произвольно-инициативная киберагрессия
		Импульсивно-инициативная киберагрессия
		Суммарный показатель киберагрессии
Социально-психологические детерминанты		
Стиль поведения в конфликтной ситуации	«Тест описания поведения» К. Томаса	Соперничество (конкуренция)
		Приспособление
		Компромисс
		Избегание
		Сотрудничество

Агрессивность	«Личностный опросник агрессивности Басса – Перри» в адаптации С.Н. Ениколопова	Физическая агрессия	
		Гнев	
		Враждебность	
		Вербальная агрессия	
Эмпатия	«Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна	Способность к эмоциональному отклику на переживания других людей	
Коммуникативные характеристики	Опросник В.А. Лосенкова для оценки потенциала коммуникативной импульсивности	Коммуникативная импульсивность	
		«Направленность личности в общении» С.Л. Братченко	Диалогическая направленность
			Авторитарная направленность
	Манипулятивная направленность		
	Конформная направленность		
	Альтероцентристская направленность		
	Индифферентная направленность		
«Диагностика коммуникативного контроля» М. Шнайдер	Коммуникативный контроль		
Социальный интеллект	«Шкала социального интеллекта Тромсо», адаптированная А.Д. Наследовым и В.Ю. Семеновым	Социальное осознание	
		Социальные навыки	
Потенциальные модераторы вклада социально-психологических факторов в киберагрессию			
Социально-демографические характеристики	Анкета	Пол	
		Возраст	
«Цифровой опыт» подростков	Анкета	Время, проведенное в Интернете	
		Время общения в социальных сетях, чатах и форумах	

	Агрессия, проявляемая в адрес других пользователей
	Агрессия со стороны других пользователей

Материалы для исследования были представлены участникам в формате «карандаш – бумага».

2.3. Описание методов и методик исследования

Опросник «Типология киберагрессии»

В рамках нашего исследования данный метод был адаптирован для русскоязычной аудитории. Опросник дает возможность анализировать киберагрессию через призму мотивационных установок и уровня поведенческого самоконтроля. На основе предложенных критериев можно выделить такие мотивы киберагрессии: импульсивно-инициативный (стремление к развлечению), импульсивно-ответный (проявление ярости), произвольно-инициативный (получение выгоды) и произвольно-ответный (месть обидчику), а также общую склонность к проявлению киберагрессии [4].

Данный опросник продемонстрировал «хорошие показатели ($\chi^2 = 543,25$, $df = 218$, $CMIN/DF = 2,49$ при $p < 0,001$, $CFI = 0,951$, $RMSEA = 0,059$)» [4, с. 117].

Четырехфакторная структура опросника подтверждена (см. рис. 2).

Табл. 2. Факторная нагрузка и коэффициент корреляции шкал опросника
Tab. 2. Factor load and correlation coefficient of the questionnaire scales

Показатели	1	2	3	4	MS (SD)
Импульсивно-ответная киберагрессия (1)	–	0,91	0,89	0,82	18,5 (5)
Произвольно-ответная киберагрессия (2)	0,72	–	0,87	0,77	17,7 (4)
Произвольно-инициативная киберагрессия (3)	0,80	0,69	–	0,92	19,9 (5,5)
Импульсивно-инициативная киберагрессия (4)	0,72	0,60	0,82	–	16 (4)

Прим.: Значения выше диагонали отражают корреляции между факторами в конфирматорном анализе; значения ниже диагонали отражают коэффициент корреляции Пирсона (при $p < 0,01$).

Рисунок 2. Табл. 2. Факторная нагрузка и коэффициент корреляции шкал опросника [4, с. 118]

Также опросник «Типология киберагрессии» показал убедительные доказательства своей дискриминативности и надежности. «Значение Лямбды Уилкса для четырех факторов. Для фактора 1 – 0,139, для фактора 2 – 0,219, для

фактора 3 – 0,078, для фактора 4 – 0,183 при $p < 0,001$. Оценка одномоментной надежности теста осуществлялась с помощью вычисления коэффициента α -Кронбаха (α составила 0,89 / 0,75 / 0,93 / 0,88, соответственно)» [4, с. 117].

Данный опросник включил в себя 23 утверждения, первые три шкалы по 6 пунктов, последняя – 5, оценка каждого пункта осуществляется по 4-бальной системе. По каждому фактору подсчитывается «сырой балл» как сумма оценок по входящим в неё утверждениям:

фактор 1 – «импульсивно-ответная киберагрессия» от 6 до 24 баллов;
фактор 2 – «произвольно-ответная киберагрессия» от 6 до 24 баллов;
фактор 3 – «произвольно-инициативная киберагрессия» от 6 до 24 баллов;
фактор 4 – «импульсивно-инициативная киберагрессия» от 5 до 20 баллов;
общая сумма по всем факторам – «Суммарный показатель проявления киберагрессии».

Текст русскоязычной версии опросника «Типология киберагрессии» представлен в приложении 1.

Методика «Тест описания поведения»

Методика была разработана К. Томасом и предназначена для изучения личностной предрасположенности к конфликтному поведению, а также для определения стилей разрешения конфликтов. В России данный опросник был адаптирована Н.В. Гришиной [35, с. 238–245].

В рамках нашего исследования данный опросник был применен для оценки степени проявления определенных моделей поведения подростков в конфликтных ситуациях.

Для классификации стилей поведения в конфликтах К. Томас разработал двухмерную модель, основанную на двух ключевых аспектах: кооперации (учет интересов других участников конфликта) и напористости (защита собственных интересов). На основе этих измерений он выделил пять стратегий разрешения конфликтов:

- *соперничество* (конкуренция), при котором одна сторона стремится достичь своих целей, игнорируя интересы другой;
- *приспособление*, предполагающее отказ от собственных интересов ради удовлетворения интересов оппонента;
- *компромисс*;
- *избегание*, характеризующееся отсутствием как стремления к сотрудничеству, так и активного достижения личных целей;
- *сотрудничество*, при котором стороны находят решение, полностью удовлетворяющее интересы всех участников.

Опросник включает 12 утверждений, описывающих поведение в конфликтных ситуациях, которые охватывают все пять стратегий. Эти утверждения объединены в 30 пар, где респонденту предлагается выбрать наиболее характерный для него вариант поведения. При обработке подсчитывается сумма баллов, соответствующая каждому стилю поведения в конфликтной ситуации и делается заключение о выраженности каждого стиля поведения.

«Личностный опросник агрессивности Басса – Перри»

Личностная методика предназначена для диагностики агрессивных и враждебных реакций человека. Агрессивное поведение рассматривается как противоположное адаптивному. Высокий уровень агрессивности личности влияет на социальное поведение, способствует проявлению соперничества, конфронтации в отношениях и конфликтов с окружающими людьми, препятствует успешности деятельности.

Отечественная адаптация методики осуществлялась С.Н. Ениколоповым и Н.П. Цибульским [28].

Опросник состоит из 29 утверждений, которые участник оценивает по пятибалльной системе (от 1 – «совершенно не характерно для меня» до 5 – «полностью соответствует мне»). На основе полученных данных с использованием специального ключа проводится анализ, и по итоговой сумме баллов определяется

уровень выраженности четырех аспектов агрессии: физической агрессии, гнева, враждебности и вербальной агрессии.

В целом по опроснику можно набрать от 29 до 145 баллов, из них:

- по шкале «физическая агрессия» – от 9 до 45 баллов,
- по шкале «гнев» – от 7 до 35 баллов,
- по шкале «враждебность» – от 8 до 40 баллов,
- по шкале «вербальная агрессия» – от 5 до 25 баллов.

Методика «Шкала эмоционального отклика»

Предложенный метод позволяет изучить общие эмпатические тенденции, включая уровень способности к эмоциональному отклику на чужие переживания и соответствие/несоответствие между знаками переживаний объекта и субъекта эмпатии. Этот метод был разработан А. Меграбяном и модифицирован Н. Эпштейном. По мнению А. Меграбяна, эмоциональная эмпатия заключается в способности переживать эмоции другого человека, чувствовать то же, что и он, идентифицировать себя с ним [24].

Опросник состоит из 25 утверждений, к каждому из которых нужно оценить степень своего согласия или несогласия. Ответы по шкале (от «полностью согласен» до «полностью не согласен») могут выражать разные оттенки отношения к разным ситуациям общения. При обработке результатов «сырые» баллы пересчитываются в стандартные оценки [31, с. 5–9].

Люди с *высокими показателями* (63–90 баллов) по шкале эмоционального отклика чаще: реагируют на эмоциональные стимулы, проявляя кожные реакции и учащение сердцебиения, чаще плачут, ярко проявляют свои эмоции, готовы помогать людям, проявляют альтруизм и аффилиативное поведение, несут меньше агрессии, ценят позитивные социальные черты и ориентированы на моральные оценки.

Люди со *средним (нормальным) уровнем* (37–62 балла) развития эмпатии в межличностных отношениях склонны судить о других по их поступкам, не всегда доверяют своим личным впечатлениям и убеждениям. Умеют хорошо

контролировать собственные эмоции, однако они могут испытывать затруднения в прогнозировании развития отношений между людьми.

Люди с *низким уровнем* (до 36 баллов) развития эмпатии в межличностных отношениях испытывают трудности в установлении контактов с окружающими, ощущают дискомфорт в больших компаниях, стремятся покинуть их, не понимают поступки и эмоции других людей, часто не находят общего языка с окружающими.

Методика «Диагностика коммуникативного контроля»

Данный метод разработан М. Шнайдером [74, с. 120–121] и направлен на оценку степени коммуникативного контроля.

В рамках нашего исследования он использовался для анализа уровня коммуникативного контроля у подростков.

Методика включает 10 утверждений, описывающих реакции на различные коммуникативные ситуации. Участникам необходимо определить, насколько каждое из них соответствует их поведению. После оценки ответов баллы суммируются и интерпретируются с помощью ключа, что позволяет определить уровень коммуникативного контроля.

Низкий уровень (0–3 балла) характеризуется спонтанностью в общении и отсутствием сдержанности в поведении.

Средний уровень (4–6 баллов) предполагает умеренную эмоциональную сдержанность и умение учитывать поведение окружающих.

Высокий уровень (7–10 баллов) отличается строгим контролем над эмоциональными проявлениями и реакциями в процессе общения.

Опросник для оценки потенциала коммуникативной импульсивности

Этот тест разработан для выявления потенциала коммуникативной импульсивности личности. Автор методики – В.А. Лосенков [74, с. 94–96]. «Импульсивность понимается как особенность поведения человека, заключающаяся в склонности действовать по первому побуждению, под влиянием внешних обстоятельств или эмоций» [34, с. 88].

В ходе анализа результатов определяется показатель импульсивности, подсчитывая сумму баллов. В данном тесте-опроснике используется четырех-балльная шкала ответов. Уровень импульсивности может варьироваться в пределах от 20 до 80 баллов, что дает возможность определить его как высокий, средний или низкий.

Высокий уровень (66–80 баллов) импульсивности – относится к человеку, у которого есть проблемы с самоконтролем в общении и деятельности. Часто у таких людей отсутствуют четкие планы на будущее, их интересы неустойчивы, и они склонны переключаться с одного увлечения на другое.

Средний уровень (35–65 баллов) характеризуется умеренной импульсивностью.

Низкий уровень (34 балла и ниже) свойственен целеустремленным личностям, которые обладают ясной системой ценностей, демонстрируют упорство в достижении поставленных задач и стремятся довести начатое до конца.

Методика «Направленность личности в общении»

Данный метод направлен на исследование коммуникативной направленности личности, которая понимается как совокупность осознанных или частично осознанных установок и ценностных ориентаций в сфере межличностного взаимодействия. Это своеобразный способ общения, включающий представления личности о смысле, средствах и целях коммуникации [15].

В рамках исследования метод был применен для анализа проявления различных типов коммуникативной направленности у подростков.

Методика включает набор действий, предлагаемых в двадцати ситуациях, соответствующих предпочитаемому стилю общения. На основе полученных данных вычисляется сумма баллов по каждой категории направленности, что позволяет вывести «формулу», описывающую коммуникативную направленность личности. У большинства респондентов проявляются все типы направленности, хотя возможны нулевые значения по одной или нескольким категориям. На основе

полученной «формулы» направленности личности в общении определяется доминирующий вид коммуникативной направленности.

Диалогическая направленность личности в общении (Д). Проявляется в стремлении к равноправному взаимодействию, построенному на доверии, взаимопонимании, уважении и признании. Такая личность открыта к диалогу и совместной деятельности, что способствует гармоничному межличностному общению.

Авторитарная направленность личности в общении (АВ). Характеризуется стремлением к доминированию, подчинению собеседника своим интересам, игнорированием чужого мнения и эгоцентризмом.

Манипулятивная направленность личности в общении (М). Отличается использованием партнера и процесса общения для достижения собственных целей. Собеседник воспринимается как инструмент, а общение сводится к получению выгоды. Это скрытая форма авторитарности, при которой ценность взаимодействия утрачивается.

Конформная направленность личности в общении (К). Проявляется в отсутствии равноправия, стремления к глубокому пониманию партнера или желания быть понятым. Характерна ориентация на подражание и изменение своей позиции в зависимости от обстоятельств.

Альтероцентристская направленность личности в общении (А). Определяется добровольной ориентацией на другого человека, бескорыстным отказом от собственных интересов в пользу целей и потребностей партнера.

Индиферентная направленность личности в общении (И). Представляет собой скрытую авторитарность, при которой другие люди и общение с ними полностью обесцениваются и игнорируются.

Диапазон оценок по каждой шкале (типу направленности в общении) составляет от 0 до 20 баллов.

«Шкала социального интеллекта Тромсо»

Опросник «Шкала социального интеллекта Тромсо» был адаптирован на русский язык А.Д. Наследовым и В.Ю. Семеновым [48].

Опросник имеет двухфакторную структуру и включает в себя пятнадцать утверждений. Учащимся предлагается оценить по шкале от 1 – «полностью не согласен» до 7 – «полностью согласен» каждое из утверждений, в зависимости от того, согласны они с высказываниями или нет.

Первая субшкала «*Социальное осознание*» (от 7 до 49 баллов) показывает, насколько человек восприимчив или невосприимчив к происходящему в социальных ситуациях, удивляют ли его реакции окружающих. Эта шкала связана с тем, насколько человек осознает трудности, которые могут возникнуть у него во взаимоотношениях с другими людьми. Насколько человек может проявлять чуткость и эмпатию, быть чувствительным к внутреннему миру окружающих его людей.

Вторая субшкала «*Социальные навыки*» (от 8 до 56 баллов) характеризует способность вступать в новые социальные ситуации, успешно социально адаптироваться. Данная шкала оценивает компетенции человека в ситуациях его взаимодействия с другими людьми. Рассматривается как способность преодолевать трудности в процессе взаимодействия.

Анкета «Цифровой опыт» подростков

Оценка вовлеченности подростков в интернет-общение проводилась с помощью анкетирования. Мы попросили подростков ответить на 5 вопросов:

1. Сколько часов в день в среднем вы проводите в Интернете? (менее часа; 1–3 часа; 4–8 часов; больше 8 часов);
2. Сколько часов вы тратите на общение в социальных сетях, чатах, форумах? (менее часа; 1–3 часа; 4–8 часов; больше 8 часов);
3. Как часто вы проявляете агрессию во время общения в Интернете? (никогда; редко; иногда; часто; всегда);
4. Как часто вы сталкиваетесь с агрессией со стороны других людей во время общения в Интернете? (никогда; редко; иногда; часто; всегда);

5. Насколько ты доволен тем, как складывается твое общение в Интернете? (совсем не доволен; не доволен; бывает по-разному; доволен; полностью доволен).

2.4. Методы статистической обработки эмпирических данных

Для описания результатов исследования первоначально был проведен расчет первичных статистик (медиана, среднее значение, стандартное отклонение) показателей, полученных с помощью методик, результаты которых представлены количественно. Полученные эмпирические данные анализировались с использованием методов вариационной статистики.

Изначально была проведена проверка данных на соответствие распределения закону нормального распределения с использованием критерия Колмогорова – Смирнова. Распределение показателей, полученных в ходе исследования, не соответствует нормальному (см. приложение 2), следовательно, описательные статистики, а также первичные расчеты различий и корреляций сделаны с использованием непараметрических статистик, при применении методов многомерного анализа, в основе которых параметрические статистики, мы опирались на тезис о том, что использование шкал Лайкерта допускает их применение независимо от характера распределения данных [220].

В ходе обработки результатов исследования использовались следующие статистические методы:

1. *Коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s Спирмена)*, оценивает монотонную связь между двумя ранговыми переменными, позволяет определить силу и направление связи. Коэффициент корреляции Спирмена лежит в границах от -1 до +1. Коэффициент корреляции положителен, если возрастание одного фактора ассоциировано с возрастанием другого фактора, и отрицателен, если один фактор имеет тенденцию к уменьшению при возрастании другого фактора [72].
2. *Критерий Манна – Уитни (U)* – это непараметрический критерий, с помощью которого можно рассчитать разницу между двумя независимыми выборками по уровню какого-либо признака, измеренного количественно

[63]. Данный критерий использовался для установления различий между группами мальчиков и девочек. Полученный результат означает, что есть различия между соответствующими генеральными совокупностями.

3. *Критерий Краскела – Уоллиса (H)* позволяет оценить различия по определенному признаку одновременно между тремя, четырьмя и более выборками. Этот критерий позволяет увидеть изменения уровня характеристик при переходе из группы в группу, но не указывает направление этих изменений [63]. Критерий Краскела – Уоллиса применялся для изучения и сравнения показателей в группах, распределенных по возрасту. Следует отметить, что критерий показывает различия, но это не означает, что различия достоверны между всеми группами.
4. *Дисперсионный анализ (F)* – метод, направленный на поиск зависимостей в экспериментальных данных путём исследования значимости различий в средних значениях. Дисперсионный анализ позволяет нам констатировать изменение признака, но при этом не указывает направление этих изменений. В данной работе мы используем двухфакторный дисперсионный анализ. Метод позволяет нам оценить не только влияние каждого из факторов в отдельности, но и их взаимодействие [63]. При этом нам необходимо специально графически представлять полученные данные по градациям фактора, чтобы получить наглядное представление о направлении изменений. В нашем исследовании представлены результаты в группах мальчиков и девочек по разным типам киберагрессивного поведения.
5. *Регрессионный анализ* позволяет оценить изменчивость зависимой переменной от изменчивости независимой переменной, то есть установить между переменными зависимость [26]. В данной работе регрессионный анализ применялся для определения влияния переменных, выделенных в качестве предикторов, определяющих характер киберагрессивного поведения подростков.
6. *Метод моделирования структурными уравнениями (SEM)* используется для отображения причинно-следственных связей между переменными. Это

статистический метод анализа эмпирических данных, основанный на комбинации множества методов, таких как факторный анализ, корреляция, дисперсионный и ковариационный анализ, множественная регрессия. На первом этапе SEM обозначают параметры модели (это могут быть связи между переменными, дисперсии). На втором этапе количественно оценивается уровень идентификации модели, сопоставляя количество свободных переменных и количество исходной информации. Третий этап – оценка и проверка согласия модели. Последующий этап – коррекция модели. Модель признается состоятельной (подтверждающей исходные гипотезы), если она по принятым критериям соответствует исходным данным, а параметры модели являются статистически достоверными [47]. В нашем исследовании метод моделирования структурными уравнениями использовался для изучения взаимосвязи различных типов киберагрессивного поведения и социально-психологических детерминантов. Обработка результатов исследования производилась с применением программного обеспечения IBM SPSS версия 23.0 с модулем AMOS.

Выводы по итогам главы 2

Вторая глава диссертации посвящена анализу диагностического инструментария; представлены программа и методы изучения киберагрессии и социально-психологических детерминантов киберагрессии у подростков.

В соответствии с представленным в данной главе материалом можно заключить, что сформированный план эмпирического исследования отвечает поставленным целям и задачам; методики, использованные на этапе эмпирического исследования, обладают достаточной степенью надежности и валидности; для математико-статистической обработки данных используются адекватные современным требованиям методы.

ГЛАВА III. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТОВ КИБЕРАГРЕССИИ

В этой главе представлены результаты исследования социально-психологических детерминантов киберагрессии. В первой части главы изучены и проанализированы степень выраженности киберагрессии в целом и ее отдельных типов у подростков, обусловленные полом и возрастом. Также продемонстрированы результаты вовлеченности подростков в интернет-общение. В заключение приведено эмпирическое обоснование теоретической модели.

3.1. Выраженность киберагрессии и ее различных типов у подростков

В этом параграфе представлены данные о распространенности киберагрессии и ее типов у подростков.

Полученные в нашей выборке результаты свидетельствуют о том, что у подростков обнаруживается склонность к проявлению киберагрессии. Для них в несколько большей степени характерны ответные типы киберагрессии, преобладающей является произвольно-ответная киберагрессия (см. табл. 3). Таким образом, ведущим мотивом оказывается «месть». Используя возможности Интернета, подростки стремятся компенсировать негативные эмоции, полученные в процессе онлайн или офлайн-общения.

Таблица 3. Данные описательной статистики и результаты корреляционного анализа для показателей киберагрессии (по выборке в целом, n = 325)

Показатели	M	S	Me	ИО	ПО	ПИ	ИИ	СПК
Импульсивно-ответная киберагрессия	9,03	3,28	8,00	1,00	0,49**	0,49**	0,37**	0,79**
Произвольно-ответная киберагрессия	10,5	2,94	10,00		1,00	0,39**	0,45**	0,77**
Произвольно-инициативная киберагрессия	7,43	2,35	6,00			1,00	0,53**	0,75**
Импульсивно-инициативная киберагрессия	7,39	2,65	7,00				1,00	0,75**
Суммарный показатель киберагрессии	34,34	8,62	33,00					1,00

Примечание: ** – $p \leq 0,01$; ИО – импульсивно-ответная киберагрессия, ПО – произвольно-ответная киберагрессия, ПИ – произвольно-инициативная киберагрессия, ИИ – импульсивно-инициативная киберагрессия, СПК – суммарный показатель киберагрессии

В таблице 4 представлены результаты описательного анализа по выявлению особенностей проявления киберагрессии у подростков на разных возрастных этапах. На протяжении всего рассматриваемого возрастного периода подростки склонны проявлять киберагрессию. Сравнение характеристик, отражающих разные типы агрессии, указывает на то, что во всех возрастных подгруппах наблюдается небольшое преобладание произвольно-ответной киберагрессии. Однако статистически значимые различия выявлены только в показателях импульсивно-инициативной киберагрессии ($H = 0,032$ при $p < 0,05$), которая проявляется менее выражено.

Таблица 4. Данные описательной статистики для показателей киберагрессии, характеризующие подгруппы подростков с учетом возраста

Показатели	11 лет (n=54)	12 лет (n=68)	13 лет (n=69)	14 лет (n=47)	15 лет (n=44)	16 лет (n=43)	H Краскела – Уоллиса
Импульсивно-ответная киберагрессия	9,15±3,66	9,63±3,79	8,94±2,76	8,62±3,25	8,41±3,27	9,16±2,65	-
Произвольно-ответная киберагрессия	10,54±3,34	10,65±3,25	10,64±3,16	10,26±2,44	10,27±2,56	10,47±2,51	-
Произвольно-инициативная киберагрессия	7,28±2,52	7,53±2,19	7,19±2,44	7,19±2,19	7,52±2,58	7,98±2,45	-
Импульсивно-инициативная киберагрессия	6,72±2,26	7,41±2,48	7,51±2,69	6,85±2,26	7,61±3,07	8,37±2,99	0,032*
Суммарный показатель киберагрессии	33,69±9,14	35,22±8,32	34,28±9,21	32,92±7,36	33,82±9,18	35,98±8,26	-

Примечание: * – $p \leq 0,05$

Исследование описательных статистик, проведенное с учетом возрастных особенностей участников (см. табл. 4), показало, что уровни всех типов киберагрессии остаются достаточно высокими среди 12-летних подростков (за исключением импульсивно-инициативной киберагрессии, пик которой наблюдается в 13 лет). К 14 годам наблюдается значительное снижение показателей (кроме импульсивно-ответной киберагрессии, минимальные значения

которой зафиксированы в 15 лет), после чего к 16 годам они вновь возрастают. Данная динамика характерна и для общего показателя киберагрессии. Наиболее высокие значения проявлений киберагрессии в 16-летнем возрасте связаны с инициативными типами (произвольно-инициативная и импульсивно-инициативная), где основными мотивами выступают «вознаграждение» и «развлечение». В целом же суммарное проявление киберагрессии изменяется от года к году незначительно.

Согласно полученным данным, гендерные различия в проявлении склонности к киберагрессии и выраженности отдельных мотивов к ней были незначительными. Различия между группами мальчиков и девочек были выявлены в категориях «импульсивно-ответная» и «произвольно-инициативная» киберагрессии. В общем, подросткам в большей степени свойственны ответные формы киберагрессии по сравнению с инициативными, и как для мальчиков, так и для девочек характерна произвольно-ответная киберагрессия (см. табл. 5).

Таблица 5. Данные описательной статистики для показателей киберагрессии, характеризующие подгруппы подростков с учетом пола

Показатели	Мальчики (M±S) (n=169)	Девочки (M±S) (n=156)	U Манна - Уитни
Импульсивно-ответная киберагрессия	9,68±0,26	8,32±0,26	3,61***
Произвольно-ответная киберагрессия	10,29±0,23	10,77±0,24	-
Произвольно-инициативная киберагрессия	7,65±0,19	7,33±0,19	2,18*
Импульсивно-инициативная киберагрессия	7,43±0,21	7,44±0,21	-
Суммарный показатель киберагрессии	35,05±0,69	33,85±0,69	-

Примечание: * – $\leq 0,05$; *** – $\leq 0,001$

Согласно данным, приведенным в таблице 5, можно сделать вывод, что уровень импульсивно-ответной и произвольно-инициативной киберагрессии, а также общий показатель киберагрессии среди мальчиков выше, чем среди девочек. При этом девочки-подростки чаще, чем мальчики, выбирают мотив «месть» при проявлении агрессии в Интернете. Это позволяет предположить, что онлайн-агрессия у девочек имеет более осознанный и продуманный характер. Они стремятся избегать открытого демонстрирования своей агрессивной позиции, предпочитая действовать скрытно. В то же время мальчики чаще проявляют импульсивность, их поведение в Сети во многом зависит от действий собеседника

или оппонента. Таким образом, можно говорить о различиях в стратегиях киберагрессии между подростками разного пола.

В процессе двухфакторного дисперсионного анализа обнаружено, что имеется статически значимый эффект взаимодействия факторов «Пол» и «Возраст» для показателей произвольно-ответной киберагрессии ($F = 2,75$ при $p = 0,02$), произвольно-инициативной ($F = 2,6$ при $p = 0,02$) и суммарной киберагрессии ($F = 2,59$ при $p = 0,02$).

Результаты дисперсионного анализа показывают, что обобщенные тенденции в изменении склонности проявления киберагрессии в целом и ее отдельных типов в частности в период подросткового возраста схожи (рис. 3–5). Общая тенденция заключается в последовательном снижении показателей проявления киберагрессии к 13–14 годам, а затем увеличению к 15–16 годам у мальчиков, и совершенно противоположная картина наблюдается у девочек, которая выражается в постепенном увеличении показателей проявления киберагрессии к 13–14 годам, с последующим снижением или сохранением показателей к 15–16 годам (рис. 3–5).

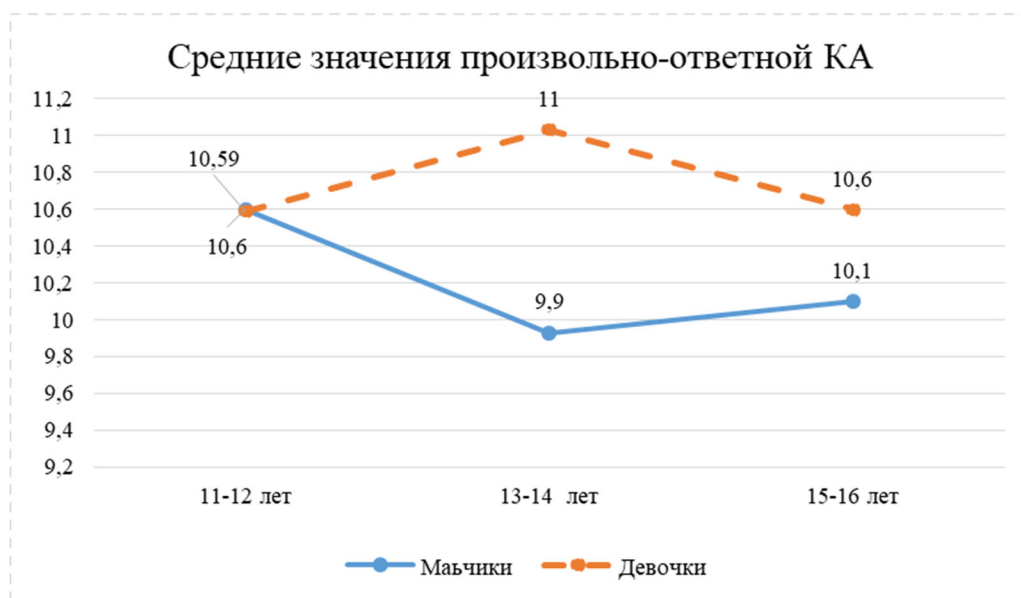

Рисунок 3. Показатели проявления произвольно-ответной киберагрессии (КА)

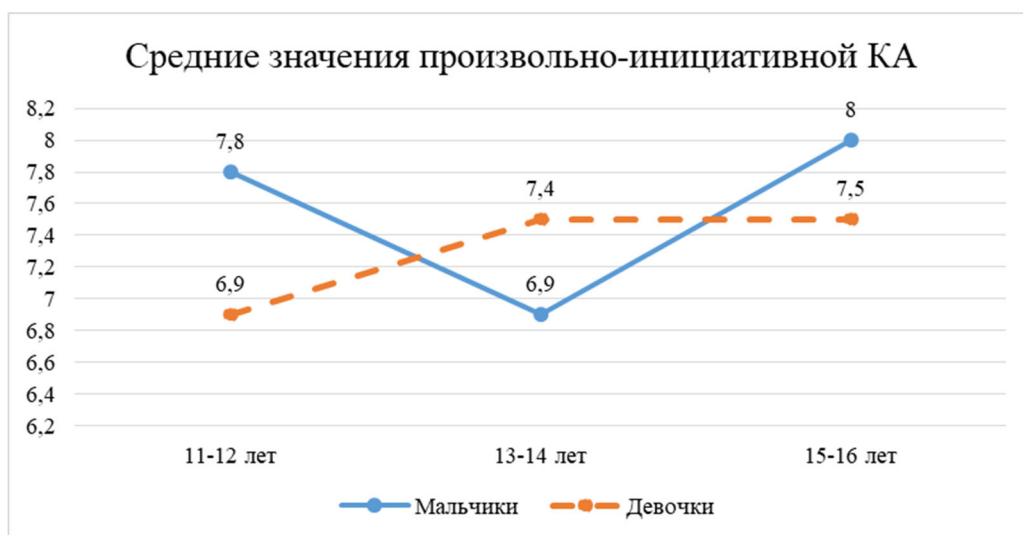

Рисунок 4. Показатели проявления произвольно-инициативной киберагрессии (КА)

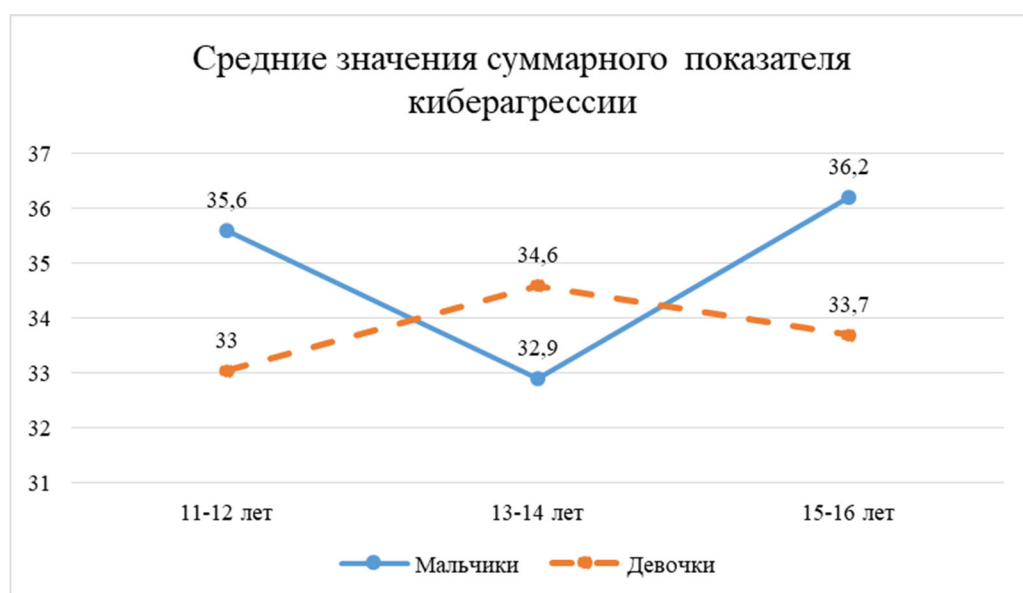

Рисунок 5. Суммарный показатель проявления киберагрессии

Таким образом, наши данные говорят о том, что подростки склонны проявлять киберагрессию в течение всего исследуемого периода. Одно из возможных объяснений состоит в том, что они могут не считать киберагрессию серьезной или «реальной», в отличие от офлайн-агрессии. Также показатели физической агрессии снижаются по мере взросления детей, альтернативой для них может стать киберагрессия. При этом онлайн-агрессия становится все более популярной, так как технологические достижения предлагают новые способы социального взаимодействия. Анонимность и отсутствие родительского контроля делают киберагрессию удобной для подростков [232].

Отмечается, что ответная киберагрессия чаще встречается в подростковом возрасте, чем ее инициативные типы. Наиболее активны в проявлении киберагрессии оказываются подростки 12 и 16 лет. На протяжении всего подросткового возраста преобладает произвольно-ответная агрессия. Эти результаты совпадают с выводами других исследователей о том, что с взрослением возрастает доля конфронтационной киберагрессии, в основе которой лежит месть обидчику. Подростки, общаясь в Сети, желают показать свою «силу», причинить вред другим пользователям, выплеснуть накопившиеся эмоции [70]. Несмотря на это, с возрастом наблюдается увеличение показателей импульсивно-инициативной киберагрессии, ориентированной на мгновенное достижение положительного эмоционального эффекта (развлечение). У подростков использование информационных технологий ассоциируется с развлечением (онлайн-игры, общение с друзьями, обмен фотографиями и т. д.) [253], они, скорее всего, будут рассматривать эту форму агрессии как еще один способ развлечения, как игру. Взрослея, подростки научаются управлять своими эмоциями, не реагировать на провокации других пользователей, впоследствии используя киберагрессию для достижения собственных целей [20]. По-видимому, киберагрессия является одним из способов общения в подростковом возрасте.

Анализ гендерных различий дал интересные результаты. Тот факт, что, согласно нашим данным, мальчики чаще, чем девочки, совершают агрессивные действия в Интернете, не совпадает с выводами большинства других ученых [235, 241]. Возможно, подростки-мальчики «обижают» друг друга для того, чтобы самоутвердиться, показать свою власть через унижение особенно в более старшем возрасте. При этом результаты исследования свидетельствуют о том, что гендерные различия проявляются в зависимости от возраста. Вероятно, это обусловлено особенностями социального развития у мальчиков и девочек. Девочки начинают осваивать интернет-коммуникации раньше, чем мальчики, которые включаются в онлайн-взаимодействие на более поздних этапах подросткового возраста [258]. Вполне вероятно, что девочки склонны к более косвенным формам агрессии, а применение информационно-коммуникационных технологий

обеспечивают идеальную среду для вовлечения в непрямые формы агрессии со стороны сверстников (например, слухи, распространяемые через социальные сети, распространение фото/видео). Возможно, участие в киберагрессии также является для девочек способом компенсировать недостаток физической силы, который может помешать им физически ответить сверстникам.

Таким образом, подростки могут использовать киберагрессию как способ общения, для привлечения внимания и развлечения, рассматривая такое поведение как нормативное.

3.2. «Цифровой опыт» подростков и его связь с киберагрессией

В этом параграфе представлены результаты анкетирования, направленного на изучения степени вовлеченности подростков в интернет-общение.

Среди опрошенных подростков использование мобильных устройств, Интернета и социальных сетей оказалось повсеместным: все 100% респондентов заявили о наличии доступа к этим технологиям. По их собственным оценкам, большинство подростков (42%) проводят в Сети от 1 до 3 часов в день. При этом лишь 29% опрошенных указали, что находятся онлайн до 8 часов в сутки (см. табл. 6). Эти данные несколько расходятся с результатами аналогичных исследований, проведенных в странах Европы и США [251].

Таблица 6. Показатели ежедневного времени, проводимого подростками онлайн (%)

Выборка	менее 1 часа	1-3 часа	4-8 часов	более 8 часов
<i>Сколько часов в день в среднем вы проводите в Интернете?</i>				
В целом по выборке (n=390)	19	42	29	10
Мальчики (n=206)	18	44	29	9
Девочки (n=184)	20	40	29	11
<i>Сколько часов вы проводите в Интернете, общаясь в социальных сетях, чатах, форумах?</i>				
В целом по выборке (n=390)	49	31	15	5
Мальчики (n=206)	57	28	11	4
Девочки (n=184)	44	33	18	5

В Интернете девочки проводят больше времени, общаясь, чем мальчики ($Z = 2,75$ при $p = 0,006$). Среди девочек чаще встречаются ответы «1–3 часа» (33%) и «4–8 часов» (18%), тогда как мальчики чаще выбирают вариант «меньше 1 часа»

(57%).

Не было обнаружено никаких значительных различий в оценке собственного опыта киберагрессии среди подростков в целом, а также в отдельно взятых группах девочек и мальчиков. Подростки отмечают, что они обычно редко проявляют агрессию по отношению к другим и зачастую не становятся жертвами киберагрессии (см. табл. 7). Эти результаты совпадают с выводами зарубежных исследователей [91].

Таблица 7. Показатели опыта киберагрессии у подростков (%)

Выборка	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Постоянно
<i>Как часто вы проявляете агрессию при общении в Интернете?</i>					
В целом по выборке (n=390)	32	49	15	2	2
Мальчики (n=206)	31	49	16	3	1
Девочки (n=184)	32	49	14	3	2
<i>Как часто при общении в Интернете агрессию в ваш адрес проявляют другие люди?</i>					
В целом по выборке (n=390)	33	41	18	6	2
Мальчики (n=206)	36	39	17	6	2
Девочки (n=184)	31	42	20	6	1

Статистически значимых различий не обнаружено. Таким образом, мы видим из представленных выше таблиц, что время, проведенное подростками в Интернете, и самооценка опыта киберагрессии не зависят от пола.

Рассмотрим аналогичные данные, полученные в разные периоды подросткового возраста (см. табл. 8–9).

Из таблицы 8 мы можем увидеть увеличение количества времени, проводимого подростками в Интернете, и потраченного на общение в социальных сетях, чатах и форумах по мере взросления. Необходимо обратить внимание на 15-летний возраст, где наблюдается незначительное, но изменение показателей. Скорее всего Интернет выступает для подростков как одна из площадок для реализации своих возрастных потребностей, в частности в общении.

Таблица 8. Показатели ежедневного времени, проводимого подростками онлайн (%) в подгруппах, выделенных на основании возраста

Выборка	менее 1 часа	1-3 часа	4-8 часов	более 8 часов
<i>Сколько часов в день в среднем вы проводите в Интернете?</i> (N = 84,94 при p = 0,001)				
10 лет (n=65)	46	37	15	2
11 лет (n=54)	35	52	10	3
12 лет (n=68)	22	52	17	9
13 лет (n=69)	9	41	37	13

14 лет (n=47)	7	33	47	13
15 лет (n=44)	5	44	32	19
16 лет (n=43)	6	34	48	12
<i>Сколько часов вы проводите в Интернете, общаясь в социальных сетях, чатах, форумах?</i> (N = 67,05 при p = 0,001)				
10 лет (n=65)	78	16	3	3
11 лет (n=54)	70	24	6	0
12 лет (n=68)	62	26	9	3
13 лет (n=69)	48	31	13	8
14 лет (n=47)	32	36	25	7
15 лет (n=44)	37	33	20	10
16 лет (n=43)	20	51	26	3

Результаты нашего исследования также показывают, что подростки на протяжении всего подросткового возраста считают киберагрессию достаточно редкой, причем наиболее интенсивное переживание киберагрессии (в качестве агрессора) регистрируется в 13- и 15-летнем возрасте, наиболее легкое – в 10 лет, в то время как наиболее интенсивное переживание агрессии (в качестве жертвы) отмечается у 14-летних, а менее интенсивное у 10- и 11-летних подростков (см. табл. 9). Значимые различия в подгруппах, выделенных по возрасту, обнаружены по всем изучаемым характеристикам ($p = 0,001$). Таким образом, цифровой опыт подростков, в том числе связанный с переживанием киберагрессии, зависит от возраста.

Таблица 9. Частотная характеристика киберагрессии (%) в подгруппах, выделенных на основании возраста

Выборка	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Постоянно
<i>Как часто вы проявляете агрессию по отношению к другим людям во время онлайн-общения?</i> (N = 40,14 при p = 0,001)					
10 лет (n=65)	52	43	5	-	-
11 лет (n=54)	41	46	6	5	2
12 лет (n=68)	36	48	12	-	4
13 лет (n=69)	20	48	26	2	4
14 лет (n=47)	14	66	18	2	-
15 лет (n=44)	14	56	27	2	2
16 лет (n=43)	40	36	15	7	2
<i>Как часто другие люди проявляют агрессию по отношению к вам во время онлайн-общения?</i> (N = 31,75 при p = 0,001)					
10 лет (n=65)	57	28	8	5	2
11 лет (n=54)	47	32	16	5	-
12 лет (n=68)	32	43	14	9	2
13 лет (n=69)	22	52	17	7	2
14 лет (n=47)	29	26	33	10	2
15 лет (n=44)	12	58	25	2	3
16 лет (n=43)	28	49	18	5	-

Результаты исследования показывают, что между показателями киберагрессии и характеристиками, описывающими цифровой опыт подростков, в совокупной выборке обнаруживаются сильные корреляционные взаимосвязи ($0,13 \leq r_s \leq 0,41$ при $p \leq 0,01$). При этом показатели, характеризующие цифровой опыт подростков, также связаны друг с другом тесными положительными связями ($0,22 \leq r_s \leq 0,66$ при $p \leq 0,01$) (см. табл. 10).

Таблица 10. Корреляционные взаимосвязи между показателями киберагрессии и показателями цифрового опыта (представлены только статистически значимые корреляции)

Параметры	1	2	3	4	Мотивы киберагрессии (r_s Спирмена)				Суммарный показатель киберагрессии
					ИО	ПО	ПИ	ИИ	
1. Время в Интернете	1,00	0,66**	0,44**	0,31**	0,26**	0,16**	0,31**	0,35**	0,31**
2. Время общения в сетях, чатах и т.д.	-	1,00	0,34**	0,22**	0,19**	0,13**	0,24**	0,27**	0,24**
3. Агрессия в адрес других пользователей	-	-	1,00	0,43**	0,40**	0,23**	0,41**	0,37**	0,43**
4. Агрессия со стороны других пользователей	-	-	-	1,00	0,18**	0,14**	0,19**	0,25**	0,23**

Примечание: ** – $p \leq 0,01$; ИО – импульсивно-ответная киберагрессия, ПО – произвольно-ответная киберагрессия, ПИ – произвольно-инициативная киберагрессия, ИИ – импульсивно-инициативная киберагрессия

Корреляционный анализ, проведенный отдельно для каждой группы, сформированной по основаниям «возраст» и «пол», позволил выделить специфические взаимосвязи между склонностью к киберагрессии и характеристиками цифрового опыта в выборках мальчиков и девочек. Произвольно-ответная киберагрессия оказалась не связана со временем, проводимым в Интернете и в социальных сетях, а также с агрессией со стороны других пользователей в группе девочек, а импульсивно-ответная киберагрессия – со временем, проводимым в социальных сетях, чатах и форумах также в группе девочек-подростков.

Корреляционный анализ зафиксировал увеличение количества взаимосвязей между показателями в выборках 10–11-летних и 13- и 15-летних подростков. В выборке 10-летних респондентов все типы киберагрессии взаимосвязаны со

временем, проводимым подростками в Интернете ($0,34 \leq r_s \leq 0,52$ при $p \leq 0,01$), у 13-летних – только с импульсивно-ответной ($r_s = 0,27$ при $p = 0,05$) и импульсивно-инициативной киберагрессией ($r_s = 0,30$ при $p = 0,05$), у 15-летних – с произвольно-инициативной ($r_s = 0,39$ при $p = 0,01$) и импульсивно-инициативной киберагрессией ($r_s = 0,27$ при $p = 0,01$). Время, проводимое в социальных сетях, чатах и форумах, связано у 10-летних подростков с импульсивно-ответной киберагрессией ($r_s = 0,31$ при $p = 0,05$) и суммарным показателем ($r_s = 0,27$ при $p = 0,05$), у 13-летних – с импульсивно-инициативной ($r_s = 0,35$ при $p = 0,01$), у 15-летних – с произвольно-инициативной ($r_s = 0,27$ при $p = 0,05$). Соответственно, склонность к проявлению киберагрессии связана с частотой проявления агрессивных действий в адрес других пользователей на протяжении всего подросткового возраста за исключением 16 лет. А вот переживание агрессии (в качестве жертвы) связано со всеми типами киберагрессии лишь в 10-летнем возрасте ($0,27 \leq r_s \leq 0,42$ при $p \leq 0,01$), в 11-летнем – исключение составляют произвольные типы киберагрессии, а в 12–13 лет корреляционные связи выявлены только с импульсивно-инициативной киберагрессией (12 лет $r_s = 0,36$ при $p = 0,01$; 13 лет $r_s = 0,32$ при $p = 0,05$) и киберагрессией в целом (12 лет $r_s = 0,28$ при $p = 0,01$; 13 лет $r_s = 0,30$ при $p = 0,05$). Таким образом, взаимосвязь склонности к киберагрессии и цифрового опыта подростков в большей степени опосредуется возрастом, чем полом.

Регрессионный анализ, осуществленный на совокупной выборке, позволил получить статистически значимую регрессионную модель как для суммарного показателя киберагрессии, так и для каждого ее типа (см. табл. 11).

Таблица 11. Результаты регрессионного анализа (зависимые переменные – показатели киберагрессии и её типов, независимые переменные – показатели цифрового опыта)

Предикторы киберагрессии	R ²	p	B	Std. Err. of B	B	t
<i>Киберагрессия (сум.)</i>						
Агрессия в адрес других пользователей	0,10	0,001	4,48	1,03	0,23	4,36
Время в Интернете			2,63	0,98	0,14	2,70
<i>Импульсивно-ответная киберагрессия</i>						
Агрессия в адрес других пользователей	0,11	0,001	1,57	0,30	0,27	5,19
Время в Интернете			0,65	0,29	0,12	3,00
<i>Произвольно-ответная киберагрессия</i>						

Агрессия в адрес других пользователей	0,02	0,003	0,73	0,24	0,14	3,00
<i>Произвольно-инициативная киберагрессия</i>						
Агрессия в адрес других пользователей	0,08	0,001	1,36	0,33	0,21	4,11
Время в Интернете			0,74	0,31	0,12	2,37
<i>Импульсивно-инициативная киберагрессия</i>						
Агрессия в адрес других пользователей	0,10	0,001	1,02	0,26	0,20	3,95
Время в Интернете			0,79	0,25	0,17	3,27

Согласно этим моделям, удалось выявить лишь два предиктора киберагрессии: количество времени, проведенного в Интернете, и проявляемая агрессия по отношению к другим пользователям. Эти данные согласуются с результатами других исследователей, которые также отметили, что время, затрачиваемое на использование Интернета, является значимым предиктором киберагрессии среди подростков [93]. Для всех типов киберагрессии значимы оба предиктора, лишь для произвольно-ответной киберагрессии один предиктор. Таким образом, киберагрессия, мотивированная «мстостью», не зависит от времени, связанного с использованием Интернета.

Результаты нашего исследования показывают, что подростки проявляют активный интерес к онлайн-взаимодействиям. Вместе с тем, свой личный опыт столкновения с интернет-агрессией они считают довольно редким. Согласно самооценкам цифрового опыта, 67% опрошенных тинейджеров стали жертвами онлайн-агрессии, в то время как 68% сами выступали в роли агрессоров. Возможно, в силу недостаточного опыта общения младшие подростки склонны рассматривать киберагрессию как нормативное поведение в Интернете. Не исключено, что подростки при помощи виртуальной сети пробуют различные модели поведения. Кроме того, частое пребывание в Сети и увеличение числа виртуальных знакомств могут сделать подростков более подверженными рискам, превращая их в объекты киберагрессии со стороны других интернет-пользователей [149]. Также по мере взросления подростков влияние родительского контроля ослабевает и большее значение приобретают сверстники [138]. Подростки могут выходить в Интернет тайно или с различных устройств, родные (родители) могут не замечать этого [92].

Что касается гендерных различий, результаты данного исследования

показывают, что лучшим предиктором киберагрессивного поведения для подростков-девочек является время, проведенное в Интернете, а для мальчиков определяющим становится частота проявления агрессии в адрес других пользователей. Эти результаты показывают, что девочки и мальчики по-разному относятся к возможностям использования Интернета и, возможно, девочки являются более осторожными пользователями Интернета, их воспитывают под более пристальным наблюдением и учат быть более сдержанными [149].

Таким образом, полученные в нашем исследовании результаты дают основания рассматривать время, связанное с использованием Интернета, в качестве устойчивого коррелята и относительно надежного предиктора киберагрессии в подростковом возрасте, что поддерживается результатами исследований других авторов [91, 93, 157].

3.3. Социально-психологические предикторы киберагрессии

В данном параграфе рассмотрены результаты исследования взаимосвязи киберагрессии и изучаемых предикторов, таких как агрессивность, эмпатия, стили поведения в конфликтной ситуации, социальный интеллект и коммуникативные характеристики.

3.3.1. Агрессивность как один из предикторов киберагрессивного поведения подростков

В рассматриваемом параграфе представлены результаты изучения взаимосвязи киберагрессии и агрессивности у подростков.

Полученные в нашей выборке результаты свидетельствуют о низком уровне проявления агрессивных и враждебных реакций по всей выборке, включая результат интегральной шкалы («агрессивность – суммарный показатель»). Наименее выражена у исследуемых подростков физическая агрессия, в большей степени – гнев и вербальная агрессия (см. табл. 12).

Таблица 12. Данные описательной статистики показателей агрессивности для подгрупп, выделенных по основаниям «возраст» и «пол»

Признаки	По всей выборке (n=325)					Возраст						Н Крас кела - Уолл нса	Пол		U Манна - Уитни
	M	S	Me	min	max	11 лет (n=54)	12 лет (n=68)	13 лет (n=69)	14 лет (n=47)	15 лет (n=44)	16 лет (n=43)		M (n=169)	Д (n=156)	
Физическая агрессия	20,29	7,34	19	9	44	20,39± 7,32	20,91± 8,1	20,52± 7,31	20,66± 6,94	18,96± 6,92	19,74± 7,18	-	22,05± 7,06	18,37± 7,17	-4,98***
Гнев	18,53	6,22	18	6	35	18,37± 5,46	19± 6,22	19,09± 6,56	17,87± 7,13	17,82± 6,38	18,52± 5,5	-	17,54± 5,92	19,6± 6,38	2,87**
Враждебность	19,29	6,2	19	8	38	20,4± 5,94	19,85± 6,52	18,9± 6,4	17,96± 6,5	18,07± 5,92	20,33± 5,36	-	18,32± 5,5	20,34± 6,74	2,49*
Вербальная агрессия	13,09	3,75	13	5	24	12,04± 2,57	13,25± 4,07	13,5± 3,78	12,79± 4,85	13,07± 3,31	13,84± 3,34	-	12,88± 3,42	13,32± 4,08	-
Агрессивность (сум.)	58,12	15,64	56	28	107	59,17± 14,54	59,77± 16,92	58,46± 16,13	56,51± 16,74	55,02± 15,56	58,58± 13	-	57,9± 14,78	58,36± 16,57	-

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$; м – мальчики, д – девочки

В группе мальчиков наиболее высокие результаты отмечаются по шкале «вербальная агрессия», а наименьшие – по шкале «враждебность». В группе девочек значения распределяются подобно общей выборке, наименее выраженным показателем является физическая агрессия, показывающая, что девочкам свойственны внутренние переживания и внешнее сокрытие чувств. При сравнении показателей по каждой шкале обнаруживается, что мальчики чаще, чем девочки, склонны проявлять физическую агрессию по отношению к окружающим, а девочки, в свою очередь, чаще испытывают чувство гнева и враждебности, а также чаще проявляют вербальную агрессию. То есть девочки контролируют эти переживания, не проявляя их во вне, а мальчики выставляют их «на показ». Это можно объяснить тем, что мальчики готовы ради своей цели или разрешения конфликта добиться результата с помощью использования физической силы против другого лица, а девочки-подростки выражают свои негативные чувства через такую форму поведения, как крик, визг или с помощью словесных ответов. Это могут быть оскорбления, проклятия или высказывание угроз в сторону другого лица.

Сравнительный анализ показателей, полученных в выборках мальчиков и девочек, выявил значимые различия по шкалам «гнев» ($Z = 2,87$ при $p \leq 0,01$), «враждебность» ($Z = 2,49$ при $p \leq 0,05$) и «физическая агрессия» ($Z = -4,98$ при $p \leq 0,001$).

Анализируя показатели агрессивности (суммарный показатель) в разные периоды подросткового возраста, можно сказать, что данные значения немного увеличиваются до 12 лет, достигая своего максимума, затем снижаются к 15 годам, а потом повышаются в 16-летнем возрасте. Такая же тенденция характерна и для физической агрессии. Показатели по шкалам «гнев» и «вербальная агрессия» увеличиваются к 13 годам, затем немного снижаются к 14–15, повышаясь к 16 годам. При этом максимальные значения для шкалы «гнев» отмечаются в 13-летнем возрасте, а вербальной агрессии в 16-летнем. Показатели враждебности снижаются к 14 годам, затем увеличиваются, достигая своего максимума в 16-летнем возрасте (см. табл. 12). Значимых различий в подгруппах, выделенных по

возрасту, не обнаружено. Таким образом, в течение подросткового периода наиболее высокие показатели агрессивности характерны для младшего и старшего подросткового возраста. Такая тенденция совпадает и с особенностями проявления киберагрессии на данном возрастном отрезке.

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о наличии значительных корреляций между показателями киберагрессии и агрессивности в общей выборке ($0,13 < r_s < 0,29$ при $p \leq 0,01$). Однако исключение составляет произвольно-ответная киберагрессия, которая не продемонстрировала явных связей с физической и вербальной агрессией (см. табл. 13). В то же время параметры агрессивности оказываются тесно взаимосвязанными, имея высокие положительные корреляции ($0,30 \leq r_s \leq 0,85$ при $p \leq 0,01$).

Таблица 13. Корреляционные взаимосвязи между показателями киберагрессии и агрессивности (представлены только статистически значимые корреляции)

Параметры	Мотивы киберагрессии (r_s Спирмена)				Суммарный показатель киберагрессии
	ИО	ПО	ПИ	ИИ	
Физическая агрессия	0,25**	-	0,18**	0,17**	0,22**
Гнев	0,15**	0,15**	0,18**	0,27**	0,22**
Враждебность	0,13*	0,17**	0,14*	0,25**	0,22**
Вербальная агрессия	0,19**	-	0,20**	0,24**	0,21**
Агрессивность (сум.)	0,23**	0,16**	0,21**	0,29**	0,28**

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; ИО – импульсивно-ответная киберагрессия, ПО – произвольно-ответная киберагрессия, ПИ – произвольно-инициативная киберагрессия, ИИ – импульсивно-инициативная киберагрессия

Корреляционный анализ, проведенный отдельно для каждой группы, сформированной по основаниям «возраст» и «пол», позволил выделить специфические взаимосвязи между склонностью к киберагрессии и агрессивностью в выборках мальчиков и девочек. Произвольно-ответная киберагрессия оказалась не связана ни с одним из показателей агрессивности в группе мальчиков, а импульсивно-инициативная киберагрессия – с физической агрессией в обеих выборках. В группе девочек отмечено большее количество взаимосвязей между типами киберагрессии и агрессивностью. Корреляционный анализ также зафиксировал увеличение количества взаимосвязей между

показателями в выборках 11–12-летних и 14–15-летних подростков. В выборке 13-летних респондентов выявлена единственная взаимосвязь между произвольно-ответной киберагрессией и гневом ($r_s = 0,25$ при $p = 0,05$), в то время как у 16-летних подростков обнаружены статистически значимые взаимосвязи между инициативными типами киберагрессии, враждебностью ($0,33 \leq r_s \leq 0,42$ при $p \leq 0,01$) и агрессивностью в целом ($r_s = 0,34$ при $p = 0,05$); суммарным показателем проявления киберагрессии и враждебностью ($r_s = 0,37$ при $p = 0,05$). Таким образом, взаимосвязь склонности к киберагрессии и агрессивности у подростков больше опосредуется полом, чем возрастом.

Анализ регрессии, выполненный на совокупной выборке, позволил разработать статистически значимую регрессионную модель как для суммарного показателя киберагрессии, так и для отдельных её типов. С целью устранения взаимозависимости между предикторами, регрессионное исследование было проведено отдельно для интегральной шкалы («агрессивность – общий показатель») и для соответствующих шкал: физическая агрессия, гнев, враждебность и вербальная агрессия (см. табл. 14). Такой подход обеспечил более точные результаты и позволил выявить специфические влияния различных форм агрессии на общий уровень киберагрессии. Эти результаты подчеркивают важность учета отдельных компонентов агрессивного поведения при анализе и оценке факторов, способствующих киберагрессии, позволяя более глубоко понять динамику и механизмы этого явления.

Таблица 14. Результаты регрессионного анализа (зависимые переменные – показатели киберагрессии и её типов, независимые переменные – показатели агрессивности)

Предикторы киберагрессии	R ²	p	B	Std. Err. of B	B	t
<i>Киберагрессия (сум.)</i>						
Физическая агрессия	0,08	0,009	0,24	0,07	0,20	3,61
Враждебность			0,21	0,08	0,15	2,64
<i>Импульсивно-ответная киберагрессия</i>						
Физическая агрессия	0,11	0,001	0,15	0,02	0,32	6,14
<i>Произвольно-ответная киберагрессия</i>						
Враждебность	0,03	0,001	0,08	0,03	0,18	3,25
<i>Произвольно-инициативная киберагрессия</i>						
Вербальная агрессия	0,04	0,001	0,12	0,03	0,19	3,56
<i>Импульсивно-инициативная киберагрессия</i>						
Гнев	0,06	0,001	0,11	0,02	0,25	4,60

Согласно проведенным исследованиям, для каждого типа киберагрессии был определен один ключевой предиктор. Однако для общего показателя киберагрессии таковыми стали физическая агрессия и враждебность. Эти данные согласуются с выводами других ученых, которые также установили, что физическая агрессия является значимым фактором, предсказывающим проявление киберагрессии среди подростков [232, 297]. Агрессивность в целом стала предиктором для всех типов проявления киберагрессии (см. табл. 15).

Таблица 15. Результаты регрессионного анализа (зависимые переменные – показатели киберагрессии и её типов, независимая переменная – агрессивность (сум.)) *

Зависимая переменная	R ²	B	Std. Err. of B	β	t
Киберагрессия (сум.)	0,086	0,16	0,03	0,29	5,52
Импульсивно-ответная киберагрессия	0,065	0,05	0,01	0,26	4,75
Произвольно-ответная киберагрессия	0,034	0,04	0,01	0,19	3,39
Произвольно-инициативная киберагрессия	0,043	0,03	0,01	0,21	3,81
Импульсивно-инициативная киберагрессия	0,062	0,04	0,01	0,25	4,62

Примечание: * – при $p = 0,001$

Исходя из этого, выдвинуто предположение, что киберагрессия может быть обусловлена различными личностными факторами, то есть подкрепляться индивидуальными особенностями личности.

Для подтверждения гипотезы о большей взаимосвязи склонности к киберагрессии и агрессивности с фактором пола был проведен регрессионный анализ отдельно в группе мальчиков и девочек. Согласно полученным данным, агрессивность, как и в общей выборке, стала предиктором для всех типов киберагрессии у обеих групп, за исключением произвольно-ответной агрессии в группе мальчиков. В группе девочек предикторы склонности к киберагрессии оказались достаточно разнообразны, а у мальчиков ими стали только физическая и вербальная агрессии (см. табл. 16).

Таблица 16. Результаты регрессионного анализа (зависимые переменные – показатели киберагрессии и её типов, независимые переменные – показатели агрессивности) в группах мальчиков и девочек

Предикторы киберагрессии	R ²	p	B	Std. Err. of B	β	t
--------------------------	----------------	---	---	----------------	---	---

Мальчики						
<i>Киберагрессия (сум.)</i>						
Физическая агрессия	0,06	0,001	0,30	0,09	0,25	3,35
<i>Импульсивно-ответная киберагрессия</i>						
Физическая агрессия	0,07	0,001	0,13	0,04	0,26	3,42
<i>Произвольно-инициативная киберагрессия</i>						
Физическая агрессия	0,06	0,002	0,08	0,03	0,24	3,19
<i>Импульсивно-инициативная киберагрессия</i>						
Вербальная агрессия	0,05	0,003	0,17	0,06	0,23	3,03
Девочки						
<i>Киберагрессия (сум.)</i>						
Гнев	0,13	0,001	0,50	0,10	0,36	4,86
<i>Импульсивно-ответная киберагрессия</i>						
Физическая агрессия	0,16	0,001	0,09	0,03	0,23	2,70
Враждебность			1,61	0,06	0,24	2,82
<i>Произвольно-ответная киберагрессия</i>						
Гнев	0,11	0,001	0,15	0,04	0,32	4,21
<i>Произвольно-инициативная киберагрессия</i>						
Вербальная агрессия	0,05	0,007	0,12	0,05	0,21	2,72
<i>Импульсивно-инициативная киберагрессия</i>						
Гнев	0,10	0,001	0,13	0,03	0,31	4,00

Таким образом, полученные в нашем исследовании результаты дают основания рассматривать агрессивность в качестве устойчивого коррелята и относительно надежного предиктора киберагрессии в подростковом возрасте, что поддерживается результатами исследований других авторов [143, 219, 232, 297]. Высокие значения показателей склонности к киберагрессии (особенно импульсивно-ответной) в некоторых случаях могут быть сопряжены с более высоким уровнем физической агрессии подростков, что свидетельствует о возможности переноса агрессивных тенденций из офлайн-взаимодействия в интернет-пространство, в котором, однако, физическое воздействие на партнера по коммуникации невозможно, в силу чего привычные способы проявления агрессии, вероятно, трансформируются [297]. Проявления произвольно-ответной киберагрессии детерминированы эмоцией гнева и враждебностью, что позволяет подросткам не реагировать импульсивно на провокации других пользователей Сети, вероятно, это связано с применением вынужденного самоконтроля и размышлениями о своих переживаниях и эмоциях [239].

Согласно полученным результатам, взаимосвязь склонности к киберагрессии и агрессивности в подростковом возрасте в большей степени опосредована фактором пола подростков, нежели фактором возраста. Киберагрессивное

поведение у девочек детерминировано разнообразными факторами, у мальчиков в большинстве случаев – физической и вербальной агрессией. В нашем исследовании не было выявлено значимых различий между выраженностью различных типов киберагрессии у подростков, разделенных на подгруппы по возрасту. В то же время зафиксирована возрастная динамика показателей склонности к киберагрессии различных типов и агрессивности подростков, которая заключается в повышении показателей в 11–12-летнем и 16-летнем возрасте, демонстрирующая схожие тенденции. На этом основании можно предполагать, что на начальных этапах подросткового возраста киберагрессия детерминирована физической и вербальной агрессией, свойственной подросткам младшего возраста. В этот период агрессия воспринимается подростками менее негативно [122, 228], они бросают вызов взрослым ролям и ценностям [218], ищут и строят свою собственную идентичность, происходит перестройка социальных отношений и изменение социального статуса. Таким образом, подростки экспериментируют с новыми формами общения, и их поведение представляет собой своего рода «социальные эксперименты», в ходе которых они «испытывают» различные способы взаимодействия с другими в Интернете, которые кажутся им более безопасными. В результате этого они могут не осознавать риски, связанные с их агрессивными действиями, которые вызваны различными мотивами и направлены на причинение вреда собеседнику в онлайн-формате. С наступлением старшего подросткового возраста ситуация начинает меняться: «социальные эксперименты» постепенно теряют свою значимость, и в процессе общения в виртуальном мире все более отчетливо начинают проявляться устойчивые личные качества подростков [17]. По результатам исследования можно отметить, что в 16-летнем возрасте преобладает вербальная агрессия и гнев, таким образом, эти подростки более склонны к негативным эмоциям по отношению к окружающим их людям, они недоверчивы и осторожны, возможно, обладают предубеждениями, что другие люди планируют нанести им вред [53, 232]. Поэтому проявления киберагрессивного поведения в данном возрасте могут быть обусловлены личностными особенностями и проблемным поведением [219]. Отметим, что эти предположения в определенной

степени согласуются с результатами наших предыдущих исследований, согласно которым киберагрессия на первых этапах подросткового возраста в значительно меньшей степени взаимосвязана с проблемным поведением, чем в выборке старших подростков [5].

Можно сделать вывод, что склонность к агрессивному поведению несовершеннолетних в сети Интернет имеет положительную связь с агрессивностью, а именно физической агрессией, гневом, враждебностью и вербальной агрессией, которые выступают предикторами различных типов киберагрессии.

3.3.2. Эмпатия как один из предикторов киберагрессивного поведения подростков

В данном параграфе представлены результаты изучения взаимосвязи киберагрессии и эмпатии у подростков.

Полученные в нашей выборке результаты, свидетельствуют о среднем уровне проявления эмпатии по всей выборке. На протяжении всего подросткового возраста показатели эмпатии находятся примерно на одинаковом уровне, лишь немного снижаясь к 13 годам (отмечены минимальные значения), постепенно повышаются к 16-летнему возрасту, где выявлен максимум. При этом данные значения достоверно выше в выборке девочек ($Z = 7,08$ при $p \leq 0,001$), девочки значительно чаще проявляют сочувствие и видят настроение другого человека. Сравнительный анализ показателей эмпатии, полученных в выборках в разные периоды подросткового возраста, также выявил значимые различия ($H = 19,26$ при $p \leq 0,01$), (см. табл. 17). Возможно, общий уровень эмпатии повышается у подростков, благодаря общению со сверстниками и новым знакомствам.

Таблица 17. Данные описательной статистики показателей эмпатии для подгрупп, выделенных по основаниям «возраст» и «пол»

Признаки	Эмпатия	
По всей выборке (n=325)	M	65,35
	S	11,12
	Me	66
	min	31
	max	93

Возраст	11 лет (n=54)	68,43±8,77
	12 лет (n=68)	63,00±11,73
	13 лет (n=69)	62,45±11,57
	14 лет (n=47)	63,72±11,60
	15 лет (n=44)	67,55±10,72
	16 лет (n=43)	69,37±9,78
H Краскела – Уоллиса		19,26**
Пол	Мальчики (n=169)	61,34±9,84
	Девочки (n=184)	69,69±10,82
U Манна – Уитни		7,08***

Примечание: ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$

Результаты исследования показывают, что между показателями киберагрессии и эмпатии в процессе анализа данных обнаруживается единственная, притом отрицательная корреляционная взаимосвязь – между показателями импульсивно-ответной агрессии и эмпатией ($r_s = -0,13$ при $p = 0,05$) (см. табл. 18).

Таблица 18. Корреляционные взаимосвязи между показателями киберагрессии и эмпатией (представлены только статистически значимые корреляции)

Параметры	Мотивы киберагрессии (r_s , Спирмена)				Суммарный показатель киберагрессии
	ИО	ПО	ПИ	ИИ	
Эмпатия	-0,13*	-	-	-	-

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ИО – импульсивно-ответная киберагрессия, ПО – произвольно-ответная киберагрессия, ПИ – произвольно-инициативная киберагрессия, ИИ – импульсивно-инициативная киберагрессия

Корреляционный анализ, проведенный отдельно для каждой группы, сформированной по основаниям «возраст» и «пол», не позволил выделить специфические взаимосвязи между склонностью к киберагрессии и эмпатией в выборках мальчиков и девочек. В выборках 11-, 13-, 14- и 16-летних респондентов таких взаимосвязей не обнаружено, в то время как в выборке 12-летних девочек обнаружена отрицательная статистически значимая взаимосвязь между импульсивно-ответной киберагрессией и эмпатией ($r_s = -0,46$ при $p = 0,05$), в выборке 15-летних девочек взаимосвязь между произвольно-ответной киберагрессией и эмпатией ($r_s = 0,41$ при $p = 0,05$) соответственно.

В результате проведения регрессионного анализа была разработана статистически значимая регрессионная модель, которая демонстрирует, что среди

подростков эмпатия выступает в качестве предиктора исключительно для импульсивно-ответной киберагрессии, объясняющей 1,3 % ее дисперсии (см. табл. 19).

Таблица 19. Результаты регрессионного анализа (зависимая переменная – импульсивно-ответная киберагрессия, независимая переменная – эмпатия)

Предикторы киберагрессии	R ²	p	B	Std. Err. of B	B	t
Эмпатия	0,01	0,044	-0,03	0,02	-0,11	-2,03

Результаты нашего исследования не позволяют считать эмпатию устойчивым коррелятом или, тем более, надежным предиктором киберагрессии среди подростков. Эти данные подтверждают информацию, которая была получена другими исследователями, о том, что между склонностью к киберагрессии и уровнем эмпатии отсутствуют прямые связи [100]. Возможно, это также связано с тем, что в данном исследовании мы рассматривали эмпатию как однофакторный конструкт, тогда как в обзорах других авторов указывалось, что именно аффективная или когнитивная эмпатия, а не общая, будет связана с киберагрессией [96, 142, 237, 301].

Обнаруженные в нашем исследовании взаимосвязи носят крайне фрагментарный характер и являются довольно слабыми. На наш взгляд, эти результаты свидетельствуют в пользу предположения о том, что киберагрессия детерминирована качественно различными мотивами и имеет вариативные связи с особенностями личности подростков. Исследования демонстрируют, что общение в Интернете существенно отличается от реального взаимодействия, в частности, тем, что пользователи склонны недооценивать моральные последствия своих действий [119]. Это, вероятно, позволяет подросткам использовать эмпатию для прогнозирования реакций жертвы, но не способствует отказу от агрессивного поведения, так как его последствия кажутся им незначительными. Вероятно, те, кто не способны к сопереживанию, не осознают психологического ущерба, наносимого их поступками. Стоит отметить, что с возрастом уровень эмпатии у подростков возрастает, и в старшем подростковом периоде она начинает выступать как

защитный фактор, снижающий склонность к киберагрессии. Таким образом, эмпатия становится важным фактором защиты, препятствующим проявлениям агрессии в онлайн-среде.

Таким образом, в нашем исследовании было показано, что склонность к киберагрессии и эмпатия не демонстрируют сильных прямолинейных взаимосвязей, которые были бы универсальными на протяжении подросткового возраста. Эмпатия становится значимым коррелятом ответных типов киберагрессии только для девочек в 12- и 15-летнем возрасте соответственно, в то время как на других этапах подросткового возраста взаимосвязи не прослеживаются.

3.3.3. Стили поведения в конфликтной ситуации как один из предикторов киберагрессивного поведения подростков

В данном параграфе представлены результаты изучения взаимосвязи киберагрессии и стилей поведения в конфликтной ситуации у подростков.

Результаты исследования показали, что подростки в конфликтной ситуации чаще выбирают компромисс, реже – соперничество. В группах девочек и мальчиков ситуации аналогичные. При этом мальчики чаще прибегают к соперничеству в конфликтной ситуации, остальные стратегии чаще используются девочками. Сравнительный анализ показателей, полученных в выборках мальчиков и девочек, выявил единственные значимые различия по признаку «соперничество» ($Z = -2,29$ при $p \leq 0,05$) (см. табл. 20).

Таблица 20. Данные описательной статистики показателей стилей поведения в конфликтной ситуации для подгрупп, выделенных по основаниям «возраст» и «ПОЛ»

Признаки		Соперничество	Сотрудничество	Компромисс	Избегание	Приспособление
По всей выборке (n=325)	М	4,57	6,0	7,0	6,2	6,25
	S	3,05	1,71	1,91	1,89	2,53
	Me	4	6	7	6	6
Возраст	11 лет (n=54)	3,91±2,85	5,83±1,91	6,76±1,82	6,17±1,65	7,26±2,31

	12 лет (n=68)	4,69±3,17	6,03±1,46	7,16±1,87	6,00±1,86	6,13±2,55
	13 лет (n=69)	4,54±3,20	5,78±1,78	7,28±1,84	6,71±2,07	5,73±2,42
	14 лет (n=47)	4,77±3,20	6,00±1,79	6,64±2,17	6,34±1,68	6,19±2,52
	15 лет (n=44)	4,84±3,04	6,07±1,70	7,02±1,87	5,82±1,97	6,32±2,50
	16 лет (n=43)	4,67±2,79	6,37±1,66	6,93±1,97	5,98±2,00	5,98±2,77
Н Краскела – Уоллиса		–	–	–	–	13,71*
Пол	М (n=169)	4,93±2,94	5,90±1,62	6,96±1,80	6,17±1,84	6,05±2,44
	Д (n=156)	4,19±3,13	6,08±1,81	7,03±2,04	6,24±1,96	6,46±2,62
U Манна - Уитни		-2,29*	–	–	–	–

Примечание: * – $p \leq 0,05$; м – мальчики, д – девочки

Анализируя полученные показатели в разные периоды подросткового возраста, можно сказать, что значения по шкалам «соперничество» и «сотрудничество» немного увеличиваются к 12 годам, затем снижаются к 13, а потом опять увеличиваются до 15-, 16-летнего возраста, достигая своего максимума. Показатели по шкале «компромисс» увеличиваются к 13 годам, достигая своего максимума, затем снижаются до минимальных значений к 14, повышаясь к 15–16 годам. Показатели по шкале «избегание» снижаются до 12 лет, потом резко увеличиваются до максимума в 13-летнем возрасте, потом постепенно снижаются к 15 годам, достигая минимума, постепенно увеличиваясь к 16-летнему возрасту. Показатели «приспособления» с максимальных значений в 11-летнем возрасте снижаются к 13 годам, достигая минимума, затем увеличиваются до 15 лет, снижаясь в 16-летнем возрасте. Значимые различия в подгруппах, выделенных по возрасту обнаружены только по шкале «приспособление» ($N = 13,71$ при $p \leq 0,05$). Мы видим, что в разные периоды подросткового возраста изменяется соотношение предпочитаемых стилей поведения в конфликтной ситуации у подростков и, следовательно, и их поведение и взаимоотношения с окружающими, также изменяются. Переломные моменты отмечаются в 12–13-летнем и 15–16-

летнем возрасте. Такая же тенденция наблюдается и у склонности к проявлению киберагрессии.

Результаты исследования показали, что между показателями киберагрессии и способами поведения в конфликтной ситуации обнаруживаются корреляционные взаимосвязи. Склонность к киберагрессии в целом и ее отдельным типами в частности у подростков связана только с соперничеством и приспособлением. Произвольно-ответный тип киберагрессии оказался не связан с изучаемыми стилями поведения в конфликте (см. табл. 21). Положительно коррелирует с мотивами киберагрессии соперничество ($0,16 \leq r_s \leq 0,22$ при $p \leq 0,01$). Отрицательная взаимосвязь выявлена между мотивами киберагрессии и приспособлением ($-0,2 \leq r_s \leq -0,12$ при $p \leq 0,01$).

Таблица 21. Корреляционные взаимосвязи между показателями киберагрессии и показателями стилей поведения в конфликтной ситуации (представлены только статистически значимые корреляции)

Параметры	Мотивы киберагрессии (r_s Спирмена)				Суммарный показатель киберагрессии
	ИО	ПО	ПИ	ИИ	
Соперничество	0,18**	-	0,22**	0,16**	0,19**
Сотрудничество	-	-	-	-	-
Компромисс	-	-	-	-	-
Избегание	-	-	-	-	-
Приспособление	-0,12*	-	-0,20**	-0,20**	-0,18**

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; ИО – импульсивно-ответная киберагрессия, ПО – произвольно-ответная киберагрессия, ПИ – произвольно-инициативная киберагрессия, ИИ – импульсивно-инициативная киберагрессия

При проведении корреляционного анализа в группах, разделенных по полу и возрасту были выявлены некоторые особенности. Корреляционные связи оказались более разнообразны в группе девочек. При этом отмечаются взаимосвязи между сотрудничеством и импульсивно-ответной ($r_s = -0,18$ при $p = 0,05$) и импульсивно-инициативной киберагрессией ($r_s = -0,17$ при $p = 0,05$), а также между произвольно-ответной киберагрессией и приспособлением ($r_s = -0,16$ при $p = 0,05$). В группе мальчиков отмечены только отрицательные взаимосвязи между инициативными типами, киберагрессией в целом и приспособлением (см. табл. 22).

Таблица 22. Корреляционные взаимосвязи между показателями киберагрессии и показателями стилей поведения в конфликтной ситуации в группах мальчиков и девочек (представлены только статистически значимые корреляции)

Параметры	Мотивы киберагрессии (r_s Спирмена)								Суммарный показатель киберагрессии	
	ИО		ПО		ПИ		ИИ			
	м	д	м	д	м	д	м	д	м	д
Соперничество	-	0,30**	-	-	-	0,27**	-	0,25**	-	0,25**
Сотрудничество	-	-0,18*	-	-	-	-	-	-0,17*	-	-
Компромисс	-		-	-	-	-	-	-	-	-
Избегание	-		-	-	-	-	-	-	-	-
Приспособление	-		-	-0,16*	-0,17*	-0,21**	-0,24**	-0,17*	-0,16*	-0,19*

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; м – мальчики, д – девочки; ИО – импульсивно-ответная киберагрессия, ПО – произвольно-ответная киберагрессия, ПИ – произвольно-инициативная киберагрессия, ИИ – импульсивно-инициативная киберагрессия

Из таблицы 23 видно, что наибольшее количество взаимосвязей у подростков между склонностью к киберагрессии и способами поведения в конфликтной ситуации отмечается в 11-,12-летнем и 15-,16-летнем возрасте. Произвольно-ответная агрессия оказалась связана только с соперничеством в 11-летнем возрасте ($r_s = 0,28$ при $p = 0,05$). Импульсивно-ответная киберагрессия связана с соперничеством и избеганием в младшем подростковом возрасте. Для инициативных типов киберагрессии отмечаются разнообразные связи на протяжении всего подросткового возраста. Суммарный показатель киберагрессии взаимосвязан с соперничеством в младшем подростковом возрасте, сотрудничеством в 16 лет и избеганием в 11 и 16 лет. Для 13-летних подростков характерна только одна отрицательная взаимосвязь между импульсивно-инициативной киберагрессией и приспособлением ($r_s = 0,25$ при $p = 0,05$), для 14-летних – между произвольно-инициативной агрессией и соперничеством ($r_s = 0,34$ при $p = 0,05$).

Таблица 23. Корреляционные взаимосвязи между показателями киберагрессии и показателями стилей поведения в конфликтной ситуации в

группах, выделенных по основанию «возраст» (представлены только статистически значимые корреляции)

Параметры	Мотивы киберагрессии (r, Спирмена)				Суммарный показатель киберагрессии
	ИО	ПО	ПИ	ИИ	
Соперничество	0,39** (11 лет) 0,34** (12 лет)	0,28* (11 лет)	0,27* (12 лет) 0,34* (14 лет) 0,34* (15 лет)	-	0,37** (11 лет) 0,28* (12 лет)
Сотрудничество	-	-	-0,39** (16 лет)	-0,38* (16 лет)	-0,31* (16 лет)
Компромисс	-	-	-0,33* (15 лет)	-	-
Избегание	-0,45** (11 лет)	-	-0,27* (12 лет)	0,30* (16 лет)	-0,42** (11 лет) 0,34* (16 лет)
Приспособление	-	-	-	-0,24* (12 лет) -0,25* (13 лет)	-

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; ИО – импульсивно-ответная киберагрессия, ПО – произвольно-ответная киберагрессия, ПИ – произвольно-инициативная киберагрессия, ИИ – импульсивно-инициативная киберагрессия

Регрессионный анализ подтвердил ранее полученные данные и позволил выявить статистически значимую модель как для суммарного показателя киберагрессии, так и для отдельных её типов, за исключением произвольно-ответной киберагрессии. Согласно результатам анализа, приспособление и компромисс оказались предикторами как для инициативных типов киберагрессии, так и для неё в целом, однако связь между этими факторами оказалась обратной. Кроме того, соперничество выступило предиктором для импульсивно-ответной киберагрессии. Из полученных данных также следует, что изучаемые предикторы не оказывают сильного влияния на склонность к проявлению киберагрессии (см. табл. 24).

Таблица 24. Результаты регрессионного анализа (зависимые переменные – показатели киберагрессии и её типов, независимые переменные – стили поведения в конфликтной ситуации)

Предикторы киберагрессии	R ²	p	B	Std. Err. of B	B	t
<i>Киберагрессия (сум.)</i>						
Приспособление	0,06	0,001	-0,76	0,19	-0,22	-4,01
Компромисс			-0,78	0,25	-0,17	-3,08
<i>Импульсивно-ответная киберагрессия</i>						
Соперничество	0,04	0,001	0,20	0,06	0,19	3,49
<i>Произвольно-инициативная киберагрессия</i>						
Приспособление	0,07	0,001	-0,22	0,05	-0,23	-4,19
Компромисс			-0,22	0,07	-0,18	-3,26
<i>Импульсивно-инициативная киберагрессия</i>						
Приспособление	0,04	0,001	-0,21	0,06	-0,19	-3,5

Компромисс			-0,17	0,08	-0,12	-2,2
------------	--	--	-------	------	-------	------

Для проверки гипотезы о связи склонности к киберагрессии и стратегий поведения в конфликтах с учетом гендерного фактора был выполнен регрессионный анализ в группах мальчиков и девочек отдельно. Результаты показали, что предикторы в обеих группах различаются: у мальчиков чаще наблюдается склонность к компромиссу, тогда как у девочек преобладает стратегия приспособления (см. табл. 25).

Таблица 25. Результаты регрессионного анализа в группах мальчиков и девочек (зависимые переменные – показатели киберагрессии и её типов, независимые переменные – стили поведения в конфликтной ситуации)

Предикторы киберагрессии	R ²	p	B	Std. Err. of B	β	t
Мальчики						
<i>Киберагрессия (сум.)</i>						
Компромисс	0,05	0,005	-1,01	0,36	-0,22	-2,86
<i>Импульсивно-ответная киберагрессия</i>						
Компромисс	0,04	0,015	-0,37	0,15	-0,19	-2,45
<i>Произвольно-инициативная киберагрессия</i>						
Компромисс	0,08	0,001	-0,32	0,10	-0,25	-3,33
Приспособление			-0,16	0,07	-0,17	-2,26
<i>Импульсивно-инициативная киберагрессия</i>						
Приспособление	0,06	0,006	-0,20	0,08	-0,19	-2,49
Компромисс			-0,25	0,11	-0,17	-2,31
Девочки						
<i>Киберагрессия (сум.)</i>						
Приспособление	0,05	0,004	-0,78	0,26	-0,23	-2,96
<i>Импульсивно-ответная киберагрессия</i>						
Соперничество	0,10	0,001	0,28	0,07	0,32	4,15
<i>Произвольно-ответная киберагрессия</i>						
Приспособление	0,03	0,037	-0,19	0,09	-0,17	-2,10
<i>Произвольно-инициативная киберагрессия</i>						
Приспособление	0,05	0,007	-0,20	0,07	-0,22	-2,76
<i>Импульсивно-инициативная киберагрессия</i>						
Приспособление	0,03	0,044	-0,17	0,08	-0,16	-2,03

Анализируя предикторы киберагрессивного поведения в группах, выделенных на основании «возраст», мы можем предположить о разнообразных мотивах данного поведения в течение подросткового возраста. В 11-летнем возрасте предиктор у импульсивно-ответной киберагрессии – соперничество, у суммарного показателя – соперничество и сотрудничество; в 12-летнем возрасте соперничество выступает предиктором у импульсивно-ответной и произвольно-

инициативной киберагрессии, а приспособление – у киберагрессии в целом. В 13-летнем возрасте предикторов данного поведения не выявлено. Компромисс стал предиктором для импульсивно-инициативной киберагрессии (14 лет) и произвольно-инициативной (15 лет). В 16-летнем возрасте выделен единственный предиктор – избегание, для инициативной киберагрессии и суммарного показателя.

Таким образом, подростку бывает нелегко выбрать подходящий для конкретной конфликтной ситуации стиль поведения, в связи с тем, что ему сложно справиться с негативными эмоциями, посмотреть на себя и участников конфликта со стороны. Не находя подходящего способа уладить спор или уверенный в своей правоте, подросток может перенести конфликт в Интернет. В виртуальной среде, окруженный многочисленной аудиторией, он чувствует себя более уверенно, «взрослым» и превосходящим других [9].

Конфликтные стили поведения оказались напрямую взаимосвязаны со склонностью к проявлению киберагрессии, а использование стратегий сотрудничества – отрицательно, что совпадает с данными других исследователей [161, 236]. Исключение составляет агрессивное поведение в Сети, мотивированное мстостью. Скорее всего, такое поведение зависит от уровня самоконтроля, а не от умения разрешать конфликтные ситуации.

Те подростки, которые стремятся сгладить разногласия, принося свои интересы в жертву, уступают ради справедливого исхода, реже проявляют киберагрессию.

Согласно полученным результатам, взаимосвязь склонности к киберагрессии и стилей поведения в конфликтной ситуации в подростковом возрасте в одинаковой степени опосредована фактором пола и возраста подростков. Киберагрессивное поведение у девочек и мальчиков детерминировано разными факторами, у девочек в большей степени это приспособление, а у мальчиков в большинстве случаев – компромисс. В нашем исследовании зафиксирована возрастная динамика показателей склонности к киберагрессии различных типов и предпочитаемых стилей поведения подростков. На этом основании можно предполагать, что на начальных этапах подросткового возраста киберагрессия

детерминирована более агрессивными стилями разрешения конфликтов. В старшем подростковом возрасте ситуация меняется, подростки чаще избегают конфликтных отношений, и во взаимодействии в интернет-пространстве проявляются устойчивые личностные особенности и проблемное поведение.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что на протяжении всего подросткового возраста обнаруживается связь между агрессивным поведением несовершеннолетних в Интернете и стилем поведения в конфликтной ситуации, но эта взаимосвязь будет отличаться у мальчиков и девочек в разные периоды подросткового возраста. Стили поведения в конфликтной ситуации могут выступать предикторами различных типов киберагрессии.

3.3.4. Социальный интеллект как один из предикторов киберагрессивного поведения у подростков

В данном параграфе представлены результаты исследования взаимосвязи киберагрессивного поведения и социального интеллекта у подростков.

В ходе проведенного нами исследования были получены следующие результаты: для исследуемой выборки характерен средний уровень развития социального интеллекта. Это говорит о том, что эти подростки в некоторой степени способны путем логических рассуждений вступать в новые социальные ситуации, понимать мотивы поведения окружающих (см. табл. 26).

Таблица 26. Данные описательной статистики показателей социального интеллекта

Признаки	По всей выборке (n=325)				
	М	S	Me	min	max
Социальное осознание	25,38	8,14	25	7	47
Социальные навыки	39,17	8,28	39	8	56
Социальный интеллект (сум.)	64,55	10,29	65	15	102

Уровень социального интеллекта по мере взросления подростков изменяется незначительно, в свою очередь мы видим из таблицы 27, что социальные навыки развиваются в течение подросткового возраста (от 38,61 до 41,93), а уровень

социального осознания, наоборот, скачкообразно, но уменьшается к 16 годам (отмечаются минимальные значения) (от 27,09 до 22,51). Эти различия фиксируются на уровне тенденций и статистически не значимы.

В группах мальчиков и девочек различия показателей социального интеллекта также не значительны и статистически не значимы. Чуть больше выражен социальный интеллект у девочек, это относится и к социальным навыкам, и социальному осознанию.

Таблица 27. Данные описательной статистики показателей социального интеллекта для групп, выделенных по основаниям «возраст» и «пол»

Признаки	Возраст						Н Крас кела - Уол лиса	Пол		U Манна - Уитни
	11 лет (n=54)	12 лет (n=68)	13 лет (n=69)	14 лет (n=47)	15 лет (n=44)	16 лет (n=43)		М (n=169)	Д (n=156)	
Социальное осознание	27,09± 9,2	25,94± 7,69	25,79± 7,86	26,04± 8,47	23,86± 8,12	22,51± 6,97	-	25,08± 7,74	25,71± 8,57	-
Социальные навыки	38,61± 8,81	38,47± 8,64	38,07± 7,45	38,98± 8,27	40,14± 8,36	41,93± 7,99	-	38,49± 8,43	39,89± 8,08	-
Социальный интеллект (сум.)	65,7± 12,5	64,41± 11,81	63,87± 9,28	65,02± 10,67	64,00± 8,72	64,44± 8,18	-	63,57± 10,73	65,6± 9,74	-

Примечание: м – мальчики, д – девочки

Исследование выявило наличие корреляций между показателями киберагрессии, социальным осознанием, социальными навыками и общим социальным интеллектом при анализе данных, собранных на совокупной выборке. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 28.

Таблица 28. Корреляционные взаимосвязи между показателями киберагрессии и показателями социального интеллекта (представлены только статистически значимые корреляции)

Параметры	Мотивы киберагрессии (r, Спирмена)				Суммарный показатель киберагрессии
	ИО	ПО	ПИ	ИИ	
Социальное осознание	0,24**	0,26**	0,15**	0,28**	0,30**
Социальные навыки	-0,12*	-	-	-	-
Социальный интеллект (сум.)	-	0,22**	0,13*	0,23**	0,22**

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; ИО – импульсивно-ответная киберагрессия, ПО – произвольно-ответная киберагрессия, ПИ – произвольно-инициативная киберагрессия, ИИ – импульсивно-инициативная киберагрессия

Корреляционный анализ показал, что склонность к киберагрессии в целом и ее отдельным формам в частности у подростков связана с различными характеристиками социального интеллекта. Положительная взаимосвязь выявлена между показателями различных типов киберагрессии, социальным интеллектом в целом ($r_s = 0,13$ при $p = 0,05$ и $0,22 < r_s < 0,23$ при $p \leq 0,01$) (исключение импульсивно-ответная киберагрессия) и социальным осознанием ($0,15 < r_s < 0,30$ при $p \leq 0,01$). По данным исследования значимая связь между социальными навыками выявлена только с импульсивно-ответной киберагрессией, при этом данная связь отрицательная ($r_s = -0,12$ при $p = 0,05$).

Корреляционный анализ, проведенный отдельно для каждой возрастной группы, позволил выделить специфические взаимосвязи между склонностью к киберагрессии и показателями социального интеллекта, однако зафиксировал снижение количества взаимосвязей между этими показателями по мере взросления подростков с последующим резким увеличением в 16-летнем возрасте. В выборке 15-летних респондентов обнаружена лишь единственная взаимосвязь между суммарным показателем социального интеллекта и импульсивно-ответной киберагрессией, причем эта связь отрицательная ($r_s = -0,37$ при $p = 0,05$), в то время как в выборке 16-летних обнаружены самые сильные статистически значимые взаимосвязи: между импульсивно-ответной киберагрессией и социальным осознанием ($r_s = 0,33$ при $p = 0,05$), произвольно-инициативной киберагрессией и социальным осознанием ($r_s = 0,35$ при $p = 0,05$), импульсивно-инициативной киберагрессией, социальным осознанием ($r_s = 0,45$ при $p = 0,01$) и социальным интеллектом в целом ($r_s = 0,55$ при $p = 0,01$), склонностью к киберагрессии в целом, социальным осознанием ($r_s = 0,43$ при $p = 0,01$) и социальным интеллектом в целом ($r_s = 0,38$ при $p = 0,05$). Произвольно-инициативная киберагрессия на протяжении всего подросткового возраста связана лишь с социальным осознанием и только в выборке 16-летних подростков. Социальные навыки показывают отрицательную

взаимосвязь с импульсивно-ответной киберагрессией и только в группе 13-летних подростков ($r_s = -0,25$ при $p = 0,05$).

Корреляционный анализ, проведенный отдельно для каждой группы, сформированной по основанию «пол», позволил выделить специфические взаимосвязи между склонностью к киберагрессии и социальным интеллектом в выборках мальчиков и девочек. Склонность к киберагрессии оказалась не связана с социальными навыками как в группе мальчиков, так и в группе девочек. Импульсивно-ответная киберагрессия связана только с социальным осознанием в обеих группах. Произвольно-инициативная киберагрессия оказалась не связана с социальным интеллектом в группе девочек (см. табл. 29).

Таблица 29. Корреляционные взаимосвязи между показателями киберагрессии и показателями социального интеллекта в группах мальчиков и девочек (представлены только статистически значимые корреляции)

Параметры	Мотивы киберагрессии (r_s Спирмена)								Суммарный показатель киберагрессии	
	ИО		ПО		ПИ		ИИ			
	м	д	м	д	м	д	м	д	м	д
Социальное осознание	0,27**	0,24**	0,25**	0,28**	0,19*	-	0,28**	0,28**	0,32**	0,29**
Социальные навыки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Социальный интеллект (сум.)	-	-	0,20**	0,24**	0,18*	-	0,23**	0,22**	0,24**	0,23**

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; м – мальчики, д – девочки; ИО – импульсивно-ответная киберагрессия, ПО – произвольно-ответная киберагрессия, ПИ – произвольно-инициативная киберагрессия, ИИ – импульсивно-инициативная киберагрессия

Проведенный регрессионный анализ на совокупной выборке дал возможность построить статистически значимую модель как для суммарного показателя киберагрессии, так и для каждого из исследуемых факторов в отдельности. Чтобы избежать взаимосвязи между переменными-предикторами, анализ был выполнен раздельно: сначала для социального интеллекта в целом, а затем для его компонентов — социального осознания и социальных навыков (см. табл. 30).

Таблица 30. Результаты регрессионного анализа (зависимые переменные –

показатели киберагрессии и её типов, независимые переменные – показатели социального интеллекта)

Предикторы киберагрессии	R ²	p	B	Std. Err. of B	β	t
<i>Киберагрессия (сум.)</i>						
Социальное осознание	0,09	0,001	0,33	0,06	0,31	5,69
Социальные навыки			0,12	0,06	0,11	2,08
<i>Импульсивно-ответная киберагрессия</i>						
Социальное осознание	0,04	0,001	0,08	0,02	0,20	3,75
<i>Произвольно-ответная киберагрессия</i>						
Социальное осознание	0,10	0,001	0,11	0,02	0,31	5,76
Социальные навыки			0,05	0,02	0,13	2,35
<i>Произвольно-инициативная киберагрессия</i>						
Социальное осознание	0,03	0,006	0,05	0,02	0,16	2,92
Социальные навыки			0,03	0,02	0,11	1,99
<i>Импульсивно-инициативная киберагрессия</i>						
Социальное осознание	0,08	0,001	0,09	0,02	0,27	4,86
Социальные навыки			0,05	0,02	0,15	2,77

Согласно данным моделям, социальное осознание стало предиктором для всех типов киберагрессии, в то время как социальные навыки – для всех типов киберагрессии за исключением импульсивно-ответной. Социальный интеллект в целом также стал предиктором для всех типов проявления киберагрессии (см. табл. 31).

Таблица 31. Результаты регрессионного анализа (зависимые переменные – показатели киберагрессии и её типов, независимая переменная – социальный интеллект (сум.)) *

Зависимая переменная	R ²	B	Std. Err. of B	β	t
Киберагрессия (сум)	0,07	0,22	0,05	0,26	4,89
Импульсивно-ответная киберагрессия	0,01	0,04	0,02	0,11	2,01
Произвольно-ответная киберагрессия	0,08	0,08	0,02	0,27	5,12
Произвольно-инициативная киберагрессия	0,03	0,04	0,01	0,17	3,15
Импульсивно-инициативная киберагрессия	0,07	0,07	0,01	0,26	4,86

Примечание: * – при p = 0,001

Анализ данных, представленных в таблицах, показывает, что рассматриваемые предикторы не оказывают существенного воздействия на склонность к киберагрессии. Наибольшую значимость в данном исследовании демонстрирует социальное осознание. Это означает, что способность подростков

оценивать потенциальные трудности в межличностных отношениях, распознавать эмоции других людей и понимать их интересы играет ключевую роль в формировании склонности к проявлению киберагрессии.

Итак, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что склонность к киберагрессии, социальный интеллект в целом и социальное осознание демонстрируют сильные прямолинейные взаимосвязи на протяжении всего подросткового периода (за исключением 15-летнего возраста). Социальные навыки показывают фрагментарную связь с киберагрессией только у 13-летних подростков. При этом независимо от возраста социальный интеллект в целом и его составляющие, такие как социальное осознание и социальные навыки, являются значимыми предикторами склонности к киберагрессии, что также подтверждается в исследованиях зарубежных авторов [236].

Анализ возрастной динамики склонности к киберагрессии в контексте социального интеллекта позволяет предположить, что младшие подростки активно экспериментируют с различными моделями поведения и взаимодействия как в реальной жизни, так и в виртуальной среде. Вероятно, они еще недостаточно осознают эмоциональное состояние окружающих, остро реагируют на провокации в интернет-общении, испытывают трудности в решении социальных задач и обладают недостаточно развитыми коммуникативными навыками, что ограничивает их способность контролировать свои эмоции и действия [101, 158]. Эти результаты подтверждаются данными наших более ранних исследований [6]. В отличие от них, старшие подростки демонстрируют более осознанный подход к онлайн-общению, лучше понимают эмоции других, способны предугадывать их поведение. Переломным этапом в этом процессе, вероятно, является 15-летний возраст.

Исследования также демонстрируют, что онлайн-общение существенно отличается от взаимодействия в реальной жизни. В виртуальной среде люди склонны недооценивать последствия своих действий, создавать и изменять свою идентичность, а также легко прерывать или завершать коммуникацию [11]. Это, вероятно, позволяет подросткам применять социальный интеллект для

прогнозирования эмоциональных реакций жертвы, но не способствует отказу от агрессивного поведения, так как его последствия кажутся незначительными. Ощущение безнаказанности и сниженной ответственности побуждает их выражаться без ограничений. Согласно данным Фонда Развития Интернет, 30 % подростков в возрасте 12–17 лет чувствуют себя в Сети более независимыми, чем в реальной жизни [62]. Таким образом, наше исследование подтверждает взаимосвязь между склонностью к киберагрессии и уровнем социального интеллекта.

Полученные в нашем исследовании результаты дают нам основание рассматривать социальное осознание, социальные навыки и социальный интеллект в качестве детерминантов киберагрессии в подростковом возрасте.

3.3.5. Коммуникативные характеристики как один из предикторов киберагрессивного поведения у подростков

В данном параграфе представлены результаты исследования взаимосвязи между склонностью к киберагрессии и коммуникативными характеристиками у подростков.

Полученные в нашей выборке результаты свидетельствуют о среднем уровне проявления коммуникативного контроля и коммуникативной импульсивности по всей выборке, из выделенных видов коммуникативной направленности преобладает альтероцентристская и конформная, менее выражена диалогическая направленность (см. табл. 32).

Таблица 32. Данные описательной статистики для показателей коммуникативных характеристик

Признаки	По всей выборке (n=325)				
	M	S	Me	min	max
Коммуникативный контроль	5,11	1,81	5	1	10
Коммуникативная импульсивность	49,05	8,42	49	26	75
Авторитарная направленность	3,42	2,28	3	0	14
Альтероцентристская направленность	4,91	3,26	4	0	14
Конформная направленность	4,72	2,26	5	0	12
Манипулятивная направленность	3,89	2,18	4	0	14

Индифферентная направленность	2,93	2,21	3	0	10
Диалогическая направленность	0,21	0,63	0	0	5

При сравнении показателей в группах, выделенных по основанию «пол», по каждой шкале обнаруживается, что девочки чаще, чем мальчики, склонны проявлять коммуникативную импульсивность в отношениях с окружающими, хотя при этом у них в большей степени развит коммуникативный контроль [141]. Видимо в этом проявляется дисгармоничность, противоречивость, характерная для подросткового возраста. Для девочек наиболее предпочитаемая направленность поведения в коммуникативной ситуации – альтероцентристская, наименее – индифферентная и диалогическая. Для мальчиков предпочитаемая направленность – конформная, наименее предпочитаемая – также индифферентная и диалогическая.

Сравнительный анализ показателей, полученных в выборках мальчиков и девочек, выявил значимые различия по шкалам «коммуникативная импульсивность» ($Z = 2,41$ при $p \leq 0,01$) и «альтероцентристская направленность» ($Z = 2,78$ при $p \leq 0,01$) (см. табл. 33).

Таблица 33. Данные описательной статистики для показателей коммуникативных характеристик для групп, выделенных по основаниям «возраст» и «пол»

Признаки	Возраст						Н Крас кела - Уолл иса	Пол		U Манна - Уитни
	11 лет (n=54)	12 лет (n=68)	13 лет (n=69)	14 лет (n=47)	15 лет (n=44)	16 лет (n=43)		М (n=169)	Д (n=156)	
Коммуникативный контроль	5,00± 1,35	5,22± 1,97	5,00± 1,64	4,64± 1,94	5,48± 1,94	5,40± 1,99	-	4,95± 1,88	5,29± 1,72	-
Коммуникативная импульсивность	49,50± 7,09	49,54± 8,95	49,16± 7,13	48,00± 10,73	48,86± 8,66	48,84± 8,29	-	47,83± 8,17	50,37± 8,52	2,41**
Авторитарная направленность	3,46± 1,88	3,41± 2,15	3,25± 2,55	3,26± 2,29	3,52± 2,22	3,72± 2,59	-	3,62± 2,37	3,19± 2,17	-
Альтероцентристская направленность	5,98± 3,78	4,99± 3,04	4,39± 3,06	5,09± 3,29	5,18± 3,29	3,81± 2,81	11,17*	4,43± 3,08	5,43± 3,38	2,78**
Конформная направленность	4,65± 2,26	5,27± 2,29	4,59± 2,14	5,26± 2,52	4,16± 1,99	4,12± 2,10	11,77*	4,95± 2,39	4,47± 2,08	-

Манипулятивная направленность	3,32± 1,82	3,60± 1,96	4,44± 2,43	3,40± 2,03	3,82± 2,18	4,81± 2,28	17,26*	3,87± 2,14	3,92± 2,23	-
Индифферентная направленность	2,32± 2,12	2,69± 2,37	3,26± 2,29	2,79± 1,79	3,14± 2,22	3,49± 2,25	11,43*	3,04± 2,13	2,81± 2,30	-
Диалогическая направленность	0,30± 0,74	0,22 0,57	0,17± 0,59	0,30± 0,86	0,23± 0,64	0,05± 0,21	-	0,18± 0,55	0,24± 0,71	-

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; м – мальчики, д – девочки

Анализируя показатели коммуникативных характеристик в разные периоды подросткового возраста, можно сказать, что данные значения немного изменяются в течение всего рассматриваемого периода. Показатели коммуникативного контроля постепенно увеличиваются до 12 лет, затем снижаются к 14 годам (отмечен минимум значений), а потом повышаются до 15–16-летнего возраста. Показатели по шкале «коммуникативная импульсивность», наоборот, снижаются по мере взросления подростков (максимум в 12 лет). При рассмотрении показателей «способы поведения в коммуникативной ситуации», мы отмечаем, что значения авторитарной, манипулятивной и индифферентной направленностей увеличиваются за период подросткового возраста, а показатели альтероцентристской и конформной направленностей уменьшаются по мере взросления. Данные по шкале «диалогическая направленность» изменяются незначительно в течение всего подросткового периода (см. табл. 33).

Значимые различия в подгруппах, выделенных по возрасту, обнаружены по показателям направленности личности в общении: «альтероцентристской» ($N = 11,17$ при $p \leq 0,05$), «конформной» ($N = 11,77$ при $p \leq 0,05$), «манипулятивной» ($N = 17,26$ при $p \leq 0,05$) и «индифферентной» ($N = 11,43$ при $p \leq 0,05$).

Результаты исследования показали, что между показателями киберагрессии, коммуникативным контролем, коммуникативной импульсивностью и коммуникативной направленностью в процессе анализа данных, полученных на совокупной выборке, обнаруживаются корреляционные взаимосвязи (см. табл. 34).

Таблица 34. Корреляционные взаимосвязи между показателями киберагрессии и показателями коммуникативных характеристик (представлены только статистически значимые корреляции)

Параметры	Мотивы киберагрессии (r_s , Спирмена)	
-----------	---	--

	ИО	ПО	ПИ	ИИ	Суммарный показатель киберагрессии
Коммуникативный контроль	-	0,13*	0,28**	0,25**	0,22**
Коммуникативная импульсивность	0,30**	0,28**	0,19**	0,34**	0,37**
Авторитарная направленность	0,22**	-	0,18**	0,16**	0,21**
Альтероцентристская направленность	-	-	-0,15**	-0,13*	-
Конформная направленность	-	-	-	-	-
Манипулятивная направленность	-	-	0,13*	0,20**	0,12*
Индифферентная направленность	-	-	-	-	-
Диалогическая направленность	-	-	0,14**	-	-

Примечания: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; ИО – импульсивно-ответная киберагрессия, ПО – произвольно-ответная киберагрессия, ПИ – произвольно-инициативная киберагрессия, ИИ – импульсивно-инициативная киберагрессия

Результаты корреляционного анализа показали, что склонность к киберагрессии в целом и ее отдельным типам в частности у подростков связана с различными коммуникативными характеристиками. Коммуникативная импульсивность связана со всеми изучаемыми типами киберагрессивного поведения ($0,19 \leq r_s \leq 0,37$ при $p \leq 0,01$). Коммуникативный контроль не связан только с импульсивно-ответной киберагрессией. Авторитарная направленность личности в общении взаимодействует со всеми типами киберагрессии кроме произвольно-ответной ($0,16 \leq r_s \leq 0,22$ при $p \leq 0,01$). При этом все перечисленные связи сильные. Отрицательные взаимосвязи выявлены только между показателями инициативной агрессии и альтероцентристской направленностью личности в общении. Более сильная положительная корреляционная связь отмечена между манипулятивной направленностью личности в общении, суммарным показателем киберагрессии ($r_s = 0,12$ при $p \leq 0,05$) и инициативными типами киберагрессии. В тоже время показатель диалогической направленности положительно коррелирует лишь с единственным типом киберагрессивного поведения – произвольно-инициативным ($r_s = 0,14$ при $p \leq 0,01$). В выборке подростков не выявлено связи между показателями киберагрессии, ее мотивами, конформной и индифферентной направленностью личности в общении.

Корреляционный анализ, выполненный для каждой группы, разделенной по критериям возраста и пола, выявил уникальные взаимосвязи между предрасположенностью к киберагрессии и особенностями коммуникации в выборках мальчиков и девочек (см. табл. 35). Корреляционные связи оказались более разнообразны в группе девочек. При этом отмечаются отрицательные взаимосвязи между конформной направленностью и импульсивно-ответной ($r_s = -0,18$ при $p = 0,05$) и произвольно-инициативной киберагрессией ($r_s = -0,18$ при $p = 0,05$), а также между импульсивно-ответной киберагрессией и индифферентной направленностью ($r_s = -0,18$ при $p = 0,05$). В группе мальчиков отмечены положительные взаимосвязи между ответными типами, киберагрессией в целом и диалогической направленностью в процессе общения.

Таблица 35. Корреляционные взаимосвязи между показателями киберагрессии и показателями коммуникативных характеристик в группах мальчиков и девочек (представлены только статистически значимые корреляции)

Параметры	Мотивы киберагрессии (r_s Спирмена)								Суммарный показатель киберагрессии	
	ИО		ПО		ПИ		ИИ			
	м	д	м	д	м	д	м	д	м	д
Коммуникативный контроль	-	-	-	0,19*	0,30**	0,28**	0,23**	0,27**	0,22**	0,24**
Коммуникативная импульсивность	0,31**	0,34**	0,17*	0,38**	-	0,30**	0,21**	0,47**	0,29**	0,47**
Авторитарная направленность	0,19*	0,22**	-	-	0,15*	0,17*	0,19*	-	0,24**	-
Альтероцентристская направленность	-	-	-	-	-	-0,17*	-	-	-	-
Конформная направленность	-	-0,18*	-	-	-	-0,18*	-	-	-	-
Манипулятивная направленность	-	-	-	-	-	0,20*	0,20*	0,21**	-	-
Индифферентная направленность	-	-0,18*	-	-	-	-	-	-	-	-
Диалогическая направленность	0,21**	-	0,18*	-	-	0,16*	-	-	0,22**	

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; м – мальчики, д – девочки; ИО – импульсивно-ответная киберагрессия, ПО – произвольно-ответная киберагрессия,

ПИ – произвольно-инициативная киберагрессия, ИИ – импульсивно-инициативная киберагрессия

Из таблицы 36 видно, что наибольшее количество взаимосвязей у подростков между склонностью к киберагрессии и коммуникативными характеристиками отмечается в 12–13-летнем возрасте. Корреляционный анализ также зафиксировал увеличение количества взаимосвязей между показателями до 14-летнего возраста, а затем резкое снижение. Произвольно-ответная киберагрессия оказалась связана только с коммуникативным контролем ($r_s = 0,24$ при $p = 0,05$) и импульсивностью ($0,34 \leq r_s \leq 0,42$ при $p \leq 0,01$). Альтероцентристская направленность в общении не связана с изучаемыми типами киберагрессии ни в одной из возрастных групп. В выборке 15-летних респондентов все выявленные взаимосвязи только с авторитарной направленностью в общении, в то время как в выборке 16-летних подростков статистически значимые взаимосвязи с индифферентной направленностью отрицательные. Диалогическая направленность в общении связана только с инициативными типами киберагрессивного поведения ($r_s = 0,31$ при $p = 0,01$ и $0,31 \leq r_s \leq 0,34$ при $p \leq 0,05$). В младшем подростковом возрасте отмечаются наиболее интенсивные взаимосвязи между коммуникативным контролем и импульсивностью, а также авторитарной направленностью и типами киберагрессии. Таким образом, взаимосвязь склонности к киберагрессии и коммуникативных характеристик у подростков в равной степени опосредуется полом и возрастом.

Таблица 36. Корреляционные взаимосвязи между показателями киберагрессии и показателями коммуникативных характеристик в группах, выделенных по основанию «возраст» (представлены только статистически значимые корреляции)

Параметры	Мотивы киберагрессии (r_s Спирмена)				Суммарный показатель киберагрессии
	ИО	ПО	ПИ	ИИ	
Коммуникативный контроль			0,33** (12 лет)	0,34** (12 лет)	0,35** (12 лет)
	0,28* (13 лет)	0,24* (12 лет)	0,34** (13 лет)	0,33** (13 лет)	0,32** (13 лет)
			0,48** (14 лет)	0,37* (16 лет)	
Коммуникативная импульсивность	0,29* (11 лет)	0,34** (12 лет)	0,25* (13 лет)	0,34* (11 лет)	0,39** (11 лет)
	0,33** (13 лет)	0,42** (13 лет)	0,45** (14 лет)	0,39** (12 лет)	0,39** (12 лет)
	0,45** (14 лет)			0,37** (13 лет)	0,41** (13 лет)

				0,47** (14 лет)	0,49** (14 лет)
Авторитарная направленность	0,29* (14 лет) 0,34* (15 лет)	-	0,41** (15 лет)	0,42** (15 лет)	0,33* (11 лет) 0,34* (15 лет)
Альтероцентристская направленность	-	-	-	-	-
Конформная направленность	-	-	-	-0,30* (11 лет)	-
Манипулятивная направленность	-			0,34* (11 лет)	0,25* (12 лет)
Индиферентная направленность	-0,32* (16 лет)			-0,31* (16 лет)	
Диалогическая направленность			0,31** (12 лет) 0,31* (14 лет)	0,34* (14 лет)	

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; ИО – импульсивно-ответная киберагрессия, ПО – произвольно-ответная киберагрессия, ПИ – произвольно-инициативная киберагрессия, ИИ – импульсивно-инициативная киберагрессия

Регрессионный анализ подтвердил ранее полученные данные и дал возможность построить статистически значимую регрессионную модель как для суммарного показателя киберагрессии, так и для отдельных её типов. Согласно результатам анализа, коммуникативная импульсивность оказалась значимым предиктором для всех типов киберагрессивного поведения, включая общий показатель. В свою очередь, коммуникативный контроль проявил себя как предиктор для инициативных типов киберагрессии и суммарного показателя. При этом не все виды направленности в процессе общения были выявлены как предикторы, лишь авторитарная, диалогическая и манипулятивная. Из полученных данных также следует, что изучаемые предикторы оказывают разную степень влияния на склонность к проявлению киберагрессии (см. табл. 37).

Таблица 37. Результаты регрессионного анализа (зависимые переменные – показатели киберагрессии и её типов, независимые переменные – показатели коммуникативных характеристик)

Предикторы киберагрессии	R ²	p	B	Std. Err. of B	B	t
<i>Киберагрессия (сум.)</i>						
Коммуникативная импульсивность	0,14	0,001	0,30	0,05	0,29	5,56
Авторитарная направленность			0,50	0,19	0,13	2,56
Коммуникативный контроль			0,51	0,25	0,12	2,23

<i>Импульсивно-ответная киберагрессия</i>						
Коммуникативная импульсивность	0,08	0,001	0,09	0,02	0,24	4,42
Авторитарная направленность			0,23	0,08	0,16	2,98
<i>Произвольно-ответная киберагрессия</i>						
Коммуникативная импульсивность	0,09	0,001	0,11	0,02	0,31	5,79
<i>Произвольно-инициативная киберагрессия</i>						
Коммуникативный контроль	0,09	0,001	0,23	0,07	0,18	3,20
Диалогическая направленность			0,51	0,20	0,14	2,54
Авторитарная направленность			0,13	0,06	0,13	2,38
Коммуникативная импульсивность			0,03	0,02	0,12	2,10
<i>Импульсивно-инициативная киберагрессия</i>						
Коммуникативная импульсивность	0,15	0,001	0,07	0,02	0,22	4,14
Коммуникативный контроль			0,31	0,08	0,21	3,92
Манипулятивная направленность			0,19	0,06	0,15	2,94

Для подтверждения гипотезы о большей взаимосвязи склонности к киберагрессии и коммуникативных характеристик с фактором пола и возраста был проведен регрессионный анализ отдельно для каждой возрастной группы и в группах мальчиков и девочек. Согласно полученным данным, коммуникативная импульсивность, как и в общей выборке, стала предиктором для всех типов киберагрессии у мальчиков и девочек, за исключением инициативных типов агрессии в группе мальчиков. В группе девочек предикторы склонности к киберагрессии оказались достаточно разнообразны, а у мальчиков ими стали только коммуникативная импульсивность и контроль (см. табл. 38).

Таблица 38. Результаты регрессионного анализа в группах мальчиков и девочек (зависимые переменные – показатели киберагрессии и её типов, независимые переменные – показатели коммуникативных характеристик)

Предикторы киберагрессии	R ²	p	B	Std. Err. of B	B	t
Мальчики						
<i>Киберагрессия (сум.)</i>						
Коммуникативная импульсивность	0,07	0,001	0,28	0,08	0,27	3,64
<i>Импульсивно-ответная киберагрессия</i>						
Коммуникативная импульсивность	0,08	0,001	0,12	0,03	0,28	3,82
<i>Произвольно-ответная киберагрессия</i>						
Коммуникативная импульсивность	0,04	0,008	0,07	0,03	0,20	2,67

<i>Произвольно-инициативная киберагрессия</i>						
Коммуникативный контроль	0,04	0,012	0,24	0,09	0,19	2,53
<i>Импульсивно-инициативная киберагрессия</i>						
Коммуникативный контроль	0,04	0,007	0,29	0,11	0,21	2,72
Девочки						
<i>Киберагрессия (сум.)</i>						
Коммуникативная импульсивность	0,21	0,001	0,39	0,08	0,37	5,00
Коммуникативный контроль			0,76	0,38	0,15	2,00
Авторитарная направленность			0,58	0,29	0,14	1,98
<i>Импульсивно-ответная киберагрессия</i>						
Коммуникативная импульсивность	0,13	0,001	0,09	0,03	0,28	3,73
Авторитарная направленность			0,28	0,09	0,22	2,89
<i>Произвольно-ответная киберагрессия</i>						
Коммуникативная импульсивность	0,16	0,001	0,14	0,03	0,39	5,32
<i>Произвольно-инициативная киберагрессия</i>						
Коммуникативная импульсивность	0,14	0,001	0,06	0,02	0,21	2,72
Коммуникативный контроль			0,26	0,11	0,19	2,43
Диалогическая направленность			0,57	0,25	0,17	2,28
Авторитарная направленность			0,16	0,08	0,15	1,98
<i>Импульсивно-инициативная киберагрессия</i>						
Коммуникативная импульсивность	0,24	0,001	0,09	0,02	0,29	3,95
Коммуникативный контроль			0,41	0,12	0,26	3,52
Манипулятивная направленность			0,20	0,09	0,17	2,29

В выборках, выделенных на основании «возраст», были выявлены своеобразные предикторы такие как: у 11-летних подростков – альтероцентристская направленность для произвольно-инициативной киберагрессии и индифферентная направленность для суммарного показателя; у 14-летних – конформная направленность для суммарного показателя киберагрессии; у 15-летних – авторитарная направленность для импульсивно-инициативной киберагрессии; в 16-летнем возрасте – индифферентная направленность для импульсивно-инициативной киберагрессии.

Таким образом, в нашем исследовании было показано, что склонность к киберагрессии и коммуникативные характеристики подростков, такие как

коммуникативный контроль, коммуникативная импульсивность и направленность личности в процессе общения, демонстрируют взаимосвязи. Полученные результаты дают основания рассматривать коммуникативные характеристики (в большей степени коммуникативную импульсивность и контроль) в качестве устойчивого коррелята и относительно надежного предиктора киберагрессии в подростковом возрасте, что поддерживается результатами исследований других авторов [93, 304].

Коммуникативная импульсивность оказалась связана со всеми типами киберагрессивного поведения. Скорее всего, это говорит о том, что импульсивные подростки могут проявлять киберагрессию при общении из-за их склонности к рискованному поведению в Интернете, а также из-за действий, совершаемых вне Сети [94].

Умение регулировать эмоции, в данном случае коммуникативный контроль, также служит важным фактором киберагрессии. Если подростки не могут использовать адаптивные формы стратегий регуляции эмоций, возрастает риск вовлечения в киберагрессивное поведение. Подросткам с низким уровнем коммуникативного контроля сложнее совершать обдуманные акты киберагрессии, получая при этом положительные эмоции.

Направленность подростков в общении сопряжена со склонностью к проявлению агрессивных действий в Сети. Авторитарная направленность связана со всеми типами киберагрессивного поведения, за исключением агрессии, спровоцированной мстостью. Возможно, таким подросткам сложно сдерживать свои эмоции, эгоцентризм, они стремятся «здесь и сейчас подавить партнера», получить необходимый результат. Подростки, которые в общении стремятся использовать партнера и сам процесс взаимодействия для достижения личных целей, часто проявляют киберагрессию спонтанно, ради шутки, развлечения или выгоды. Для них такое поведение становится формой коммуникации, способом установления контактов, маскируя при этом собственную закрытость и неискренность. При этом такие подростки реже поддаются на провокации со стороны других пользователей. Напротив, подростки, ориентирующиеся в общении на цели и потребности

партнера, значительно реже демонстрируют киберагрессивное поведение ради развлечения или личной выгоды. Однако они могут присоединяться к группам сверстников, проявляющих агрессию, чтобы завоевать их признание и уважение, даже если это противоречит их личным установкам [9].

Таким образом, полученные в нашем исследовании результаты дают основание рассматривать коммуникативные характеристики в качестве одних из предикторов киберагрессии в подростковом возрасте. Данные взаимосвязи одинаково опосредованы возрастом и полом подростков.

3.4. Социально-психологические детерминанты киберагрессии: эмпирическое обоснование теоретической модели

В данном параграфе представлено эмпирическое обоснование предложенной нами теоретической модели о взаимосвязи различных типов киберагрессивного поведения и социально-психологических детерминантов.

Несмотря на растущий общественный интерес к киберагрессии среди подростков, мало исследований посвящено выявлению ее основных предикторов. В предыдущих параграфах мы рассмотрели влияние каждого изучаемого предиктора на киберагрессию. Однако, как указывалось выше, прогностическая роль некоторых анализируемых переменных еще не совсем ясна. Один из способов пролить свет на этот вопрос – протестировать теоретическую модель, включающую все эти переменные, что позволит выявить потенциальные смешанные переменные и получить оценочные показатели, максимально точно описывающие истинную прогностическую способность каждой переменной.

Для проверки состоятельности предложенной теоретической модели (рис. 1), представленной в главе 1, использовался метод моделирования структурными уравнениями (SEM), с помощью которого был проведен анализ выделенных переменных в отношении киберагрессии. В ходе проверки было построено несколько априорных моделей отношений детерминантов киберагрессивного поведения и киберагрессии. Для подтверждения статистической значимости каждой модели использовались следующие индексы: Саторра – Бентлер (χ^2),

сравнительный индекс соответствия (CFI) и среднеквадратическая ошибка аппроксимации (RMSEA) с доверительным интервалом 90%.

При составлении модели рассматриваемые предикторы, такие как агрессивность, социальный интеллект, стили поведения в конфликтной ситуации и коммуникативные навыки, были проанализированы в соответствии со структурой используемых методик. Таким образом, агрессивность рассматривалась посредством анализа вклада показателей физической агрессии, гнева, враждебности и вербальной агрессии; стили поведения в конфликтной ситуации – соперничества, приспособления, компромисса, избегания и сотрудничества; коммуникативные навыки – коммуникативной импульсивности, коммуникативного контроля, диалогической направленности личности в общении, авторитарной направленности личности в общении, манипулятивной направленности личности в общении, конформной направленности личности в общении, альтероцентристской направленности личности в общении, индифферентной направленности личности в общении; социальный интеллект – социального осознания и социальных навыков.

Модель 1 (приложение 3) обнаружила недостаточно удовлетворительные показатели соответствия исходным данным ($\chi^2 = 595,03$, $df = 172$, $CMIN/DF = 3,46$ при $p < 0,001$, $CFI = 0,91$, $RMSEA = 0,08$). Следовательно, требовалась корректировка данной модели. Низкая статистическая значимость регрессионных коэффициентов дала основание для удаления некоторых недостоверных связей из модели 1.

После проведённой коррекции была получена модель 2 (приложение 4), которая показала удовлетворительные результаты соответствия. Основные показатели: $\chi^2 = 639,23$; $df = 259$; $CMIN/DF = 2,46$ при $p < 0,001$; $CFI = 0,91$; $RMSEA = 0,06$. После проверки статистической значимости регрессионных коэффициентов было принято решение о дальнейшей коррекции модели 2.

Далее модель пошагово модифицировалась путем удаления недостоверных связей. Процесс модификации происходил до получения приемлемых показателей индекса согласия. Итоговая модель 3 представлена на рисунке 6. Проведенный

анализ продемонстрировал эмпирическое подтверждение модели 3 ($\chi^2 = 667,32$, $df = 273$, $CMIN/DF = 2,4$ при $p < 0,001$, $CFI = 0,92$, $RMSEA = 0,06$). Значения индекса $CFI = 0,92$ подтверждает соответствие модели. Индекс $RMSEA = 0,06$ доказывает разумное соответствие модели. Соотношение хи-квадрат к числу степеней свободы в пределах 2, говорит о приемлемом согласии модели.

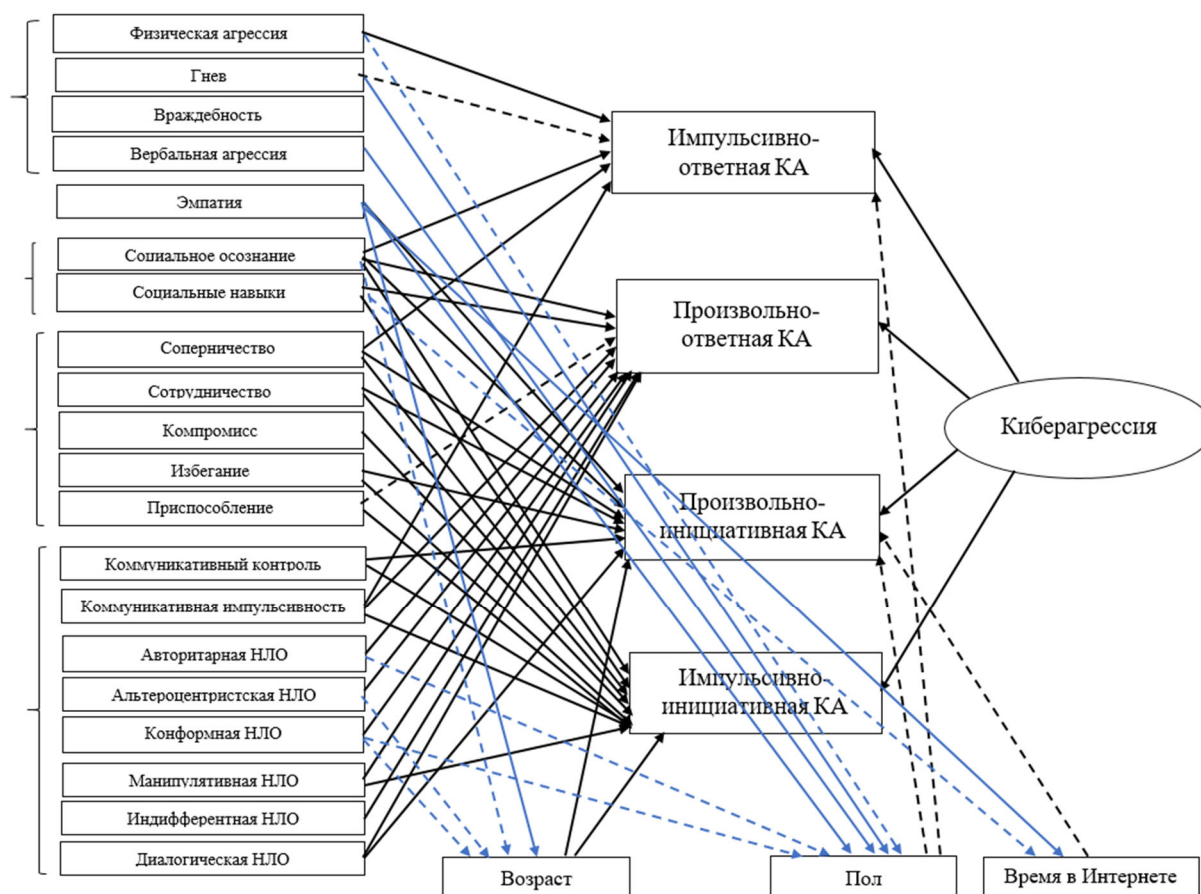

Рисунок 6. Структурная диаграмма модели 3.

Примечание: в прямоугольных контурах – явные переменные-индикаторы, в округлых контурах – латентные факторы;

- — положительные связи между детерминантами и типами киберагрессии;
- - -→ — отрицательные связи между детерминантами и типами киберагрессии;
- — положительные связи между детерминантами и факторами, определяющими специфику подростковой киберагрессии;
- - -→ — отрицательные связи между детерминантами и факторами, определяющими специфику подростковой киберагрессии.

Все регрессионные коэффициенты (см. табл. 39) в рамках данной модели 3

обладают статистической значимостью, их значения подтверждаются теоретическими ожиданиями, что свидетельствует о надежности модели. Это позволяет провести содержательную интерпретацию, опираясь на стандартизированные веса, которые указывают на направление и интенсивность воздействия одной переменной на другую. Кроме того, анализ учитывает, как наличие, так и отсутствие взаимосвязей между переменными, что подчеркивает комплексный характер модели и её способность отражать исследуемые процессы.

Таблица 39. Регрессионные коэффициенты (статистическая значимость $p \leq 0,05$)

Детерминанты	Связь с фактором	Регрессионный коэффициент
Киберагрессия	Импульсивно-ответная КА	0,62
Пол	Импульсивно-ответная КА	-0,15
Физическая агрессия	Импульсивно-ответная КА	0,22
Гнев	Импульсивно-ответная КА	-0,12
Социальное осознание	Импульсивно-ответная КА	0,14
Соперничество	Импульсивно-ответная КА	0,15
Коммуникативная импульсивность	Импульсивно-ответная КА	0,18
Киберагрессия	Произвольно-ответная КА	0,58
Социальное осознание	Произвольно-ответная КА	0,22
Социальные навыки	Произвольно-ответная КА	0,14
Приспособление	Произвольно-ответная КА	-0,11
Коммуникативная импульсивность	Произвольно-ответная КА	0,20
Авторитарная НЛЮ	Произвольно-ответная КА	0,48
Альтероцентристская НЛЮ	Произвольно-ответная КА	0,74
Конформная НЛЮ	Произвольно-ответная КА	0,53
Манипулятивная НЛЮ	Произвольно-ответная КА	0,45
Индиферентная НЛЮ	Произвольно-ответная КА	0,56
Диалогическая НЛЮ	Произвольно-ответная КА	0,16
Киберагрессия	Произвольно-инициативная КА	0,61
Пол	Произвольно-инициативная КА	-0,11

Детерминанты	Связь с фактором	Регрессионный коэффициент
Возраст	Произвольно-инициативная КА	0,10
Время в Интернете	Произвольно-инициативная КА	-0,08
Эмпатия	Произвольно-инициативная КА	0,10
Социальное осознание	Произвольно-инициативная КА	0,13
Соперничество	Произвольно-инициативная КА	0,28
Сотрудничество	Произвольно-инициативная КА	0,16
Избегание	Произвольно-инициативная КА	0,18
Коммуникативный контроль	Произвольно-инициативная КА	0,19
Диалогическая НЛО	Произвольно-инициативная КА	0,11
Киберагрессия	Импульсивно-инициативная КА	0,52
Возраст	Импульсивно-инициативная КА	0,15
Социальное осознание	Импульсивно-инициативная КА	0,21
Социальные навыки	Импульсивно-инициативная КА	0,10
Соперничество	Импульсивно-инициативная КА	1,26
Сотрудничество	Импульсивно-инициативная КА	0,63
Компромисс	Импульсивно-инициативная КА	0,68
Избегание	Импульсивно-инициативная КА	0,82
Приспособление	Импульсивно-инициативная КА	0,86
Коммуникативный контроль	Импульсивно-инициативная КА	0,19
Коммуникативная импульсивность	Импульсивно-инициативная КА	0,11
Манипулятивная НЛО	Импульсивно-инициативная КА	0,09

Примечание: КА – киберагрессия; НЛО – направленность личности в общении

Согласно полученной модели, импульсивно-ответная киберагрессия оказалась взаимосвязана с физической агрессией, гневом, социальным осознанием, соперничеством и коммуникативной импульсивностью, при этом более высокие показатели гнева предсказывают более низкую вовлеченность в киберагрессивное поведение. Скорее всего, таким подросткам сложно справиться с агрессивными тенденциями, возникающими в процессе взаимодействия с окружающими, со

стремлением «быть впереди», «быть лучшим», «быть первым», и эти тенденции трансформируются в другие новые формы проявления агрессии, а именно, в киберагрессию. Неоднозначность поведения в Интернете, склонность приписывать враждебные намерения другим социальным агентам, сложности в процессе реального общения с окружающими, желание удовлетворить собственные потребности могут привести к проявлению импульсивно-ответной киберагрессии. Использование смайликов, предназначенных для понимания смысла сообщения, может увеличить риск враждебных интерпретаций и мотивировать ответную киберагрессию. При этом у данных подростков гнев оказывает совершенно противоположное влияние на поведение. Скорее всего, подростки еще не научились управлять своим гневом, они подавляют его или пресекают как запрещенную эмоцию со стороны взрослых, а это приводит к пассивно-агрессивным выражениям агрессии, отсроченным и разрушительным. Эти эмоции не проявляются «здесь и сейчас», подросток может перенести свои эмоции гнева позже в ночное или вечернее время в онлайн-общение, возможно, поэтому мы видим отрицательное отношение гнева и импульсивно-ответного киберагрессивного поведения. Таким образом, киберагрессивное поведение подростков как ответная реакция на провокации других пользователей, мотивированное «яростью», в большинстве случаев может быть сопряжено с повышенной импульсивностью и высоким уровнем физической агрессии подростков, повышенной чувствительностью и восприимчивостью в данном возрасте к происходящим социальным ситуациям, со стремлением удовлетворить свои интересы в конкретной эмоциональной ситуации. Нужно отметить, однако, что вклад физической агрессии в показатель импульсивно-ответной киберагрессии опосредован полом и более выражен в выборке мальчиков, в сравнении с девочками.

Произвольно-ответная киберагрессия положительно связана с социальным интеллектом (социальным осознанием и социальными навыками) и коммуникативными характеристиками, такими как коммуникативная импульсивность, авторитарная направленность в общении, альтероцентристская,

конформная, манипулятивная, индифферентная и диалогическая направленность в процессе общения, отрицательно – с приспособлением как стилем поведения в конфликтной ситуации. Данный тип киберагрессии не зависит ни от возраста, ни от пола испытуемых, ни от времени, проведенном в Интернете. Таким образом, из полученных данных мы видим, что киберагрессивное поведение подростков, желающих отомстить обидчику по интернет-коммуникациям, в большей степени опосредуется коммуникативными характеристиками. По результатам исследований мы можем сделать выводы, что авторитарные, эгоистичные подростки, склонные использовать партнера по коммуникациям для достижения своих целей, и противоположно направленные в процессе общения подростки: стремящиеся к пониманию, готовые подстраиваться и подчиняться, в равной степени склонны к проявлению произвольно-ответной киберагрессии. Ведущей мотивацией является желание отомстить, при этом более «слабые» готовы подчиниться или присоединиться к группе-агрессоров, чтобы быть принятыми, повысить свою самооценку, статус в группе, заслужить уважение других, и, наоборот, ориентирующиеся на себя подростки, совершают акты киберагрессии для достижения собственных целей. Смещение дискуссии во времени при онлайн-общении позволяет подросткам обдумать свой ответ, даёт определенные возможности для мстительной агрессии, предоставляя шанс выработать агрессивный ответ. Социальный интеллект также способствует произвольно-ответной киберагрессии, что позволяет подросткам лучше понимать партнера по коммуникациям, обдуманно подходить к процессу онлайн-общения, прогнозировать поведение оппонента. Важно также отметить, что данные подростки не готовы приспособливаться и приносить в жертву свои интересы.

Произвольно-инициативная киберагрессия взаимосвязана с эмпатией, социальным осознанием, соперничеством, сотрудничеством, избеганием, коммуникативным контролем и диалогической направленностью в процессе общения, при этом все связи положительные. Их взаимосвязи опосредованы возрастом, полом и временем, проведенным в Интернете. Таким образом, произвольно-инициативная киберагрессия, направленная на получение

вознаграждения в долгосрочной перспективе от агрессивных действий в адрес партнера по коммуникации, сопряжена с повышенным самоконтролем у подростков, с осознанием социальной ситуации и умением прогнозировать последствия социального взаимодействия. Способность подростков распознавать и понимать эмоции окружающих, вероятно, помогает правильно спланировать акты киберагрессивного поведения для достижения нужного результата. Подростки оправдывают свое агрессивное поведение, порой не придают значимости последствиям совершенных агрессивных действий. Такому типу киберагрессивного поведения очень способствуют особенности онлайн-коммуникаций: анонимность, отсутствие контакта «лицом к лицу», недостаток социальных сигналов, как вербальных, так и паралингвистических. Проявление произвольно-инициативной киберагрессии будет увеличиваться по мере взросления. Также можно отметить, что у девочек влияние данных социально-психологических характеристик будет сильнее, чем у мальчиков. И в противовес нашей гипотезе о времени, проведенном в Интернете, полученные результаты говорят о том, что, проявление произвольно-инициативной киберагрессии не зависит от «сидения» в Интернете, скорее всего подросткам достаточно небольшого количества времени для того, чтобы совершить задуманные действия.

В свою очередь, в импульсивно-инициативную киберагрессию вносят вклад социальный интеллект (социальное осознание и социальные навыки), все изучаемые стили поведения в конфликтной ситуации, коммуникативный контроль и коммуникативная импульсивность, а также манипулятивная направленность в процессе общения. Можно отметить, что данные связи одни из самых сильных. Опираясь на результаты наших исследований, можно говорить о том, что подросткам с более развитым социальным интеллектом, более осознано подходящим к процессу онлайн-общения, понимающим эмоциональное состояние окружающих, умеющим прогнозировать поведение оппонента, импульсивно-инициативная киберагрессия, направленная на получение положительных эмоций от совершаемых агрессивных действий «здесь и сейчас» ради шутки и развлечений, более свойственна. Подростки чувствительные к наградам, социальной

информации и вознаграждению всё чаще поддаются влиянию сверстников, что может способствовать опрометчивому, импульсивному принятию решения об агрессии «ради шутки», «за компанию». По результатам исследования подростки, использующие агрессивные стратегии поведения в конфликтных социальных ситуациях, чаще склонны проявлять киберагрессию. Соперничая за внимание сверстников и социальный статус, подростки «ради шутки» готовы обидеть собеседника. Скорее всего, дети не задумываются о последствиях своих действий, не понимают какой вред могут нанести собеседнику, воспринимают такое поведение нормативным. У подростков, склонных к социальному манипулированию в процессе общения, киберагрессия как способ развлечения является достаточно распространенной моделью поведения.

Что касается социально-демографических переменных, результаты показывают, что возраст положительно связан с произвольно-инициативной и импульсивно-инициативной киберагрессией, чем старше подросток, тем сильнее проявляются инициативные типы киберагрессивного поведения. Однако полученные данные указывают на то, что возраст взаимосвязан лишь с некоторыми рассматриваемыми детерминантами киберагрессивного поведения у подростков, а именно с эмпатией, социальным осознанием, альтероцентристской и конформной направленностью в процессе общения, и лишь с эмпатией эта связь положительная. Таким образом, по мере взросления подростков влияние эмпатии на киберагрессивное поведение усиливается, тогда как у младших подростков непонимание эмоционального состояния окружающих, резкие реакции на провокации, не умение решать социальные задачи в процессе общения, возможно, неуместное, излишнее желание угодить партнеру по общению, подстроится под него, способствуют киберагрессивному поведению. Из анализируемых переменных «пол» имеет отрицательную корреляцию с импульсивно-ответной и произвольно-инициативной киберагрессией; это говорит о том, что у девочек чаще проявляются данные типы киберагрессивного поведения. При этом «пол» положительно взаимосвязан с гневом, вербальной агрессией, эмпатией и отрицательно – с авторитарной и конформной направленностью в процессе

общения и физической агрессией. В отношении переменных, связанных с использованием Интернета, ожидалось, что те подростки, которые больше времени используют социальные сети, мгновенные сообщения и Интернет для деятельности, не связанной со школьными заданиями, в большей степени будут проявлять киберагрессию по отношению к окружающим. Однако, в соответствие с полученными результатами, время использования Интернета оказалось значимо взаимосвязано лишь с произвольно-инициативной киберагрессией при этом эта связь отрицательная. Из числа изучаемых детерминантов время, проведённое в Интернете, взаимодействует положительно с эмпатией, отрицательно – с социальными навыками.

Таким образом, данное исследование было направлено на то, чтобы понять совокупное влияние рассматриваемых предикторов (агрессивности, эмпатии, социальных навыков, стратегий поведения в конфликтной ситуации, коммуникативных характеристик, возраста, пола и времени, проведенного в Интернете) на киберагрессивное поведение подростков. Полученные результаты доказывают, что выделенные детерминанты (за исключением враждебности) напрямую или опосредованно оказывают влияние на киберагрессивное поведение подростков. Наибольшее влияние на киберагрессию оказывают стили поведения в конфликтной ситуации, особенно в отношении импульсивно-инициативной агрессии, мотивированной желанием отдохнуть и развлечься.

Выводы по итогам главы 3

В третьей главе диссертационного исследования мы изучили проявление киберагрессии и её типов у подростков, а также детерминанты киберагрессивного поведения.

На основании материалов, изложенных в данной главе, мы можем сделать ряд выводов.

Во-первых, в подростковом возрасте наблюдается активное проявление киберагрессии, которая становится распространенным явлением как среди девочек, так и среди мальчиков. Особенно часто подростки проявляют ответную киберагрессию, а именно произвольно-ответную агрессию, которая обусловлена стремлением отомстить своим обидчикам. Этот тип агрессивного поведения особенно характерен для данной возрастной группы и активно проявляется в онлайн-среде. При этом по мере взросления подростки чаще используют киберагрессию как способ развлечения (отмечается увеличение показателей импульсивно-инициативной агрессии). Мальчики чаще, чем девочки совершают агрессивные действия в интернет-пространстве, хотя девочки раньше вовлекаются в интернет-взаимодействие.

Во-вторых, полученные данные свидетельствуют о том, что подростки имеют доступ к интернет-ресурсам, но проводят в Сети небольшое количество времени. Девочки чаще, чем мальчики, используют Интернет для общения. По мере взросления также отмечается увеличение времени на использование Интернета и социальных сетей. Подростки сталкиваются с агрессивной коммуникацией в Сети. Время, проведенное в Интернете, и агрессия, проявляемая в адрес других пользователей, являются значимыми предикторами киберагрессивного поведения у подростков, за исключением киберагрессии мотивированной «мстью». Прямая связь между временем, проведенным в Сети, и типами проявляемой и получаемой агрессии подтверждает опасность феномена киберагрессии, несмотря на то, что сами подростки считают киберагрессию достаточно редкой, причем наиболее интенсивное переживание киберагрессии (как

в качестве агрессора, так и жертвы) регистрируется у подростков в 13–15-летнем возрасте, наименьшее – у младших подростков.

В-третьих, физическая агрессия и агрессивность в целом явились значимыми предикторами для киберагрессивного поведения у подростков. Произвольно-ответная киберагрессия оказалась в большей степени детерминирована «гневом» и «враждебностью». Взаимосвязь склонности к киберагрессивному поведению и агрессивности в большей степени детерминирована фактором «пола», а не «возраста». Киберагрессивное поведение у девочек обусловлено разнообразными факторами, у мальчиков в большинстве случаев – физической и вербальной агрессией. Таким образом, агрессивность, а именно физическая агрессия, гнев, враждебность и вербальная агрессия выступают предикторами различных типов киберагрессии у подростков.

Результаты исследования также показывают, что эмпатия взаимосвязана с киберагрессией у подростков, причем отрицательно, с импульсивно-ответной киберагрессией, но эти взаимосвязи фрагментарные. Специфических взаимосвязей между киберагрессией и эмпатией в группах мальчиков и девочек не выявлено. Эмпатия оказалась предиктором только для импульсивно-ответной киберагрессии.

Стили поведения в конфликтной ситуации оказались взаимосвязаны со склонностью к киберагрессивному поведению, при этом конфликтные стили поведения взаимосвязаны положительно, а сотрудничество – отрицательно. Киберагрессивное поведение у девочек и мальчиков детерминировано разными факторами, у девочек чаще это приспособление, а у мальчиков – компромисс. В нашем исследовании зафиксирована возрастная динамика показателей склонности к киберагрессии различных типов и предпочитаемых стилей поведения в конфликтной ситуации у подростков. Таким образом, на начальных этапах подросткового возраста киберагрессия соотносится с более агрессивными стилями разрешения конфликтов, в старшем подростковом возрасте ситуация меняется. Стили разрешения конфликтов являются предикторами киберагрессивного поведения.

Склонность к киберагрессии, общий социальный интеллект и социальное

осознание тесно связаны на протяжении подросткового возраста (за исключением 15 лет). Социальные навыки демонстрируют корреляцию с киберагрессией лишь у 13-летних подростков, причем эта связь носит отрицательный характер. В то же время, независимо от возраста, общий социальный интеллект и его компоненты, такие как социальное осознание и социальные навыки, выступают значимыми предикторами склонности к киберагрессии.

Коммуникативные характеристики, такие как коммуникативный контроль, коммуникативная импульсивность и направленность личности в процессе общения, являются предикторами киберагрессивного поведения подростков. Взаимосвязь киберагрессии и коммуникативных характеристик в равной степени опосредована возрастом и полом. Коммуникативная импульсивность связана со всеми типами киберагрессивного поведения подростков. Низкий уровень коммуникативного контроля способствует вовлечению в киберагрессию. Авторитарная направленность личности в общении содействует проявлению киберагрессивного поведения, за исключением произвольно-ответной киберагрессии. Диалогическая направленность связана с произвольно-инициативной киберагрессией, а манипулятивная – с импульсивно-инициативной.

В заключение было проведено эмпирическое обоснование теоретической модели. В ходе которого было доказано, что всё выделенные детерминанты, за исключением враждебности, оказывают влияние на киберагрессивное поведение подростков. Наибольшее влияние на склонность к киберагрессии оказывают стили поведения в конфликтной ситуации. Социально-демографические переменные также взаимосвязаны с киберагрессивным поведением и рассматриваемыми детерминантами. Чем старше ребенок, тем сильнее проявляются инициативные типы киберагрессии, и, кроме того, показатели возраста опосредуют вклад в киберагрессию эмпатии, социального интеллекта и связанных с ними альтероцентристской и конформной направленности в общении. Относительно фактора «пол» можно сказать, что девочки чаще проявляют импульсивно-ответную и произвольно-инициативную киберагрессию, при этом фактор пола опосредует вклад в киберагрессию показателей агрессивности и эмпатии, а также показателей

авторитарной и конформной направленности личности в общении. В отношении переменных, связанных с использованием Интернета, можно утверждать, что подросткам достаточно небольшого количества времени для того, чтобы совершить задуманные агрессивные действия в Интернете, при этом они опосредуют вклад в показатели киберагрессии социального интеллекта и эмпатии.

Итоговые выводы

Таким образом, из результатов проведенного нами исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Проанализированы основные подходы к изучению феномена киберагрессии. Сформулировано определение киберагрессии как деструктивные действия, направленные на причинение вреда другим пользователям сети Интернет, осуществляемые с помощью электронно-коммуникативных устройств. Выделены основные особенности киберагрессии, такие как анонимность и дистанцированность агрессора, «виртуальная бездушность», независимость от времени и места, возможность проявления агрессии в течение 24 часов, возможность повторного использования источника угрозы, незаметность для окружающих, безнаказанность.

2. На основе анализа литературных источников разработана теоретическая модель социально-психологических детерминантов киберагрессии. В качестве социально-психологических детерминантов киберагрессивного поведения подростков были выделены агрессивность, эмпатия, стили поведения в конфликтной ситуации, коммуникативные характеристики, социальный интеллект. Также было сформулировано предположение о том, что пол, возраст и цифровой опыт являются модераторами взаимосвязей между данными факторами и подростковой киберагрессией.

3. В соответствие с теоретической моделью в исследовании применялись методы, направленные на оценку киберагрессии, а также социально-психологических детерминантов, характеризующих агрессивность, эмпатию, стили поведения в конфликтной ситуации, коммуникативные характеристики и социальный интеллект.

4. В ходе исследования была проведена адаптация на русском языке методики «Типология киберагрессии» (“Cyber-aggression typology questionnaire”) К.С. Runions. Данный опросник позволяет дифференцированно оценивать различные типы киберагрессии, такие как импульсивно-ответная киберагрессия («ярость»), произвольно-ответная киберагрессия («мечь»), произвольно-

инициативная киберагрессия («вознаграждение»), импульсивно-инициативная киберагрессия («развлечение»). Получены следующие психометрические характеристики опросника: $\chi^2 = 543,25$, $df = 218$, $CMIN/DF = 2,49$ при $p < 0,001$, $CFI = 0,951$, $RMSEA = 0,059$. Таким образом, опросник «Типология киберагрессии» в достаточной степени надежен для того, чтобы использовать его для изучения киберагрессии у российских подростков.

5. По результатам исследования показано, что подростки склонны проявлять киберагрессию на протяжении всего подросткового возраста. Свой опыт онлайн-агрессии они оценивают, как достаточно редкий. Наиболее активны в проявлении киберагрессии подростки 12 и 16 лет. Преобладающим типом киберагрессии на протяжении подросткового возраста является произвольно-ответная киберагрессия, по мере взросления наблюдается увеличение показателей импульсивно-инициативной киберагрессии. Мальчики совершают агрессивные действия в Интернете чаще, чем девочки. Предиктором киберагрессивного поведения для подростков-мальчиков является частота проявления агрессии в адрес других пользователей ($R^2 = 0,14$, $\beta = 0,37$), а для девочек – время, проведенное в Интернете ($R^2 = 0,06$, $\beta = 0,15$).

6. В исследовании также было установлено, что все выделенные предикторы по-разному соотносятся с киберагрессией у подростков. Агрессивность является устойчивым коррелятом и относительно надежным предиктором киберагрессии в подростковом возрасте ($R^2 = 0,09$, $\beta = 0,29$) и в большей степени опосредована фактором пола подростков. Высокие значения показателей импульсивно-ответной киберагрессии сопряжены с более высоким уровнем физической агрессии подростков ($R^2 = 0,11$, $\beta = 0,32$). Проявления произвольно-ответной киберагрессии детерминированы враждебностью ($R^2 = 0,03$, $\beta = 0,18$). Стили поведения в конфликтной ситуации взаимосвязаны с различными типами киберагрессии, эта взаимосвязь отличается в разные периоды подросткового возраста у мальчиков и девочек. Конфликтные стили поведения положительно взаимосвязаны со склонностью к проявлению киберагрессии ($0,16 \leq r_s \leq 0,22$ при $p = 0,01$), а использование стратегий сотрудничества – отрицательно ($-0,2 \leq r_s \leq -0,12$ при $p =$

0,01). Склонность к киберагрессии, социальный интеллект в целом ($r_s = 0,22$ при $p = 0,01$) и социальное осознание ($r_s = 0,30$ при $p = 0,01$) демонстрируют взаимосвязи на протяжении всего подросткового периода (за исключением 15-летнего возраста). Социальные навыки показывают связь с киберагрессией только у 13-летних подростков ($r_s = -0,25$ при $p = 0,05$). Также было показано, что склонность к киберагрессии и коммуникативные характеристики подростков, такие как коммуникативный контроль ($r_s = 0,22$ при $p = 0,01$), коммуникативная импульсивность ($r_s = 0,37$ при $p = 0,01$) и направленность личности в процессе общения, демонстрируют взаимосвязи, данные взаимосвязи одинаково опосредованы возрастом и полом подростков. Склонность к киберагрессии и эмпатия не демонстрируют сильных прямолинейных связей, но эмпатия становится значимым коррелятом ответных типов киберагрессии только для девочек в 12-летнем ($r_s = -0,46$ при $p = 0,05$) и 15-летнем возрасте ($r_s = 0,41$ при $p = 0,05$).

7. Взаимосвязь между социально-психологическими детерминантами и киберагрессией у подростков опосредована полом и возрастом подростков, а также показателем времени, проводимым подростком в Интернете. Вклад в киберагрессию у подростков гнева, вербальной агрессии и эмпатии опосредован полом и в большей степени характерен для мальчиков, а вклад физической агрессии, авторитарной и конформной направленности в общении в большей степени значим для девочек. Возраст опосредует вклад в киберагрессию эмпатии (более значим у старших подростков), социального осознания, альтероцентристской и конформной направленности в общении (в большей степени значим у младших подростков). Помимо этого, вклад эмпатии и социальных навыков в киберагрессию опосредован временем, проводимым подростками в Интернете (с увеличением этого показателя усиливается вклад эмпатии и снижается вклад социальных навыков).

По результатам исследования уточнена модель социально-психологических детерминантов киберагрессии у подростков (см. рис. 7).

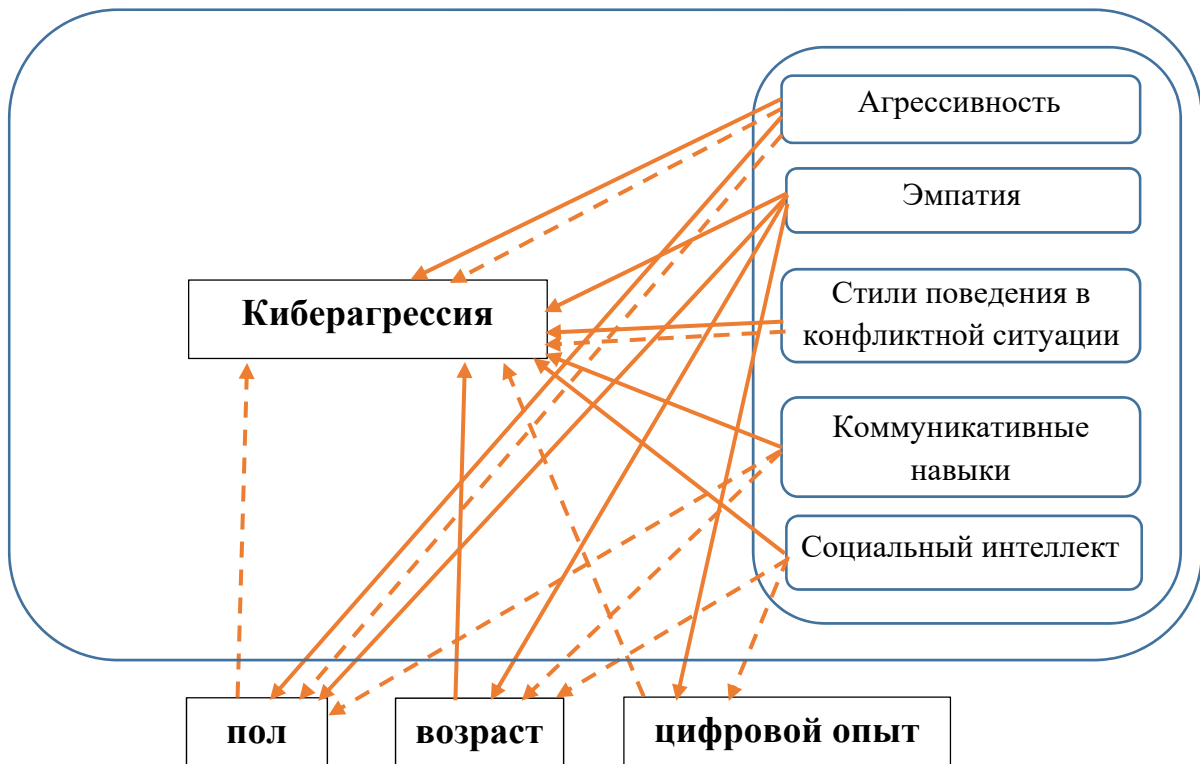

Рисунок 7. Модель социально-психологических детерминантов киберагрессии у подростков

- > — положительные связи;
- -> — отрицательные связи

Таким образом, по результатам исследования гипотеза, сформулированная на первом этапе, была подтверждена частично. Доказано, что всё выделенные детерминанты, за исключением враждебности, оказывают влияние на киберагрессивное поведение подростков. Но влияние агрессивности на киберагрессию модерируется фактором «пола»; эмпатии - факторами «пол», «возраст» и временем, проводимым в Интернете; коммуникативных характеристик - факторами «пол» и «возраст», а влияние социального интеллекта модерируется фактором «возраст» и временем, проведенным в Интернете. Наибольшее влияние имеют факторы «пол» и «возраст».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе была исследована такая форма онлайн-поведения, как киберагрессия, а также социально-психологические детерминанты киберагрессивного поведения у подростков. Столкновение с киберагрессией является частью онлайн-коммуникаций в современном обществе. Взрослые чаще недооценивают наличие и опасность такого опыта у детей. Киберагрессию сложно выявить, что делает защиту пострадавших более трудной задачей по сравнению с традиционными формами агрессии. Это связано с тем, что такие действия осуществляются при помощи использования информационных технологий.

В ходе анализа данных отечественных и зарубежных авторов были изучены особенности киберагрессии как социально-психологического феномена, сформулировали основные характеристики. В нашей работе было предложено рассматривать «киберагрессию» как все деструктивные действия, направленные на причинение вреда, осуществляемые в сети Интернет с помощью электронно-коммуникативных устройств.

Целью данного исследования было выявление социально-психологических детерминантов киберагрессии в подростковом возрасте. В соответствии с разработанной на основе теоретического анализа моделью исследования, в качестве детерминантов киберагрессии подростков рассматривались показатели агрессивности, эмпатии, стилей поведения в конфликтной ситуации, коммуникативные навыки и социальный интеллект, а показателей, моделирующих, определяющих специфику подростковой агрессии – пол, возраст и цифровой опыт подростков.

Для проверки гипотезы был применен диагностический комплекс, позволяющий выявить типы киберагрессивного поведения и изучаемые социально-психологические детерминанты у подростков. В данном исследовании был адаптирован на русский язык опросник “Cyber-aggression typology questionnaire” (CATQ). Представленный опросник оценивает киберагрессию с позиции самоконтроля и мотивации. Анализ надежности шкал с помощью метода альфа

Кронбаха показал высокую надежность теста. Факторный анализ, как эксплораторный, так и конфирматорный, позволил заключить, что теоретическая структура методики «Типология киберагрессии», выделяющая 4 типа киберагрессии, соответствует теоретической модели, на основе которой тест был построен. Шкальная структура дает возможность оценить выраженность общего уровня и конкретного типа киберагрессии: импульсивно-ответной, произвольно-ответной, произвольно-инициативной и импульсивно-инициативной киберагрессии.

В качестве теоретико-методологического обоснования исследования выступили подходы к изучению агрессии и онлайн-агрессии – социально-психологические теории когнитивисткого направления, четырехсторонняя модель киберагрессии К.С. Рунионса, а также исследования по проблеме киберагрессивного поведения в Интернете у подростков.

В процессе проведения диссертационного исследования было показано, что в течение всего подросткового возраста дети склонны проявлять киберагрессию и данный вид агрессии с развитием технологического прогресса становится всё популярнее среди подростков. Мальчики чаще проявляют агрессию в процессе онлайн-взаимодействия, чем девочки. При этом подростки более склонны проявлять ответную киберагрессию. Агрессия, мотивированная местию, преобладает на протяжении всего подросткового возраста. Но по мере взросления увеличивается количество агрессивных действий, направленных на получение положительных эмоций (развлечение). Скорее всего, киберагрессия выступает одним из способов решения возрастных задач развития, а также как одна из форм общения подростков, где девочки более осторожные пользователи, которые стремятся реализовать посредством киберагрессии свои притязания на внимание со стороны партнеров по взаимодействию, а мальчики, напротив, более склонны использовать киберагрессию в целях самоутверждения, демонстрации силы и защиты собственных границ в интернет-общении.

Результаты исследования также свидетельствуют о том, что подростки заинтересованы в онлайн-коммуникациях. Использование мобильных телефонов,

Интернета и различных социальных сетей является универсальным среди обследованных подростков. При этом свой опыт онлайн-агрессии они оценивают, как достаточно редкий, хотя 67% опрошенных подростков подвергались онлайн-агрессии, что говорит о достаточно высоком уровне агрессивности в онлайн-пространстве. Прямая связь между временем, проведенным в Сети, и типами проявляемой и получаемой агрессии в самооценке подростков подтверждает опасность феномена киберагрессии. Что касается гендерных различий, то лучшим предиктором киберагрессивного поведения для подростков-девочек является время, проведенное в Интернете, а для мальчиков определяющим становится частота проявления агрессии в адрес других пользователей. Возможно, в процессе онлайн-взаимодействия подростки пробуют различные модели поведения.

В исследовании также было показано, что выделенные предикторы по-разному соотносятся с киберагрессией у подростков. Так, агрессивность, а именно физическая агрессия, гнев, враждебность и вербальная агрессия, которые выступают предикторами различных типов киберагрессии, имеют положительную связь со склонностью к киберагрессивному поведению у подростков. Склонность к киберагрессии и эмпатия не демонстрируют сильных прямолинейных взаимосвязей, но эмпатия становится значимым коррелятом ответных типов киберагрессии только для девочек в 12- и 15-летнем возрасте, в целом же, эмпатия выступает, скорее всего, защитным фактором. Стили поведения в конфликтной ситуации могут выступать предикторами различных типов киберагрессии. При этом конфликтные стили поведения имеют положительную взаимосвязь с киберагрессией у подростков, а сотрудничество – отрицательную. На протяжении всего подросткового возраста обнаруживается связь между агрессивным поведением несовершеннолетних в Интернете и стилем поведения в конфликтной ситуации, но эта взаимосвязь отличается у мальчиков и девочек в разные периоды подросткового возраста. В нашем исследовании мы также подтвердили наличие связи между склонностью к проявлению киберагрессии и социальным интеллектом, что позволяет рассматривать социальное осознание, социальные навыки и социальный интеллект в качестве коррелятов киберагрессии в

подростковом возрасте. Также было показано, что склонность к киберагрессии и коммуникативные характеристики подростков, такие как коммуникативный контроль, коммуникативная импульсивность и направленность личности в процессе общения, демонстрируют взаимосвязи, что даёт основание рассматривать коммуникативные характеристики (в большей степени коммуникативную импульсивность и коммуникативный контроль) в качестве устойчивого коррелята и относительно надежного предиктора киберагрессии в подростковом возрасте. При этом данные взаимосвязи одинаково опосредованы возрастом и полом подростков.

При помощи моделирования структурными уравнениями была построена эмпирическая модель взаимосвязи различных типов киберагрессивного поведения и социально-психологических детерминантов. Структурная модель показала, что киберагрессивное поведение подростков как ответная реакция на провокации других пользователей, мотивированное «яростью», может быть сопряжено с повышенной импульсивностью и высоким уровнем физической агрессии подростков, повышенной чувствительностью и восприимчивостью, со стремлением удовлетворить свои интересы в конкретной эмоциональной ситуации. Необходимо отметить, что вклад физической агрессии в показатель импульсивно-ответной киберагрессии опосредован полом и более выражен в выборке мальчиков. Киберагрессивное поведение подростков, желающих отомстить обидчику по интернет-коммуникациям, в большей степени опосредуется коммуникативными характеристиками. Данный тип киберагрессии не зависит ни от возраста, ни от пола испытуемых, ни от времени, проведенном в Интернете. Произвольно-инициативная киберагрессия, направленная на получение вознаграждения в долгосрочной перспективе, сопряжена с повышенным самоконтролем у подростков, с осознанием социальной ситуации и умением прогнозировать последствия социального взаимодействия. Данные взаимосвязи опосредованы возрастом, полом и временем, проведенным в Интернете. Таким образом, проявление произвольно-инициативной киберагрессии будет увеличиваться по мере взросления, у девочек влияние данных социально-психологических

характеристик выражено сильнее, чем у мальчиков. И в противовес нашей гипотезе о времени, проведенном в Интернете, полученные результаты говорят о том, что подросткам достаточно небольшого количества времени для того, чтобы совершить задуманные действия при онлайн-взаимодействии. Такому типу киберагрессивного поведения способствуют особенности онлайн-коммуникаций. Опираясь на результаты наших исследований, можно говорить о том, что импульсивно-инициативная киберагрессия, направленная на получение положительных эмоций от совершаемых агрессивных действий «здесь и сейчас» ради шутки и развлечений, более свойственна подросткам с более развитым социальным интеллектом, более осознано подходящим к процессу онлайн-общения, понимающим эмоциональное состояние окружающих, умеющим прогнозировать поведение оппонента. Можно отметить, что данные взаимосвязи одни из самых сильных.

Таким образом, гипотеза исследования о том, что социально-психологическими детерминантами киберагрессивного поведения подростков являются агрессивность, эмпатия, стили поведения в конфликтной ситуации, социальный интеллект, коммуникативные характеристики, возраст, пол и время, проведенное подростками в Интернете, частично подтвердилась. Полученные результаты доказывают, что все выделенные детерминанты, за исключением враждебности, напрямую или опосредованно оказывают влияние на киберагрессивное поведение подростков. Наибольшее влияние имеют стили поведения в конфликтной ситуации, особенно в отношении киберагрессии, мотивированной желанием получить положительные эмоции «здесь и сейчас», развлечься.

Дальнейшее изучение вопросов онлайн-взаимодействия и проявлений киберагрессии среди подростков может стать ключом к решению одной из актуальных проблем современного общества – снижению уровня агрессивности в интернет-среде. Данные, полученные в ходе нашего исследования, подчеркивают важность применения индивидуального подхода к профилактике и коррекции киберагрессии с учетом возрастных и гендерных различий в проявлениях агрессии

в Сети. Эти результаты могут быть полезны при разработке и реализации программ, направленных на решение проблем онлайн-общения и кибербезопасности. Особое внимание следует уделить повышению осведомленности взрослых (родителей, педагогов) о различных формах киберагрессии, методах их предотвращения и оказания поддержки подросткам. Кроме того, важно развивать у подростков навыки эффективной коммуникации и разрешения конфликтов, а также повышать уровень цифровой грамотности. Такие меры могут способствовать созданию более безопасной и комфортной интернет-среды для подрастающего поколения.

Материалы исследования могут быть включены в учебный план по социальной и возрастной психологии, психологии подросткового возраста, а также в модуль «Психолого-педагогических технологий работы с детьми и подростками». Полученные результаты могут помочь при подготовке специалистов, работающих с подростками и детьми в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айсина, Р. М., Нестерова, А. А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски / Р. М. Айсина, А. А. Нестерова // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 42–57.
2. Акопов, Г. Л. Глобальные проблемы и опасности сетевой политики : монография / Г. Л. Акопов. – Ростов н/Д : Ростиздат, 2004. – 125 с.
3. Алистратова, Е. Ю. Проактивная агрессия в Интернете: причины, последствия и возможные пути профилактики / Е. Ю. Алистратова // Психолог. – 2014. – № 1. – С. 39 – 54.
4. Антипина, С. С. Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики / С. С. Антипина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23. – № 1 (85). – С. 113–122.
5. Антипина, С. С., Бахвалова, Е. В., Микляева, А. В. Гендерные различия киберагрессии в подростковом возрасте / С. С. Антипина, Е. В. Бахвалова, А. В. Микляева // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2019. – № 2. – С. 65–73.
6. Антипина, С. С., Микляева, А. В. Взаимосвязь склонности к киберагрессии, агрессивности и эмпатии в подростковом возрасте / С. С. Антипина, А. В. Микляева // Российский психологический журнал. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 94–108.
7. Асмолов, А. Г., Асмолов, Г. А. От Мы-медия к Я-медия: трансформации идентичности в виртуальном мире / А. Г. Асмолов, Г. А. Асмолов // Вопросы психологии. – 2009. – № 3. – С. 3–16.
8. Бандура, А., Уотерс, Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений / А. Бандура, Р. Уотерс. – Москва : Апрель Пресс, 2000. – 508 с.

9. Баранов, А. А., Рожина, С. В. Психологический анализ причин подросткового кибербуллинга / А. А. Баранов, С. В. Рожина // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. – 2015. – Т. 25. – Вып. 1. – С. 37–41.
10. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль: лучший в мире учебник по психологии агрессии / Л. Берковиц. – Санкт-Петербург : прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 510 с.
11. Бовина, И. Б., Дворянчиков, Н. В. Поведение онлайн и офлайн: две реальности или одна / И. Б. Бовина, Н. В. Дворянчиков // Психологическая наука и образование. – 2020. – Т. 25. – № 3. – С. 101–115.
12. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – СПб. : Питер, 2008. – 398 с.
13. Большой психологический словарь / [Авдеева Н. Н. и др.], под. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 4-е изд., расш. – Москва : АСТ; Санкт-Петербург : Еврознак, 2009. – 811 с.
14. Бочавер, А. А., Хломов, К. Д. Кибербуллинг: Травля в пространстве современных технологий / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 3. – С. 177–191.
15. Братченко, С. Л. Диагностика личностно-развивающегося потенциала: методическое пособие для школьных психологов / С. Л. Братченко. – Псков : Невельская типография, 1997. – 68 с.
16. Вараксин, А. В. Влияние социальных сетей на формирование ценностных ориентиров современной молодежи / А. В. Вараксин // Преподаватель XXI век. – 2016. – №2. – С. 205–212.
17. Веневская, И. А. Склонность несовершеннолетних к агрессивному поведению в сети Интернет / И. А. Веневская // Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии. – 2018. – С. 141–148.

18. Вишневецкий, К. В. Виктимизация: факторы, условия, уровни / К. В. Вишневецкий // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 4. – С. 226–227.
19. Войскунский, А. Е. Психология и Интернет / А. Е. Войскунский. – М. : Акрополь, 2015. – 439 с.
20. Волков, Б. С. Психология подростка / Б. С. Волков. – 3-е изд., неправд. и доп. – М. : Педагогическое общество России, 2002. – 160 с.
21. Воловикова, М. И. Личность в пространстве современного мира: духовно-нравственные проблемы / М. И. Воловикова // Нравственность современного российского общества: психологический анализ. – 2012. – С. 42–59.
22. Выготский, Л. С. Проблемы развития психики / Л. С. Выготский. – Москва : Педагогика, 1982. – 368 с.
23. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Детская психология / под ред. Д. Б. Эльконина. – М. : Педагогика, 1984. – 432 с.
24. Гаврилова, Т. П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии. Исторический обзор и современное состояние проблемы / Т. П. Гаврилова // Вопросы психологии. – 2005. – № 2. – С. 147–156.
25. Горбачева, А. Г. Конструктивные и деструктивные коммуникативные практики людей в сети Интернет / А. Г. Горбачева // Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 2. – № 3. – С. 17–25.
26. Дьячук, А. А. Математические методы в психологических и педагогических исследованиях : учебное пособие / А. А. Дьячук. – Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2013. – 347 с.
27. Емельянова, Т. П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп / Т. П. Емельянова // Институт психологии Российской академии наук. – 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 3–22.
28. Ениколопов, С. Н., Цибульский, Н. П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М.

- Перри / С. Н. Ениколопов, Н. П. Цибульский // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28. – № 1. – С. 115–124.
29. Жичкина, А. Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете / А. Е. Жичкина. – М. : Дашков и Ко, 2004. – 117 с.
30. Жмырко, К. С. Особенности общения подростков посредством Интернета [Электронный ресурс] / К. С. Жмырко // Молодой ученый. – 2015. – Т. 10. – № 90. – С. 1333–1335. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/90/18749/>
31. Зими́на, Н. А. Психологическая диагностика коммуникативного потенциала личности : методические рекомендации для студентов / Н. А. Зими́на. – Н. Новгород : ННГАСУ, 2015. – 42 с.
32. Иванов, В. Е. Интернет в формировании диалогического пространства в социокультурной среде / В. Е. Иванов // Мир психологии. – 2000. – № 2. – С. 52–56.
33. Игнатъева, Э. А. Психологические особенности взаимодействия людей в информационном обществе : монография / Э. А. Игнатъева, Н. В. Софронова. – Москва : Спутник+, 2014. – 196 с.
34. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2002. – 512 с.
35. Истратова, О. Н. Психодиагностика. Коллекция лучших тестов / О. Н. Истратова, Т. В. Эксакусто. – Изд. 2. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 375 с.
36. Кондрашкин, А. В., Хломов, К. Д. Девиантное поведение подростков и Интернет: изменение социальной ситуации / А. В. Кондрашкин, К. Д. Хломов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9. – № 1. – С. 102–113.
37. Копейко, Я. Ю. Гендерные аспекты агрессивности: учебное пособие / Я. Ю. Копейко. – СПб. : Алетейя, 2005. – 211 с.
38. Короленко, Ц. П., Дмитриева, Н. В., Левина, Л. В. К вопросу о влиянии Интернета на суицидальное поведение / Ц. П. Короленко, Н. В.

- Дмитриева, Л. В. Левина // Ученые записки СПбГИПСР. – 2014. – Т. 22. – № 2. – С. 103–107.
39. Круковский, В. Е. О формах нефизического (психологического) насилия в уголовном законодательстве России / В. Е. Круковский, И. Н. Мосечкин // Психология и право. – 2020. – Т. 10. – № 1. – С. 171–182.
40. Купченко, В. Е., Ратанина, О. В. Особенности самоконтроля, импульсивности, агрессивности и эмпатии подростков с делинквентным поведением / В. Е. Купченко, О. В. Ратанина // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2016. – № 2. – С. 36–41.
41. Леньков, С. Л. Опросник вовлеченности в киберсоциализацию / С. Л. Леньков, Н. Е. Рубцова, Г. И. Ефремова // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 6(111). – С. 109–119.
42. Леньков, С. Л. Специфика деструктивной киберагрессии в образовательной среде / С. Л. Леньков // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – № 4(115). – С. 107–117.
43. Лупенко, Н. Н., Борцова, М. В. Личностные детерминанты профессиональной мотивации выпускников-магистров / Н. Н. Лупенко, М. В. Борцова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2022. – Т. 11. – № 6А. – С. 61–70.
44. Малова, Е. О. Современные реалии асоциальных проявлений подростков в интернет-пространстве / Е. О. Малова // Инновационное развитие профессионального образования. – 2020. – № 2(26). – С. 107–114.
45. Марченко, Ф. О. Психология сетевой агрессии (кибербуллинга) во время эпидемии нарциссизма / Ф. О. Марченко, О. И. Маховская // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2018. – № 4(35). – С. 100–119.
46. Можгинский, Ю. Б. Агрессивность детей и подростков: распознавание, лечение, профилактика / Ю. Б. Можгинский. – М. : Когито-Центр, 2006. – 181 с.

47. Наследов, А. Д. IBM SPSS STATISTICS 20 И AMOS : профессиональный статистический анализ данных / А. Д. Наследов. – СПб. : Питер, 2013. – 416 с.
48. Наследов, А. Д., Семенов, В. Ю. Модификация шкалы социального интеллекта Tromso для российских школьников / А. Д. Наследов, В. Ю. Семенов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2015. – Сер. 12. – Вып. 4. – С. 5–21.
49. Никитина, Д. А., Попова, Л. В. Особенности интернет-коммуникаций / Д. А. Никитина, Л. В. Попова // Национальная ассоциация ученых. – 2015. – № 2(7). – С. 130–132.
50. Отчет о проведении социологического исследования «Подростки 360» [Электронный ресурс] // Росподрос: сайт. – Москва, 2022. – Режим доступа: <https://rospodros.ru/polls>
51. Плешаков, В. А. Киберсоциализация как инновационный социально-педагогический феномен / В. А. Плешаков // Преподаватель XXI век. – 2009. – № 3. – С. 32–39.
52. Погодина, Е. К., Шинкевич, Т. В. Кибербуллинг в подростковой среде как социально-педагогическая проблема / Е. К. Погодина, Т. В. Шинкевич // От идеи – к инновации: материалы XXVII международной студенческой научно-практической конференции. – 2020. – Ч. 4. – С. 263–264.
53. Погорелова, Е. И., Арькова, И. В., Голубовская, А. С. Психологические особенности подростков, включенных в ситуацию кибербуллинга / Е. И. Погорелова, И. В. Арькова, А. С. Голубовская // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2016. – № 14(2). – С. 47–53.
54. Пренски, М. Аборигены и мигранты цифрового мира [Электронный ресурс] / М. Пренски // MCB University Press. – 2001. – Т. 9. – № 5. – Режим доступа: <https://gimc.ru/content/statya-marka-prenski-aborigeny-i-immigranty-cifrovogo-mira>
55. Проблемы толерантности в подростковой субкультуре / Под ред. В. С. Собкина. – М. : Центр социологии образования РАО, 2003. – 391 с.

56. Развитие субъектности в онтогенезе в современном социокультурном пространстве образования и семьи / Е. Н. Волкова, О. В. Суворова, Н. И. Дунаева, Л. А. Бирюкова, А. В. Гришина, М. А. Пыжьянова, Е. А. Косых, Л. Н. Кузьминых, А. Б. Потапова. – Нижний Новгород : Мининский университет, 2012. – 246 с.
57. Раттер, М. Помощь трудным детям / М. Раттер. – М. : Эксмо-Пресс, 1999. – 432 с.
58. Реан, А. А. Агрессия и агрессивность личности / А. А. Реан // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 5. – С. 3–18.
59. Румянцева, Т. Г. Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке / Т. Г. Румянцева. – М. : Университетское, 1991. – 150 с.
60. Семенова, М. В. Личностные особенности подростков с киберкоммуникативной зависимостью / М. В. Семенова // Молодой ученый. – 2017. – № 23(157). – С. 284–287.
61. Семенюк, Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции / Л. М. Семенюк. – М. : Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. – 96 с.
62. Серажетдинова, С. Д. Психолого-педагогические особенности воспитания подростков в цифровую эпоху [Электронный ресурс] / С. Д. Серажетдинова // Международный студенческий научный вестник. – 2020. – № 1. – Режим доступа: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19882>
63. Сидоренко, Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. – СПб. : Речь, 2000. – 350 с.
64. Собкин, В. С., Федотова, А. В. Подросток – неформал: принадлежность к группе и жизненные ориентации / Под ред. В. С. Собкина // Труды по социологии образования. – 2009. – Т. 13. – № 22. – С. 84–101.
65. Собкин, В. С., Федотова, А. В. Подростковая агрессия в социальных сетях: восприятие и личный опыт / В. С. Собкин, А. В. Федотова // Психологическая наука и образование. – 2019. – Т. 24. – № 2. – С. 5–18.

66. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире / Г. У. Солдатова // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 71–80.
67. Солдатова, Г. У. Неосведомленность родителей о столкновении подростков с рисками в Интернете: содержание и психологические факторы / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40. – № 1. – С. 71–73.
68. Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Чигарькова, С. В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, С. В. Чигарькова // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 2(38). – С. 3–20.
69. Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Дренёва, А. А., Илюхина, С. Н. Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете : учебно-методическое пособие / Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова, А. А. Дренёва, С. Н. Илюхина. – Москва : Когито-Центр, 2019. – 176 с.
70. Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Львова, Е. Н. Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области / Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова, Е. Н. Львова // Эпоха науки. – 2017. – № 12. – С. 103–109.
71. Солдатова, Г. У., Шляпников, В. Н., Журина, М. А. Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети Онлайн» / Г. У. Солдатова, В. Н. Шляпников, М. А. Журина // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – № 3. – С. 50–66.
72. Сорокова, М. Г. Математические методы в психолого-педагогических исследованиях : учебное пособие / М. Г. Сорокова. – М. : Неолит, 2020. – 216 с.
73. Толстых, А. В. Подросток в неформальной группе / А. В. Толстых. – М. : Знание, 1991. – 80 с.

74. Фетискин, Н. П., Козлов, В. В., Мануйлов, Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М. : Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 362 с.
75. Фетисова, Т. А. Агрессивное поведение в интернет-коммуникации. Обзор / Т. А. Фетисова // Культурология. – 2018. – № 4(87). – С. 185–197.
76. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. – СПб. : Алетейя СПб, 1999. – 329 с.
77. Хломов, К. Д., Давыдов, Д. Г., Бочавер, А. А. Кибербуллинг в опыте российских подростков [Электронный ресурс] / К. Д. Хломов, Д. Г. Давыдов, А. А. Бочавер // Психология и право. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 276–295. – Режим доступа: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090219>
78. Хорни, К. Наши внутренние конфликты: Конструктивная теория невроза / К. Хорни. – СПб. : Лань, 1997. – 237 с.
79. Хуторной, С. Н. Специфика общения в Интернете / С. Н. Хуторной // Вестник Московского государственного областного университета. – 2011. – № 4. – С. 100–103.
80. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова, Е. Ю. Зотова. – М. : Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с.
81. Черенков, Д. А. Девиантное поведение в социальных сетях: причины, формы, следствие [Электронный ресурс] / Д. А. Черенков // Nauka-rastudent. ru. – 2015. – № 07(19). – Режим доступа: <http://nauka-rastudent.ru/19/2843/>
82. Шабшин, И. И. Психологические особенности и феномены коммуникации в Интернете [Электронный ресурс] / И. И. Шабшин // Московский психотерапевтический журнал. – 2005. – № 1. – Режим доступа: http://samlib.ru/s/shabshin_i_i/internet.shtml

83. Шаров, А. А. Специфика девиантной активности молодежи в интернет-среде / А. А. Шаров // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2019. – № 3(51). – С. 255–261.
84. Шаров, А. А. Измерение киберагрессии: разработка русскоязычного аналога опросника СУВА / А. А. Шаров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2020. – № 9(2). – С. 118–125.
85. Шейнов, В. П. Детерминанты виктимизации профессионала на рабочем месте / В. П. Шейнов // Институт психологии Российской академии наук. – 2018. – Т. 3. – № 4. – С. 168–192.
86. Шейнов, В. П. (а) Виктимизация жертв издевательств как источник их отрицательных эмоциональных состояний / В. П. Шейнов // Институт психологии Российской академии наук. – 2019. – Т. 4. – № 1. – С. 94–123.
87. Шейнов, В. П. Кибербуллинг: предпосылки и последствия / В. П. Шейнов // Институт психологии Российской академии наук. – 2019. – Т. 4. – № 2(14). – С. 77–98.
88. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М. : Изд. группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
89. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с.
90. Agnew, R. Foundation for a general strain theory of crime and delinquency / R. Agnew // *Criminology*. – 1992. – Vol. 30. – No. 1. – P. 47–88.
91. Álvarez-García, D., Barreiro-Collazo, A., Núñez, J. C. Cyberaggression among adolescents: prevalence and gender differences / D. Álvarez-García, A. Barreiro-Collazo, J. C. Núñez // *Comunicar*. – 2017. – Vol. 25. – No. 50. – P. 89–97.
92. Álvarez-García, D., Núñez, J. C., Dobarro, A., Rodríguez, C. Risk factors associated with cybervictimization in adolescence / D. Álvarez-García, J. C. Núñez, A. Dobarro, C. Rodríguez // *International journal of clinical and health psychology*. – 2015. – Vol. 15. – P. 226–235.

93. Álvarez-García, D., Núñez, J. C., García, T., Barreiro-Collazo, A. Individual, family, and community predictors of cyber-aggression among adolescents / D. Álvarez-García, J. C. Núñez, T. García, A. Barreiro-Collazo // *The European journal of psychology applied to legal context*. – 2018. – Vol. 10. – P. 79–88.
94. Álvarez-García, D., Núñez, J. C., González-Castro, P., Rodríguez, C., Cerezo, R. The effect of parental control on cyber-victimization in adolescence: the mediating role of impulsivity and high-risk behaviors [Electronic resource] / D. Álvarez-García, J. C. Núñez, P. González-Castro, C. Rodríguez, R. Cerezo // *Frontiers in psychology*. – 2019. – Vol. 10. – URL: <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01159>
95. Ang, R. P., Goh, D. H. Cyberbullying among adolescents: the role of affective and cognitive empathy, and gender / R. P. Ang, D. H. Goh // *Child psychiatry and human development*. – 2010. – Vol. 41. – P. 387–397.
96. Ang, R. P., Li, X., Seah, S. L. The role of normative beliefs about aggression in the relationship between empathy and cyberbullying / R. P. Ang, X. Li, S. L. Seah // *Journal of cross-cultural psychology*. – 2017. – Vol. 48. – P. 1138–1152.
97. Ang, R. P., Tan, K., Mansor, T. A. Normative beliefs about aggression as a mediator of narcissistic exploitativeness and cyberbullying / R. P. Ang, K. Tan, T. A. Mansor // *Journal of interpersonal violence*. – 2011. – Vol. 26. – P. 2619–2634.
98. Ariçak, O. T. Psychiatric symptomatology as a predictor of cyberbullying among university students / O. T. Ariçak // *Eurasian journal of educational research*. – 2009. – Vol. 34. – P. 167–184.
99. Aricak, O. T., Ozbay, A. Investigation of the relationship between cyberbullying, cybervictimization, alexithymia and anger expression styles among adolescents / O. T. Aricak, A. Ozbay // *Computers in human behavior*. – 2016. – Vol. 55. – P. 278–285.
100. Athanasiades, C., Baldry, A. C., Kamariotis, T., Kostouli, M., Psalti, A. The “net” of the Internet: risk factors for cyberbullying among secondary-school students in Greece / C. Athanasiades, A. C. Baldry, T. Kamariotis, M. Kostouli,

- A. Psalti // *European journal on criminal policy and research*. – 2016. – Vol. 22. – P. 301–317.
101. Bagwell, C. L., Schmidt, M. E. The friendship quality of overtly and relationally victimized children / C. L. Bagwell, M. E. Schmidt // *Merrill-Palmer quarterly*. – 2011. – Vol. 57(2). – P. 158–185.
102. Baldry, A. C., Farrington, D. P. Bullies and delinquents: personal characteristics and parental styles / A. C. Baldry, D. P. Farrington // *Journal of community and applied social psychology*. – 2000. – Vol. 10. – P. 17–31.
103. Baldry, A. C., Farrington, D. F., Sorrentino, A. «Am I at risk of cyberbullying»? A narrative review and conceptual framework for research on risk of cyberbullying and cybervictimization: the risk and needs assessment approach / A. C. Baldry, D. F. Farrington, A. Sorrentino // *Aggression and violent behavior*. – 2015. – Vol. 23. – P. 36–51.
104. Bao, Z., Zhang, W., Lai, X., Sun, W., Wang, Y. Parental attachment and Chinese adolescents' delinquency: the mediating role of moral disengagement / Z. Bao, W. Zhang, X. Lai, W. Sun, Y. Wang // *Journal of adolescence*. – 2015. – Vol. 44. – P. 37–47.
105. Barchia, K., Bussey, K. Individual and collective social cognitive influences on peer aggression: exploring the contribution of aggression efficacy, moral disengagement, and collective efficacy / K. Barchia, K. Bussey // *Aggressive behavior*. – 2011. – Vol. 37. – P. 107–120.
106. Barlińska, J., Szuster, A., Winiewski, M. Cyberbullying among adolescent bystanders: role of the communication medium, form of violence, and empathy / J. Barlińska, A. Szuster, M. Winiewski // *Journal of community & applied social psychology*. – 2013. – Vol. 23(1). – P. 37–51.
107. Barriga, A. Q., Landau, J. R., Stinson, B. L., Liau, A. K., Gibbs, J. C. Cognitive distortion and problem behaviors in adolescents / A. Q. Barriga, J. R. Landau, B. L. Stinson, A. K. Liau, J. C. Gibbs // *Criminal justice and behavior*. – 2000. – Vol. 27. – P. 36–56.

108. Bastiaensens, S., Vandebosch, H., Poels, K., Van Cleemput, K., Desmet, A., De Bourdeaudhuij, I. Cyberbullying on social network sites. An experimental study into bystanders' behavioural intentions to help the victim or reinforce the bully / S. Bastiaensens, H. Vandebosch, K. Poels, K. Van Cleemput, A. Desmet, I. De Bourdeaudhuij // *Computers in human behavior*. – 2014. – Vol. 31. – P. 259–271.
109. Bauman, S. Cyberbullying: a virtual menace / S. Bauman // *National coalition against bullying National Conference*. – 2007. – P. 1–23.
110. Bauman, S., Underwood, M. K., Card, N. Definitions: another perspective and a proposal for beginning with cyberaggression / In S. Bauman, J. Walker, D. Cross (Eds.) // *Principles of cyberbullying research: definitions, measures, and methodology*. – 2013. – P. 41–46.
111. Baumeister, R. F., Vohs, K. D., DeWall, C. N., Zhang, L. How emotion shapes behavior: feedback, anticipation, and reflection, rather than direct causation / R. F. Baumeister, K. D. Vohs, C. N. DeWall, L. Zhang // *Personality and social psychology review*. – 2007. – Vol. 11. – P. 167–203.
112. Bayraktar, F., Machackova, H., Dedkova, L., Cerna, A., Ševčíková, A. Cyberbullying: the discriminant factors among cyberbullies, cybervictims, and cyberbully-victims in a Czech adolescent sample / F. Bayraktar, H. Machackova, L. Dedkova, A. Cerna, A. Ševčíková // *Journal of interpersonal violence*. – 2015. – Vol. 30(18). – P. 3192–3216.
113. Belsey, B. Cyberbullying: an emerging threat to the 'always on' generation [Electronic resource] / B. Belsey. – 2005. – URL: http://www.cyberbullying.ca/pdf/Cyberbullying_Article_by_Bill_Belsey.pdf
114. Berger, K. S. Update on bullying at school: science forgotten? / K. S. Berger // *Developmental review*. – 2007. – Vol. 27(1). – P. 90–126.
115. Bergmann, M. C., Baier, D. Prevalence and correlates of cyberbullying perpetration. Findings from a German representative student survey [Electronic resource] / M. C. Bergmann, D. Baier // *International journal of environmental*

- research and public health (IJERPH). – 2018. – Vol. 15(2). – URL: <https://doi.org/10.3390/ijerph15020274> PMID: 29415426
116. Berson, I. R., Berson, M. J., Ferron, J. M. Emerging risks of violence in the digital age: lessons for educators from an online study of adolescent girls in the United States / I. R. Berson, M. J. Berson, J. M. Ferron // *Journal of school violence*. – 2002. – Vol. 1(2). – P. 51–71.
117. Bjørnebekk, G., Howard, R. Validation of a motivation-based typology of angry aggression among antisocial youths in Norway / G. Bjørnebekk, R. Howard // *Behavioral science and the law*. – 2012. – Vol. 30. – P. 167–180.
118. Borca, G., Bina, M., Keller, P. S., Gilbert, L. R., Begotti, T. Internet use and developmental tasks: adolescents' point of view / G. Borca, M. Bina, P. S. Keller, L. R. Gilbert, T. Begotti // *Computers in human behavior*. – 2015. – Vol. 52. – P. 49–58.
119. Bouhnik, D., Mor, D. Gender differences in the moral judgment and behavior of Israeli adolescents in the Internet environment / D. Bouhnik, D. Mor // *Journal of the association for information science and technology*. – 2014. – Vol. 65(3). – P. 551–559.
120. Bowker, A., Bukowski, W. M., Hymel, S., Sippola, L. K. Coping with daily hassles in the peer group in early adolescence: variations as a function of peer experience / A. Bowker, W. M. Bukowski, S. Hymel, L. K. Sippola // *Journal of research on adolescence*. – 2000. – Vol. 10. – P. 211–243.
121. Brewer, G., Kerslake, J. Cyberbullying, self-esteem, empathy and loneliness / G. Brewer, J. Kerslake // *Computers in human behavior*. – 2015. – Vol. 48. – P. 255–260.
122. Bukowki, W. M., Sippola, L. A., Newcomb, A. F. Variations in patterns of attraction to same-and other-sex peers during early adolescence / W. M. Bukowki, L. A. Sippola, A. F. Newcomb // *Developmental psychology*. – 2000. – Vol. 36. – P. 147–154.

123. Burnett, G., Bonnici, L. Beyond the FAQ: explicit and implicit norms in Usenet newsgroups / G. Burnett, L. Bonnici // *Library and information science research*. – 2003. – Vol. 25(3). – P. 333–351.
124. Bussey, K., Fitzpatrick, S., Raman, A. The role of moral disengagement and self-efficacy in cyberbullying / K. Bussey, S. Fitzpatrick, A. Raman // *Journal of school violence*. – 2015. – Vol. 14. – P. 30–46.
125. Butterfield, L., Broad, H. Children, young people and the Internet [Electronic resource] / L. Butterfield, H. Broad. – 2005. – URL: <http://www.netsafe.org.nz/articles/articleschildren.aspx>
126. Caetano, A. P., Amado, J., Martins, M. J. D., Veiga-Simão, A. M., Freire, I., Pessoa, M. T. Cyberbullying: motivos da agressão na perspectiva de jovens portugueses [Cyberbullying: aggression motives in the perspective of young Portuguese] / A. P. Caetano, J. Amado, M. J. D. Martins, A. M. Veiga-Simão, I. Freire, M. T. Pessoa // *Education and society*. – 2017. – Vol. 38(141). – P. 1017–1034.
127. Calvete, E., Orue, I., Estévez, A., Villardón, L., Padilla, P. Cyberbullying in adolescents: modalities and aggressors' profile / E. Calvete, I. Orue, A. Estévez, L. Villardón, P. Padilla // *Computers in human behavior*. – 2010. – Vol. 26. – P. 1128–1135.
128. Campbell, M. A., Slee, P. T., Spears, B., Butler, D., Kift, S. Do cyberbullies suffer too? Cyberbullies' perceptions of the harm they cause to others and to their own mental health / M. A. Campbell, P. T. Slee, B. Spears, D. Butler, S. Kift // *School psychology international*. – 2013. – Vol. 34. – P. 613–629.
129. Cañas, E., Estévez, E., Marzo, J. C., Piqueras, J. A. Psychological adjustment in cybervictims and cyberbullies in secondary education / E. Cañas, E. Estévez, J. C. Marzo, J. A. Piqueras // *Anales de Psicología/Annals of Psychology*. – 2019. – Vol. 35(3). – P. 434–443.
130. Cassidy, W., Faucher, C., Jackson, M. Cyberbullying among youth: a comprehensive review of current international research and its implications and

- application to policy and practice / W. Cassidy, C. Faucher, M. Jackson // *School psychology international*. – 2013. – Vol. 34. – P. 575–612.
131. Chibbaro, J. S. School counselors and the cyberbully: interventions and implications / J. S. Chibbaro // *Professional school counseling*. – 2007. – Vol. 11. – P. 65–68.
132. Chitosca, M. I. The Internet as a socializing agent of the “M Generation” / M. Chitosca // *Journal of social informatics*. – 2006. – Vol. 5. – P. 3–21.
133. Compton, L., Campbell, M. A., Mergler, A. Teacher, parent and student perceptions of the motives of cyberbullies / L. Compton, M. A. Campbell, A. Mergler // *Social psychology of education*. – 2014. – Vol. 17(3). – P. 383–400.
134. Compas, B. E., Phares, V. Stress during childhood and adolescence: sources of risk and vulnerability / In E. M. Cummings, A. L. Greene, K. H. Karraker (Eds.) // *Lifespan developmental psychology*. – 1991. – P. 111–130.
135. Corcoran, L., Guckin, C., Prentice, G. Cyberbullying or cyber aggression?: A review of existing definitions of cyber-based peer-to-peer aggression / L. Corcoran, C. Guckin, G. Prentice // *Societies*. – 2015. – Vol. 5(2). – P. 245–255.
136. Crick, N. R., Dodge, K. A. A review and reformulation of social information-processing mechanisms in children’s social adjustment / N. R. Crick, K. A. Dodge // *Psychological bulletin*. – 1994. – Vol. 115(1). – P. 74–101.
137. Csikszentmihalyi, M., Schmidt, J. A. Stress and resilience in adolescence: an evolutionary perspective / M. Csikszentmihalyi, J. A. Schmidt // *The adolescent years: social influences and educational challenges*. – 1998. – Vol. 97. – P. 1–17.
138. Cutrín, O., Gómez, J. A., Maneiro, L., Sobral, J. Effects of parenting practices through deviant peers on nonviolent and violent antisocial behaviors in middle- and late-adolescence / O. Cutrín, J. A. Gómez, L. Maneiro, J. Sobral // *The European journal of psychology applied to legal context*. – 2017. – Vol. 9. – P. 75–82.

139. David-Ferdon, C., Hertz, M. F. Electronic media, violence, and adolescents: an emerging public health problem / C. David-Ferdon, M. F. Hertz // *Journal of adolescent health*. – 2007. – Vol. 41. – P. 1–5.
140. Delaney, T., Madigan, T. Friendship and happiness: and the connection between the two / T. Delaney, T. Madigan. – North Carolina : McFarland & Company, Inc., Publishers, 2017. – 296 p.
141. Delisi, M., Beaver, K. M., Vaughn, M. G., Trulson, C. Personality, gender, and self-control theory revisited: results from a sample of institutionalized juvenile delinquents / M. Delisi, K. M. Beaver, M. G. Vaughn, C. Trulson // *Applied psychology in criminal justice*. – 2010. – Vol. 6(1). – P. 31–46.
142. Del Rey, R., Lazuras, L., Casas, J. A., Barkoukis, V., Ortega-Ruiz, R., Tsorbatzoudis, H. Does empathy predict (cyber) bullying perpetration, and how do age, gender and nationality affect this relationship? / R. Del Rey, L. Lazuras, J. A. Casas, V. Barkoukis, R. Ortega-Ruiz, H. Tsorbatzoudis // *Learning and individual differences*. – 2016. – Vol. 45. – P. 275–281.
143. Deniz, M. A study on primary school student's being cyber bullies and victims according to gender, grade, and socioeconomic status / M. Deniz // *Croatian journal of education*. – 2015. – Vol. 17(3). – P. 659–671.
144. Dooley, J. J., Pyzalski, J., Cross, D. Cyberbullying versus face-to-face bullying: a theoretical and conceptual review / J. J. Dooley, J. Pyzalski, D. Cross // *Zeitschrift fur psychologie*. – 2009. – Vol. 217. – P. 182–188.
145. Ebata, A. T., Moos, R. H. Personal, situational, and contextual correlates of coping in adolescence / A. T. Ebata, R. H. Moos // *Journal of research on adolescence*. – 1994. – Vol. 4. – P. 99–125.
146. Edeberg, G., Thorvaldsen, S., Ronning, J. A. The Impact of cyberbullying and cyber harassment on academic achievements / G. Edeberg, S. Thorvaldsen, J. A. Ronning // *Digital expectations and experiences in education*. – 2016. – P. 183–204.
147. Eden, S., Heiman, T., Olenik-Shemesh, D. Bully versus victim on the internet: the correlation with emotional-social characteristics / S. Eden, T.

- Heiman, D. Olenik-Shemesh // Education and information technologies. – 2016. – Vol. 21. – P. 699–713.
148. Erdley, C. A., Asher, S. Linkages between children's beliefs about the legitimacy of aggression and their behavior / C. A. Erdley, S. Asher // Social development. – 1998. – Vol. 7. – P. 321–339.
149. Erdur-Baker, Ö. Cyberbullying and its correlation to traditional bullying, gender and frequent and risky usage of internet-mediated communication tools / Ö Erdur-Baker // New media & society. – 2010. – Vol. 12(1). – P. 109–125.
150. Espelage, D., Swearer, S. Research on school bullying and victimization: what have we learned and where do we go from here? / D. Espelage, S. Swearer // School psychology review. – 2003. – Vol. 32. – P. 365–383.
151. Estevez, A., Jauregui, P., Lopez-Gonzalez, H. Attachment and behavioral addictions in adolescents: the mediating and moderating role of coping strategies / A. Estevez, P. Jauregui, H. Lopez-Gonzalez // Scandinavian journal of psychology. – 2019. – Vol. 60(4). – P. 348–360.
152. European Parliament: European Parliamentary Research Service. Cyberbullying among young people [Electronic resource] / European Parliamentary Research Service // European Sources Online. – 2016. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571367/IPOL_STU\(2016\)571367_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571367/IPOL_STU(2016)571367_EN.pdf)
153. Famiglietti, C. Cyber-trolls vandalize Facebook page for Isabella Grasso [Electronic resource] / C. Famiglietti // glencove.patch.com. – 2011. – URL: <http://glencove.patch.com/articles/cyber-trolls-vandalize-facebook-page-for-isabella-grasso>
154. Fanti, K., Demetriou, A., Hawa, V. A longitudinal study of cyberbullying: examining risk and protective factors / K. Fanti, A. Demetriou, V. Hawa // European journal of developmental psychology. – 2012. – Vol. 9(2). – P. 168–181.
155. Ferrara, P., Ianniello, F., Villani, A., Corsello, G. Cyberbullying a modern form of bullying: let's talk about this health and social problem [Electronic

- resource] / P. Ferrara [et al.] // Italian journal of pediatrics. – 2018. – Vol. 14. – URL: <http://10.1186/s13052-018-0446-4>
156. Ferreira, P., Veiga Simão, A. M., Ferreira, A., Souza, S., Francisco, S. Student bystander behavior and cultural issues in cyberbullying: when actions speak louder than words / P. Ferreira, A. M. Veiga Simão, A. Ferreira, S. Souza, S. Francisco // Computers in human behavior. – 2016. – Vol. 60. – P. 301–311.
157. Fest, R., Scharkow, M., Quandt, T. The individual or the group: a multilevel analysis of cyberbullying in school classes / R. Fest, M. Scharkow, T. Quandt // Human communication research. – 2014. – Vol. 41(4). – P. 1–22.
158. Fox, C. L., Boulton, M. J. Friendship as a moderator of the relationship between social skills problems and peer victimization / C. L. Fox, M. J. Boulton // Aggressive behavior. – 2006. – Vol. 32. – P. 110–121.
159. Garaigordobil, M. Prevalencia y consecuencias del cyberbullying: Una revision / M. Garaigordobil // International journal of psychology and psychological therapy. – 2011. – Vol. 22. – P. 233–254.
160. Garaigordobil, M. Psychometric properties of the cyberbullying test, a screening instrument to measure cybervictimization, cyberaggression, and cyberobservation / M. Garaigordobil // Journal of interpersonal violence. – 2015. – Vol. 30(23). – P. 3556–3576.
161. Garaigordobil, M. Conducta antisocial: conexio'n con bullying/cyberbullying y estrategias de resolucio'n de conflictos / M. Garaigordobil // Psychosocial intervention. – 2017 – Vol. 26. – P. 47–54.
162. Gibbs, J. C., Potter, G. B., Goldstein, A. P. The EQUIP Program: teaching youth to think and act responsibly through a peer-helping approach / J. C. Gibbs, G. B. Potter, A. P. Goldstein. – Champaign : Research Press, 1995. – 359 p.
163. Gini, G., Espelage, D. L. Peer victimization, cyberbullying, and suicide risk in children and adolescents / G. Gini, D. L. Espelage // The journal of the American medical association. – 2014. – Vol. 312. – No. 5. – P. 545–546.
164. Goldstein, S. E. Parental regulation of online behavior and cyber aggression: adolescents' experiences and perspectives [Electronic resource] / S. E.

- Goldstein // *Cyberpsychology: journal of psychosocial research on cyberspace*. – 2015. – Vol. 9(4). – URL: <https://doi.org/10.5817/CP2015-4-2>
165. Gómez-Ortiz, O., Romera, E. M., Ortega-Ruiz, R. Multidimensionality of social competence: measurement of the construct and its relationship with bullying roles / O. Gómez-Ortiz, E. M. Romera, R. Ortega-Ruiz // *Revista de Psicodidáctica*. – 2017. – Vol. 22. – P. 37–44.
166. Gradinger, P., Strohmeier, D., Spiel, C. Traditional bullying and cyberbullying: identification of risk groups for adjustment problems / P. Gradinger, D. Strohmeier, C. Spiel // *Zeitschrift für psychologie/Journal of psychology*. – 2009. – Vol. 217(4). – P. 205–213.
167. Grigg, D. W. Cyber-Aggression: definition and concept of cyberbullying / D. W. Grigg // *Journal of psychologists and counsellors in schools*. – 2010. – Vol. 20. – No. 2. – P. 143–156.
168. Guo, S. A meta-analysis of the predictors of cyberbullying perpetration and victimization: cyberbullying perpetration and victimization / S. Guo // *Psychology in the schools*. – 2016. – Vol. 53. – P. 432–453.
169. Hawdon, J., Oksanen, A., Räsänen, P. Exposure to online hate in four nations: a cross-national consideration / J. Hawdon, A. Oksanen, P. Räsänen // *Deviant behavior*. – 2017. – Vol. 38(3). – P. 254–266.
170. Haynie, D., Nansel, L., Eitel, P., Davis Crump, A., Saylor, K., Yu, K. Bullies, victims and bully/victims: distinct groups of youth at risk / D. Haynie, L. Nansel, P. Eitel, A. Davis Crump, K. Saylor, K. Yu // *Journal of early adolescence*. – 2001. – Vol. 21. – P. 29–49.
171. Heiman, T., Olenik-Shemesh, D., Eden, S. Cyberbullying involvement among students with ADHD: relation to loneliness, self-efficacy and social support / T. Heiman, D. Olenik-Shemesh, S. Eden // *European journal of special needs*. – 2015. – Vol. 30. – P. 15–29.
172. Hinduja, S., Patchin, J. W. Cyberbullying: an exploratory analysis of factors related to offending and victimization / S. Hinduja, J. W. Patchin // *Deviant behavior*. – 2008. – Vol. 29(2). – P. 129–156.

173. Hinduja, S., Patchin, J. W. Bullying, cyberbullying, and suicide / S. Hinduja, J. W. Patchin // Archives of suicide research. – 2010. – Vol. 14(3). – P. 206–221.
174. Hinduja, S., Patchin, J. Social influences on cyberbullying behaviors among middle and high school students / S. Hinduja, J. Patchin // Journal of youth and adolescence. – 2013. – Vol. 42(5). – P. 711–722.
175. Hinduja, S., Patchin, J. W. Bullying beyond the schoolyard: preventing and responding to cyberbullying / S. Hinduja, J. W. Patchin. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2015. – 312 p.
176. Hong, J. S., Espelage, D. L. A review of research on bullying and peer victimization in school: an ecological system analysis / J. S. Hong, D. L. Espelage // Aggression and violent behavior. – 2012. – Vol. 17(4). – P. 311–322.
177. Howard, R. R. C. The quest for excitement: a missing link between personality disorder and violence? / R. R. C. Howard // The journal of forensic psychiatry & psychology. – 2011. – Vol. 22. – P. 692–705.
178. Hyde, L. W., Shaw, D. S., Moilanen, K. L. Developmental precursors of moral disengagement and the role of moral disengagement in the development of antisocial behavior / L. W. Hyde, D. S. Shaw, K. L. Moilanen // Journal of abnormal child psychology. – 2009. – Vol. 38(2). – P. 197–209.
179. Hymel, S., Swearer, S. M. Four decades of research on school bullying: an introduction / S. Hymel, S. M. Swearer // American psychologist. – 2015. – Vol. 70. – P. 293–299.
180. Iranzo, B., Buelga, S., Cava, M. J., Ortega-Barón, J. Cyberbullying, psychosocial adjustment, and suicidal ideation in adolescence / B. Iranzo, S. Buelga, M. J. Cava, J. Ortega-Barón // Psychosocial intervention. – 2019. – Vol. 28. – P. 75–81.
181. Jane, E. A. ‘Back to the kitchen, cunt’: speaking the unspeakable about online misogyny / E. A. Jane // Continuum journal of media and cultural studies. – 2014. – Vol. 28(4). – P. 558–570.

182. Jane, E. A. Flaming? What flaming? The pitfalls and potentials of researching online hostility / E. A. Jane // *Ethics and information technology*. – 2015. – Vol. 17(1). – P. 65–87.
183. Jang, H., Song, J., Kim, R. Does the offline bully-victimization influence cyberbullying behavior among youths? Application of general strain theory / H. Jang, J. Song, R. Kim // *Computers in human behavior*. – 2014. – Vol. 31. – P. 85–93.
184. Juvonen, J., Gross, E. G. Extending the school ground? Bullying experiences in cyberspace? / J. Juvonen, E. G. Gross // *Journal of school health*. – 2008. – Vol. 78. – P. 496–505.
185. Katzer, C., Fetchenhauer, D., Belschak, F. Cyberbullying: who are the victims? A comparison of victimization in Internet chatrooms and victimization in schools / C. Katzer, D. Fetchenhauer, F. Belschak // *Journal of media psychology*. – 2009. – Vol. 21. – No. 1. – P. 25–26.
186. Klomek, A. B., Marrocco, F., Kleinman, M., Schonfeld, I. S., Gould, M. Peer victimization, depression, and suicidality in adolescents / A. B. Klomek, F. Marrocco, M. Kleinman, I. S. Schonfeld // *Suicide and life-threatening behavior*. – 2008. – Vol. 38(2). – P. 166–180.
187. König, A., Gollwitzer, M., Steffgen, G. Cyberbullying as an act of revenge? / A. König, M. Gollwitzer, G. Steffgen // *Australian journal of guidance & counseling*. – 2010. – Vol. 20. – P. 210–224.
188. Kopeck`y, K., Szotkowski, R. Cyberbullying, cyber aggression and their impact on the victim – The teacher / K. Kopeck`y, R. Szotkowski // *Telematics and informatics*. – 2017. – Vol. 34(2). – P. 506–517.
189. Kowalski, R. M. Cyber bullying: recognizing and treating victim and aggressor / R. M. Kowalski // *Psychiatric Times*. – 2008. – Vol. 25. – P. 45–47.
190. Kowalski, R. M., Giumetti, G. W., Schroeder, A. N., Lattanner, M. R. Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth / R. M. Kowalski, G. W. Giumetti, A. N. Schroeder, M. R. Lattanner // *Psychological bulletin*. – 2014. – Vol. 140(4). – P. 1073–1137.

191. Kowalski, R. M., Limber, S. P. Electronic bullying among middle school students / R. M. Kowalski, S. P. Limber // *Journal of adolescent health*. – 2007. – Vol. 41. – P. 22–30.
192. Kowalski, R. M., Limber, S. P., Agatston, P. W. Cyberbullying: bullying in the digital age / R. M. Kowalski, S. P. Limber, P. W. Agatston. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2011. – 282 p.
193. Law, D. M., Shapka, J. D., Olson, B. F. To control or not to control? Parenting behaviors and adolescent online aggression / D. Law, J. D. Shapka, B. F. Olson // *Computers in human behavior*. – 2010. – Vol. 26. – P. 1651–1656.
194. Lee, C., Shin, N. Prevalence of cyberbullying and predictors of cyberbullying perpetration among Korean adolescents / C. Lee, N. Shin // *Computers in human behavior*. – 2017. – Vol. 68. – P. 352–358.
195. Lenhart, A. Cyberbullying: what the research is telling us [Electronic resource] / A. Lenhart // Pew research center. – 2010. – URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2010/05/06/cyberbullying-2010-what-the-research-tells-us/>
196. Lenhart, A., Madden, M., Hitlin, P. Teens and technology: youth are leading the transition to a fully wired and mobile nation / A. Lenhart, M. Madden, P. Hitlin. – Washington, D.C. : Pew Internet & American life project, 2005. – 48 p.
197. Lester, L., Cross, D., Shaw, T. Problem behaviors, traditional bullying and cyberbullying among adolescents: longitudinal analyses / L. Lester, D. Cross, T. Shaw // *Emotional and behavioral difficulties*. – 2012. – Vol. 17. – P. 435–447.
198. Levy, M., Sela-Shayovitz, R. Cyberaggression: the effect of parental monitoring on bystander roles / M. Levy, R. Sela-Shayovitz // *International journal of child, youth and family studies*. – 2020. – Vol. 11(4). – P. 13–36.
199. Li, Q. Cyberbullying in schools. A research of gender differences / Q. Li // *School psychology international*. – 2006. – Vol. 27(2). – P. 157–170.

200. Li, Q. New bottle but old wine: a research of cyberbullying in schools / Q. Li // *Computers in human behavior*. – 2007. – Vol. 23(4). – P. 1777–1791.
201. Li, Q. A cross-cultural comparison of adolescents' experience related to cyberbullying / Q. Li // *Educational research*. – 2008. – Vol. 50(3). – P. 223–234.
202. Lisson, M. Out-of-control gossip on juicy campus web site [Electronic resource] / M. Lisson // *ABC News*. – 2008. – URL: <https://abcnews.go.com/OnCampus/story?id=5919608>
203. L'opez, C. A., L'opez, R. M. Hate speech, cyberbullying and online anonymity / In S. Assimakopoulos, F. H. Baider, S. Millar (Eds.) // *Online hate speech in the European Union: a discourse-analytic perspective*. – 2017. – P. 80–85.
204. Lo'pez-Pradas, I. C., Romera, E. M., Casas, J. A., Ortega-Ruiz, R. Cybergossip and cyberbullying during primary school years / I. C. Lo'pez-Pradas, E. M. Romera, J. A. Casas, R. Ortega-Ruiz // *Psicología educativa*. – 2017. – Vol. 23. – P. 73–80.
205. Lozano-Blasco, R., Cortés-Pascual, A., Latorre-Martínez, M. P. Being a cybervictim and a cyberbully – the duality of cyberbullying: a meta-analysis [Electronic resource] / R. Lozano-Blasco, A. Cortés-Pascual, M. P. Latorre-Martínez // *Computers in human behavior*. – 2020. – Vol. 111. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106444>
206. Machackova, H., Blaya, C., Bedrosova, M., Smahel, D., Staksrud, E. Children's experiences with cyberhate [Electronic resource] / H. Machackova, C. Blaya, M. Bedrosova, D. Smahel, E. Staksrud // *EU Kids online*. – 2020. – URL: <https://doi.org/10.21953/lse.zenkg9xw6pua>
207. Macháčková, H., Dedkova, L., Sevcikova, A., Cerna, A. Bystanders' support of cyberbullied schoolmates / H. Macháčková, L. Dedkova, A. Sevcikova, A. Cerna // *Journal of community & applied social psychology*. – 2013. – Vol. 23(1). – P. 25–36.

208. Makri-Botsari, E., Karagianni, G. Cyberbullying in Greek adolescents: the role of parents / E. Makri-Botsari, G. Karagianni // *Procedia-Social and behavioral sciences*. – 2014. – Vol. 116. – P. 3241–3253.
209. Mantilla, K. Gendertrolling: misogyny adapts to new media / K. Mantilla // *Feminist Studies*. – 2013. – Vol. 39. – P. 563–570.
210. Marín-López, I., Zych, I., Ortega-Ruiz, R., Llorent, V. J., Hunter, S. C. Relations among online emotional content use, social and emotional competencies and cyberbullying [Electronic resource] / I. Marín-López, I. Zych, R. Ortega-Ruiz, V. J. Llorent, S. C. Hunter // *Children and youth services review*. – 2019. – Vol. 108. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104647>
211. Martí'nez, J, Rodrí'guez-Hidalgo, A. J., Zych, I. Bullying and cyberbullying in adolescents from disadvantaged areas: validation of questionnaires; prevalence rates; and relationship to self-esteem, empathy and social skills [Electronic resource] / J. Martí'nez, A. J. Rodrí'guez-Hidalgo, I. Zych // *International journal of environmental research and public health*. – 2020. – Vol. 17(17). – URL: <https://doi.org/10.3390/ijerph17176199> PMID: 32859073
212. Martins, M. J., Simão, A. V., Freire, I., Caetano, A. P., Matos, A. M. Cyber-victimization and cyber-aggression among Portuguese adolescents: the relation to family support and family rules / M. J. Martins, A. V. Simão, I. Freire, A. P. Caetano, A. M. Matos // *International journal of cyber behavior, psychology and learning*. – 2016. – Vol. 6(3). – P. 65–78.
213. Martínez-Monteagudo, M. C., Delgado, B., García-Fernández, J. M., Rubio, E. Cyberbullying, aggressiveness, and emotional intelligence in adolescence / M. C. Martínez-Monteagudo, B. Delgado, J. M. García-Fernández, E. Rubio // *International journal of environmental research and public health*. – 2019. – Vol. 16(24). – P. 1–14.
214. Menesini, E., Nocentini, A. Cyberbullying definition and measurement – some critical considerations / E. Menesini, A. Nocentini // *Journal of psychology*. – 2009. – Vol. 217(4). – P. 230–232.

215. Menesini, E., Nocentini, A., Palladino, B. E. Cyberbullying definition among adolescents: a comparison across six European countries / E. Menesini, A. Nocentini, B. E. Palladino // *Cyberpsychology, behavior and social networking*. – 2012. – Vol. 15. – P. 455–463.
216. Mestre, V., Samper, P., Tur-Porcar, A. M., Richaud, M. C. Emociones, estilos de afrontamiento y agresividad en la adolescencia / V. Mestre, P. Samper, A. M. Tur-Porcar, M. C. Richaud // *Universitas psychologica*. – 2012. – Vol. 11. – P. 1263–1275.
217. Modecki, K. L., Barber, B. L., Vernon, L. Mapping developmental precursors of cyber-aggression: trajectories of risk predict perpetration and victimization / K. L. Modecki, B. L. Barber, L. Vernon // *Journal of youth and adolescence*. – 2013. – Vol. 42. – P. 651–661.
218. Moffitt, T. E. Adolescent-limited and life-course-persistent anti-social behavior: a developmental taxonomy / T. E. Moffitt // *Psychological review*. – 1993. – Vol. 100. – P. 674–701.
219. Nixon, C. L. Current perspectives: the impact of cyberbullying on adolescent health / C. L. Nixon // *Adolescent health, medicine and therapeutics*. – 2014. – Vol. 5. – P. 143–158.
220. Norman, G. Likert scales, levels of measurement and the “laws” of statistics / G. Norman // *Advances in health sciences education: theory and practice*. – 2010. – Vol. 15(5). – P. 625–632.
221. Olenik-Shemesh, D., Heiman, T., Segal, E. Bystander’s behavior in cyberbullying episodes: active and passive patterns in the context of socio-emotional factors / D. Olenik-Shemesh, T. Heiman, E. Segal // *Journal of interpersonal violence*. – 2015. – P. 1–26.
222. Olweus, D. *Bullying at school: what we know and what we can do* / D. Olweus. – Cambridge, MA : Blackwell Publishers, 1993. – 140 p.
223. Olweus, D. Cyberbullying: an overrated phenomenon? / D. Olweus // *European journal of developmental psychology*. – 2012. – Vol. 9(5). – P. 1–19.

224. Orue, I., Calvete, E. Psychopathic traits and moral disengagement interact to predict bullying and cyberbullying among adolescents / I. Orue, E. Calvete // *Journal of interpersonal violence*. – 2016. – Vol. 34. – P. 2313–2332.
225. Patchin, J. W., Hinduja, S. Bullies move beyond the schoolyard: a preliminary look at cyberbullying / J. W. Patchin, S. Hinduja // *Youth violence and juvenile justice*. – 2006. – Vol. 4(2). – P. 148–169.
226. Patchin, J. W., Hinduja, S. Trends in online social networking: adolescent use of MySpace over time / J. W. Patchin, S. Hinduja // *New media & society*. – 2010. – Vol. 12(2). – P. 197–216.
227. Patchin, J. W., Hinduja, S. Traditional and nontraditional bullying among youth: a test of general strain theory / J. W. Patchin, S. Hinduja // *Youth & society*. – 2011. – Vol. 43. – P. 727–751.
228. Pellegrini, A. D., Bartini, M., Brooks, F. School bullies, victims, and aggressive victims: factors relating to group affiliation and victimization in early adolescence / A. D. Pellegrini, M. Bartini, F. Brooks // *Journal of educational psychology*. – 1999. – Vol. 91. – P. 216–224.
229. Pelton, J., Gound, M., Forehand, R., Brody, G. H. The moral disengagement scale: extension with an American minority sample / J. Pelton, M. Gound, R. Forehand, G. H. Brody // *Journal of psychopathology and behavioral assessment*. – 2004. – Vol. 26(1). – P. 31–39.
230. Peluchette, J. V., Karl, K., Wood, C., Williams, J. Cyberbullying victimization: do victims' personality and risky social network contribute to the problem? / J. V. Peluchette, K. Karl, C. Wood, J. Williams // *Computers in human behavior*. – 2015. – Vol. 52. – P. 424–435.
231. Perren, S., Corcoran, L., Cowie, H., Dehue, F., Garcia, D., Mc Guckin, C., Ševčíková, A., Tsatsou, P., Völlink, T. Coping with cyberbullying: a systematic literature review (Unpublished final report of the COST IS0801 working group 5) [Electronic resource] / S. Perren, L. Corcoran, H. Cowie et al. – 2013. – URL: <https://sites.google.com/site/costis0801/books-and-publications-1>

232. Pornari, C. D., Wood, J. Peer and cyber aggression in secondary school students: the role of moral disengagement, hostile attribution bias, and outcome expectancies / C. D. Pornari, J. Wood // *Aggressive behavior*. – 2010. – Vol. 36. – P. 81–94.
233. Price, M., Dalgleish, J. Cyberbullying: experiences, impacts and coping strategies as described by Australian young people / M. Price, J. Dalgleish // *Youth Studies Australia*. – 2010. – Vol. 29. – P. 51–59.
234. Raskauskas, J., Stoltz, A. D. Involvement in traditional and electronic bullying among adolescents / J. Raskauskas, A. D. Stoltz // *Developmental psychology*. – 2007. – Vol. 43. – P. 564–575.
235. Rivers, I., Noret, N. 'Th8 u': findings from a five-year study of text and email bullying / I. Rivers, N. Noret // *British educational research journal*. – 2010. – Vol. 36. – P. 643–671.
236. Rodríguez-Hidalgo, A. J., Mero, O., Solera, E., Herrera-Lo'pez, M., Calmaestra, J. Prevalence and psychosocial predictors of cyberaggression and cybervictimization in adolescents: a Spain-Ecuador transcultural study on cyberbullying [Electronic resource] / A. J. Rodríguez-Hidalgo, O. Mero, E. Solera, M. Herrera-Lo'pez, J. Calmaestra // *PLoS ONE*. – 2020. – Vol. 15(11). – URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0241288>
237. Rodríguez-Hidalgo, A. J., Solera, E., Calmaestra, J. Psychological predictors of cyberbullying according to ethnic-cultural origin in adolescents: a national study in Spain / A. J. Rodríguez-Hidalgo, E. Solera, J. Calmaestra // *Journal of cross-cultural psychology*. – 2018. – Vol. 49. – P. 1506–1522.
238. Romera, E. M., Cano, J. J., García-Fernández, C. M., Ortega-Ruiz, R. Cyberbullying: social competence, motivation and peer relationships / E. M. Romera, J. J. Cano, C. M. García-Fernández, R. Ortega-Ruiz // *Comunicar*. – 2016. – Vol. 24. – P. 71–79.
239. Runions, K. C. Toward a conceptual model of motive and self-control in cyber-aggression: rage, revenge, reward and recreation / K. C. Runions // *Journal of adolescence*. – 2013. – Vol. 42. – P. 751–771.

240. Runions, K. C., Bak, M., Cross, D. Cyber aggression [Electronic resource] / K. C. Runions, M. Bak, D. Cross. – Encyclopedia of adolescence, 2016. – URL: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-32132-5_780-1.
241. Runions, K. C., Bak, M., Shaw, T. Disentangling functions of online aggression: the cyber-aggression typology questionnaire (CATQ) / K. C. Runions, M. Bak, T. Shaw // *Aggressive behavior*. – 2017. – Vol. 43. – P. 74–84.
242. Sasson, H., Mesch, G. S. Parental mediation, peer norms and risky online behaviors among adolescents / H. Sasson, G. S. Mesch // *Computers in human behavior*. – 2014. – Vol. 33. – P. 32–38.
243. Sasson, H., Mesch, G. S. The role of parental mediation and peer norms on likelihood of cyberbullying / H. Sasson, G. S. Mesch // *The journal of genetic psychology*. – 2017. – Vol. 178(1). – P. 15–27.
244. Schneider, S. K., O'Donnell, L., Stueve, A., Coulter, R. Cyberbullying, school bullying, and psychological distress: a regional census of high school students / S. K. Schneider, L. O'Donnell, A. Stueve, R. Coulter // *American journal of public health*. – 2012. – Vol. 102. – P. 171–177.
245. Schoffstall, C., Cohen, R. Cyber-Aggression: the relation between online offenders and offline social competence / C. Schoffstall, R. Cohen // *Social development*. – 2011. – Vol. 20. – No. 3. – P. 586–604.
246. Seiffge-Krenke, I., Weidemann, S., Fentner, S., Aegenheister, N., Poebblau, M. Coping with school-related stress and family stress in healthy and clinically referred adolescents / I. Seiffge-Krenke, S. Weidemann, S. Fentner, N. Aegenheister, M. Poebblau // *European psychologist*. – 2001. – Vol. 6. – P. 123–132.
247. Short, J. A., Williams, E., Christie, B. The social psychology of telecommunications / J. A. Short, E. Williams, B. Christie. – London : Wiley, 1976. – 216 p.
248. Simão, A. V., Ferreira, P. C., Freire, I., Caetano, A. P., Martins, M. J., Vieira, C. Adolescent cybervictimization – who they turn to and their perceived school

- climate / A. V. Simão, P. C. Ferreira, I. Freire, A. P. Caetano, M. J. Martins, C. Vieira // *Journal of adolescence*. – 2017. – Vol. 58. – P. 12–23.
249. Slaby, R. G., Guerra, N. G. Cognitive mediators of aggression in adolescent offenders / R. G. Slaby, N. G. Guerra // *Developmental psychology*. – 1988. – Vol. 24(4). – P. 580–588.
250. Slonje, R., Smith, P. K. Cyberbullying: another main type of bullying? [Electronic resource] / R. Slonje, P. K. Smith // *Scandinavian journal of psychology*. – 2007. – Vol. 49. – P. 1–8. – URL: <http://10.1111/j.1467-9450.2007.00611.x>.
251. Smith, P. K. Cyberbullying and cyber aggression / P. K. Smith // *Handbook of school violence and school safety: International research and practice*. – 2012. – Vol. 2. – P. 93–103.
252. Smith, B. W., Dempsey, A. G., Jackson, S. E., Olenchak, F. R. et al. Cyberbullying among gifted children / B. W. Smith, A. G. Dempsey, S. E. Jackson, F. R. Olenchak et al. // *Gifted education international*. – 2012. – Vol. 28(1). – P. 112–126.
253. Smith, P. K., Mahdavi, J., Carvalho, M., Fisher, S., Russell, S., Tippett, N. Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils / P. K. Smith, J. Mahdavi, M. Carvalho, S. Fisher, S. Russell, N. Tippett // *Journal of child psychology and psychiatry, and allied disciplines*. – 2008. – Vol. 49(4). – P. 376–385.
254. Smith, P. K., Morita, Y., Junger-Tas, J., Olweus, D., Catalano, R., Slee, P. The Nature of school bullying: a cross-national perspective / P. K. Smith, Y. Morita, J. Junger-Tas, D. Olweus, R. Catalano, P. Slee // *Journal of child psychology and psychiatry*. – 1999. – Vol. 41(03). – P. 399–404.
255. Smith, P. K., Robinson, S., Marchi, B. Cross-national data on victims of bullying: What is really being measured? / P. K. Smith, S. Robinson, B. Marchi // *International journal of developmental science*. – 2016. – Vol. 10. – P. 9–19.

256. Smith, P. K., Sharp, S. School bullying: insights and perspectives [Electronic resource] / P. K. Smith, S. Sharp. – London : Routledge, 1994. – URL: <https://doi.org/10.4324/9780203425497>
257. Sontag, L. M., Clemans, K. H., Graber, J. A., Lyndon, S. T. Traditional and cyber aggressors and victims: a comparison of psychosocial characteristics / L. M. Sontag, K. H. Clemans, J. A. Graber, S. T. Lyndon // *Journal of youth & adolescence*. – 2011. – Vol. 40. – P. 392–404.
258. Spieker, S. J., Campbell, S. B., Vandergrift, N., Pierce, K. M., Cauffman, E., Susman, E. J., Roismanet, G. I. Relational aggression in middle childhood: Predictors and adolescent outcomes / S. J. Spieker, S. B. Campbell, N. Vandergrift, K. M. Pierce, E. Cauffman, E. J. Susman, G. I. Roismanet // *Social development*. – 2012. – Vol. 21(2). – P. 354–375.
259. Sproull, L., Kiesler, S. Reducing social context cues: electronic mail in organizational communication / L. Sproull, S. Kiesler // *Management science*. – 1986. – Vol. 32. – P. 1492–1513.
260. Steffgen, G. Are cyberbullies less empathic? Adolescents' cyberbullying behavior and empathic responsiveness / G. Steffgen, A. König, J. Pfetsch, A. Melzer // *Cyberpsychology behavior society network*. – 2011. – Vol. 14(11). – P. 643–648.
261. Sticca, F., Perren, S. Is cyberbullying worse than traditional bullying? Examining the differential roles of medium, publicity, and anonymity for the perceived severity of bullying / F. Sticca, S. Perren // *Journal of youth and adolescence*. – 2013. – Vol. 42(5). – P. 739–750.
262. Subrahmanyam, K., Smahel, D. Digital youth: the role of media in development / K. Subrahmanyam, D. Smahel. – New York : Springer science & business media, 2011. – 236 p.
263. Suler, J. The online disinhibition effect / J. Suler // *Cyberpsychology & behavior: the impact of the Internet, multimedia and virtual reality on behavior and society*. – 2004. – Vol. 7(3). – P. 321–326.

264. Sullivan, C. F. Gendered cybersupport: a thematic analysis of two online cancer support groups / C. F. Sullivan // *Journal of health psychology*. – 2003. – Vol. 8(1). – P. 83–104.
265. Sumner, R., Maclen, J., Stanley, M. J., Burrow, A. L. 2015. Room for debate (and derogation): negativity of readers' comments on Black authors' online content / R. Sumner, J. Maclen, M. J. Stanley, A. L. Burrow // *Psychology of popular media culture*. – 2015. – Vol. 6(2). – P. 113–122.
266. Sykes, M., Matza, D. Techniques of neutralization: a theory of delinquency / M. Sykes, D. Matza // *American sociological review*. – 1957. – Vol. 22. – No. 6. – P. 664–670.
267. Tattum, D. Violence and aggression in schools / In D. Tattum, D. A. Lane (Eds.). – *Bullying in Schools*. London : Treutham, 1994. – 117 p.
268. Thornton, A., Orbuch, T. L., Axinn, W. G. Parent-child relationships during the transition to adulthood / A. Thornton, T. L. Orbuch, W. G. Axinn // *Journal of family issues*. – 1995. – Vol. 5. – P. 538–564.
269. Tokunaga, R. S. Following you home from school: a critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization / R. S. Tokunaga // *Computers in human behavior*. – 2010. – Vol. 26. – P. 277–287.
270. Underwood, M. K. Sticks and stones and social exclusion: aggression among girls and boys / M. K. Underwood // *Blackwell handbook of childhood social development*. – 2002. – P. 533–548.
271. Vaillancourt, T., Hymel, S., McDougall, P. Bullying is power: implications for school-based intervention strategies / T. Vaillancourt, S. Hymel, P. McDougall // *Journal of applied school psychology*. – 2003. – Vol. 19. – P. 157–176.
272. Van Cleemput, K., Vandebosch, H., Pabian, S. Personal characteristics and contextual factors that determine “Helping,” “Joining In,” and “Doing Nothing” when witnessing cyberbullying / K. Van Cleemput, H. Vandebosch, S. Pabian // *Aggressive behavior*. – 2014. – Vol. 40. – P. 383–396.

273. Vandenbosch, H., Van Cleemput, K. Defining cyberbullying: a qualitative research into the perceptions of youngsters / H. Vandenbosch, K. Van Cleemput // *Cyberpsychology and behavior*. – 2008. – Vol. 11. – P. 499–503.
274. Vandebosch, H., Van Cleemput, K. Cyberbullying among youngsters: profiles of bullies and victims / H. Vandebosch, K. Van Cleemput // *New media & society*. – 2009. – Vol. 11. – P. 1349–1371.
275. Vandebosch, H., Van Cleemput, K., Mortelmans, D., Walrave, M. Cyberpesten bij jongeren in Vlaanderen: een studie in opdracht van het viWTA – Samenleving en Technologie / H. Vandebosch, K. Van Cleemput, D. Mortelmans, M. Walrave. – Brussel : viWTA, 2006. – 214 p.
276. Varjas, K. High school students' perceptions of motivations for cyberbullying: an exploratory study / K. Varjas et al. // *Western journal of emergency medicine*. – 2010 – Vol. 11 – No. 3. – P. 269–273.
277. Vazsonyi, A. T., Machackova, H., Sevcikova, A., Smahel, D., Cerna A. Cyber-bullying in context: direct and indirect effects by low self-control across 25 European countries / A. T. Vazsonyi, H. Machackova, A. Sevcikova, D. Smahel, A. Cerna // *European journal of developmental psychology*. – 2012. – Vol. 9. – P. 210–227.
278. Vieira, C. C., Matos, A., Amado, J., Freire, I., Veiga-Simão, A. M. Boys' and girls' cyberbullying behaviors in Portugal: exploring sex differences in adolescence using gender lenses / C. C. Vieira, A. Matos, J. Amado, I. Freire, A. M. Veiga-Simão // *Ex aequo*. – 2016. – Vol. 34. – P. 143–159.
279. Vitto, C. Cyberbullying among adolescents: frequency and characteristics / C. Vitto // *Sociology international journal*. – 2018. – Vol. 2. – No. 6. – P. 730–734.
280. Wachs, S. Moral disengagement and emotional and social difficulties in bullying and cyberbullying: differences by participant role / S. Wachs // *Emotional and behavioral difficulties*. – 2012. – Vol. 17, 3–4 (Bullying and cyberbullying: emotional and behavioral correlates). – P. 347–360.

281. Wachs, S., Wright, M. F. Associations between bystanders and perpetrators of online hate: the moderating role of toxic online disinhibition [Electronic resource] / S. Wachs, M. F. Wright // *International journal of environmental research and public health*. – 2018. – Vol. 15(9). – URL: <https://doi.org/10.3390/ijerph15092030>
282. Wachs, S., Wright, M. F., Vazsonyi, A. T. Understanding the overlap between cyberbullying and cyberhate perpetration: moderating effects of toxic online disinhibition / S. Wachs, M. F. Wright, A. T. Vazsonyi // *Criminal behavior and mental health*. – 2019. – Vol. 29(3). – P. 179–188.
283. Walrave, M., Heirman, W. Cyberbullying: predicting victimization and perpetration / M. Walrave, W. Heirman // *Children & society*. – 2011. – Vol. 25. – P. 59–72.
284. Watkins, L. E., Maldonado, R. C., DiLillo, D. The cyber aggression in relationships scale: a new multidimensional measure of technology-based intimate partner aggression / L. E. Watkins, R. C. Maldonado, D. DiLillo // *Assessment*. – 2018. – Vol. 25(5). – P. 608–626.
285. Werner, N. E., Bumpus, M. F., Rock, D. Involvement in internet aggression during early adolescence [Electronic resource] / N. E. Werner, M. F. Bumpus, D. Rock // *Journal of youth and adolescence*. – 2010. – Vol. 39(6). – P. 607–619. – URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s10964-009-9419-7>
286. Williams, K. D., Cheung, C. K. T., Choi, W. Cyber ostracism: effects of being ignored over the Internet / K. D. Williams, C. K. T. Cheung, W. Choi // *Journal of personality and social psychology*. – 2000. – Vol. 79(5). – P. 748–762.
287. Williams, K. R., Guerra, N. G. Prevalence and predictors of internet bullying / K. R. Williams, N. G. Guerra // *Journal of adolescent health*. – 2007. – Vol. 41. – P. 14–21.
288. Wolak, J., Mitchell, K., Finkelhor, D. Online victimization: 5 years later / J. Wolak, K. Mitchell, D. Finkelhor. – Alexandria, VA : National center for missing & exploited children, 2006. – 97 p.

289. Wright, M. F. Longitudinal investigation of the associations between adolescents' popularity and cyber social behaviors / M. F. Wright // *Journal of school violence*. – 2014. – Vol. 13. – P. 291–314.
290. Wright, M. F. Cyber victimization and perceived stress: linkages to late adolescents' cyber aggression and psychological functioning / M. F. Wright // *Youth a society*. – 2015. – Vol. 47. – No. 6. – P. 789–810.
291. Wright, M. F. Adolescents' perceptions of popularity-motivated behaviors, characteristics, and relationships in cyberspace and cyber aggression: the role of gender / M. F. Wright // *Cyberpsychology, behavior, and social networking*. – 2017. – Vol. 20. – No. 6. – P. 355–361.
292. Wright, M. F., Li, Y. The association between cyber victimization and subsequent cyber aggression: the moderating effect of peer rejection / M. F. Wright, Y. Li // *Journal of youth and adolescence*. – 2013. – Vol. 42(5). – P. 662–674.
293. Wright, M., Wachs, S. Adolescents' cyber victimization: the influence of technologies, gender, and gender stereotype traits / M. Wright, S. Wachs // *International journal of environmental research and public health*. – 2020. – Vol. 17(4). – P. 1293.
294. Xie, H., Li, Y., Boucher, S. M., Hutchins, B. C., Cairns, B. D. What makes a girl (or a boy) popular (or unpopular)? African American children's perceptions and developmental differences / H. Xie, Y. Li, S. M. Boucher, B. C. Hutchins, B. D. Cairns // *Developmental psychology*. – 2006. – Vol. 42(4). – P. 599–612.
295. Yang, J., Wang, X. Interparental conflict and aggressive behavior: the mediation effect of the moral disengagement / J. Yang, X. Wang // *Psychological development education*. – 2011. – Vol. 5. – P. 498–505.
296. Ybarra, M. L., Boyd, D., Korchmaros, J. D., Oppenheim, J. K. Defining and measuring cyberbullying within the larger context of bullying victimization / M. L. Ybarra, D. Boyd, J. D. Korchmaros, J. K. Oppenheim // *Journal of adolescent health*. – 2012. – Vol. 51(1). – P. 53–58.

297. Ybarra, M. L., Mitchell, K. J. Online aggressor / targets, aggressors, and targets: a comparison of associated youth characteristics / M. L. Ybarra, K. J. Mitchell // *Journal of child psychology and psychiatry*. – 2004. – Vol. 45(7). – P. 1308–1316.
298. Ybarra, M. L., Mitchell, K. J. How risky are social networking sites? A comparison of places Online where youth sexual solicitation and harassment occurs / M. L. Ybarra, K. J. Mitchell // *Pediatrics*. – 2008. – Vol. 121. – P. 350–357.
299. Yuan, G., Liu, Z. Longitudinal cross-lagged analyses between cyberbullying perpetration, mindfulness and depression among Chinese high school students / G. Yuan, Z. Liu // *Journal of health psychology*. – 2019. – Vol. 26(11). – P. 1872–1881.
300. Yudes, C., Rey, L., Extremera, N. Cyberbullying, internet addiction and emotional intelligence in adolescents: a gender difference analysis / C. Yudes, L. Rey, N. Extremera // *Voces de la Educacion*. – 2019. – Sp. Iss. – P. 27–44.
301. Zych, I., Baldry, A. C., Farrington, D. P., Llorent, V. J. Are children involved in cyberbullying low on empathy? A systematic review and meta-analysis of research on empathy versus different cyberbullying roles / I. Zych, A. C. Baldry, D. P. Farrington, V. J. Llorent // *Aggression and violent behavior*. – 2019. – Vol. 45. – P. 83–97.
302. Zych, I., Beltra'n-Catala'n, M., Ortega-Ruiz, R., Llorent, V. J. Social and emotional competencies in adolescents involved in different bullying and cyberbullying roles / I. Zych, M. Beltra'n-Catala'n, R. Ortega-Ruiz, V. J. Llorent // *Revista de psicodidactica*. – 2018. – Vol. 23(2). – P. 86–93.
303. Zych, I., Farrington, D. P., Ttofi, M. M. Protective factors against bullying and cyberbullying: a systematic review of meta-analyses / I. Zych, D. P. Farrington, M. M. Ttofi // *Aggression and violent behavior*. – 2019. – Vol. 45. – P. 4–19.
304. Zych, I., Kaakinen, M., Savolainen, L., Sirola, A., Paek, H-J., Oksanen, A. The role of impulsivity, social relations online and offline, and compulsive

- Internet use in cyberaggression: a four- country study / I. Zych, M. Kaakinen, L. Savolainen, A. Sirola, H-J. Paek, A. Oksanen // *New media & society*. – 2021. – Vol. 25(1). – P. 1–18.
305. Zych, I., Ortega-Ruiz, R., Del Rey, R. Scientific research on bullying and cyberbullying: where have we been and where are we going / I. Zych, R. Ortega-Ruiz, R. Del Rey // *Aggression and violent behavior*. – 2015. – Vol. 24. – P. 188–198.

Приложение 1

Типология киберагрессии

(русскоязычная версия)

Инструкция: Прочитай, пожалуйста, утверждения, и отметь, насколько они соответствуют тому, как обычно поступаешь ты. Для этого поставь галочку в одном из столбиков: «точно про меня», «скорее про меня», «скорее не про меня», «точно не про меня».

Текст опросника.

Вопросы	Точно про меня	Скорее про меня	Скорее не про меня	Точно не про меня
1. Я использую интернет, чтобы отомстить тому, кто отправляет мне обидное сообщение				
2. Если кто-то в интернете пытается разозлить меня, я резко на это реагирую, размещая соответствующие тексты и репосты в ответ				
3. Если кто-то насмехается надо мной в социальных сетях, я расстраиваюсь и сразу же пишу в ответ плохое сообщение				
4. Если кто-то пытается унижать меня в онлайн, я отвечаю тем же				
5. Если кто-то пишет мне что-то обидное в сети, я сразу же отправляю негативное сообщение в ответ				
6. Если кто-то критикует меня в онлайн сообщениях или репостах, я часто реагирую агрессивно, не думая о последствиях				
7. Если бы кто-то причинял мне вред в онлайн-переписках, я бы не сразу стал отвечать				
8. Если кто-то попытается обидеть меня в чате, я отвечу ему в удобное для меня время				
9. Я часто возвращаюсь к переписке с теми, кто высмеивает меня в интернете, я много думаю об этом и переживаю				
10. Когда я злюсь на кого-то, я обдумываю план мести в интернете				
11. Если бы я хотел отомстить кому-то, я бы воспользовался социальными сетями в интернете, планируя свои действия				
12. Если я вижу неприятное сообщение обо мне в сети, я расстраиваюсь и долго вынашиваю план как бы мне поквитаться с обидчиком				
13. Если мне кто-то не нравится, я воспользуюсь социальными сетями, чтобы настроить других против него				
14. Иногда я объединяюсь с друзьями, чтобы над кем-то поиздеваться в онлайн				
15. Иногда мне нравится унижать других людей в онлайн переписках				
16. Когда мне не нравится человек, я могу использовать злостные переписки в чате, делая все возможное, чтобы он не чувствовал себя частью нашей группы				
17. Я могу использовать фэйковую страницу в интернете, чтобы разрушить чужую дружбу				
18. Я иногда способен кого-то публично унижить, переписываясь в чате				
19. Мне весело обсуждать кого-то в интернете, а другим кажется, что я злобно высмеиваю кого-то				
20. Я могу высмеивать незнакомых мне людей в интернете, не переживая за последствия				
21. Если я веселюсь и шучу в интернете, я не думаю, что мои шутки могут кому-то сделать больно				

22. Я постоянно раздражаю людей в онлайн переписках, считая это забавным				
23. Шутить онлайн так весело, что меня не беспокоит, могу ли я кого-нибудь обидеть своими шутками или нет				

Ответы оцениваются:

точно про меня – 1 балл,

скорее про меня – 2 балла,

скорее не про меня – 3 балла,

точно не про меня – 4 балла.

По каждому фактору подсчитывается «сырой балл» как сумма оценок по входящим в нее утверждениям:

фактор 1 – «импульсивно-ответная киберагрессия», утверждения: 1, 2, 3, 4, 5, 6;

фактор 2 – «произвольно-ответная киберагрессия», утверждения: 7, 8, 9, 10, 11, 12;

фактор 3 – «произвольно-инициативная киберагрессия», утверждения: 13, 14, 15, 16, 17, 18;

фактор 4 – «импульсивно-инициативная киберагрессия», утверждения: 19, 20, 21, 22, 23;

общая сумма по всем факторам – «Суммарный показатель проявления киберагрессии».

Таблица 2.1. Критерий Колмогорова – Смирнова

Параметры	λ	p	M	S
Импульсивно-ответная КА	0,178	0,05	9,0	3,28
Произвольно-ответная КА	0,103	0,05	10,5	2,94
Произвольно-инициативная КА	0,272	0,05	7,4	2,35
Импульсивно-инициативная КА	0,195	0,05	7,4	2,65
Суммарный показатель КА	0,119	0,05	34,3	8,63
Время в Интернете	0,240	0,001	2,3	0,89
Время общения в сетях, чатах и т.д.	0,301	0,001	1,7	0,88
Агрессия в адрес других пользователей	0,275	0,001	1,9	0,84
Агрессия со стороны других пользователей	0,246	0,001	2,0	0,94
Физическая агрессия	0,102	0,05	20,3	7,34
Гнев	0,065	0,05	18,5	6,22
Враждебность	0,078	0,05	19,3	6,20
Вербальная агрессия	0,095	0,05	13,1	3,68
Агрессивность (сум.)	0,077	0,05	58,1	15,64
Эмпатия	0,058	0,05	65	11,12
Соперничество	0,099	0,05	4,6	3,05
Сотрудничество	0,145	0,05	6,0	1,71
Компромисс	0,103	0,05	7,0	1,92
Избегание	0,121	0,05	6,2	1,89
Приспособление	0,098	0,05	6,2	2,53
Социальное осознание	0,058	0,05	25,4	8,15
Социальные навыки	0,052	0,05	39,2	8,28

Социальный интеллект (сум.)	0,058	0,05	64,5	10,29
Коммуникативный контроль	0,113	0,05	5	1,81
Коммуникативная импульсивность	0,044	0,05	49	8,42
Авторитарная направленность	0,127	0,05	3,4	2,28
Альтероцентристская направленность	0,136	0,05	4,9	3,26
Конформная направленность	0,142	0,05	4,7	2,26
Манипулятивная направленность	0,130	0,05	3,9	2,18
Индифферентная направленность	0,149	0,05	2,9	2,22
Диалогическая направленность	0,496	0,05	0,2	0,63

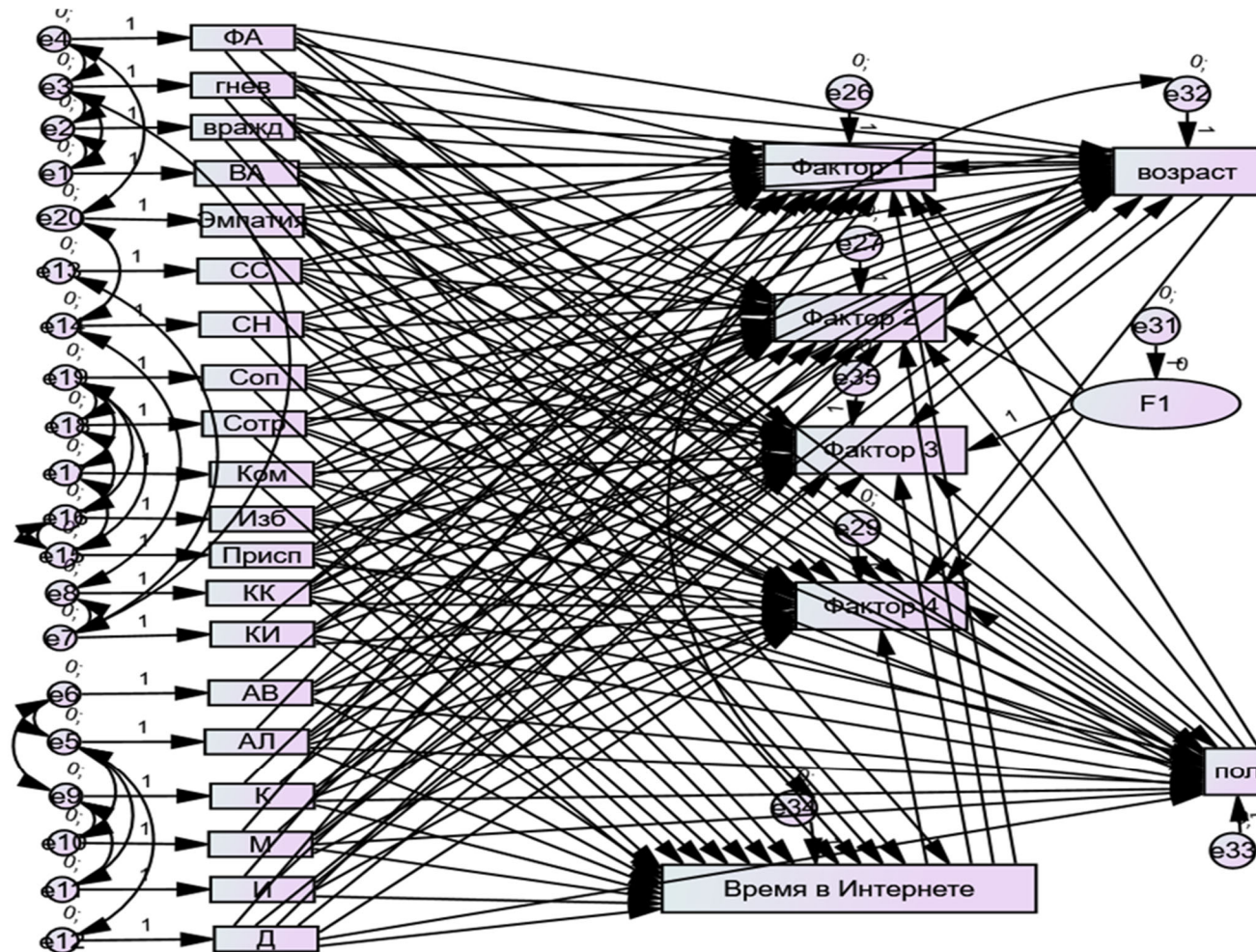

Рисунок 8. Структурная диаграмма модели 1

Примечание: в прямоугольных контурах — явные переменные-индикаторы, в округлых контурах - латентные факторы и «ошибки» измерения

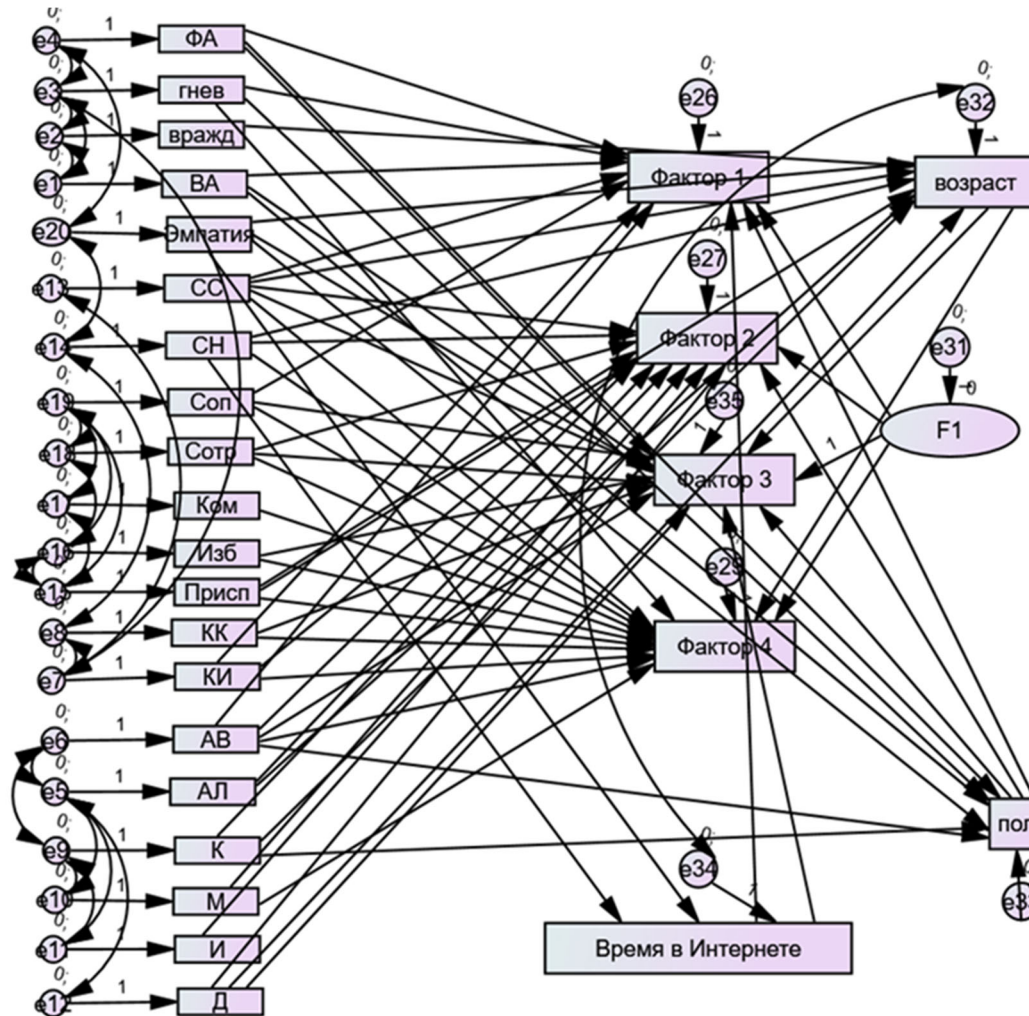

Рисунок 9. Структурная диаграмма модели 2

Примечание: в прямоугольных контурах — явные переменные-индикаторы, в округлых контурах - латентные факторы и «ошибки» измерения